

Охота

и охотничье хозяйство

2

1969

На первой странице
обложки:
Основа пушного промысла — соболь.

Фото Н. НЕМНОВА

На второй странице
обложки:
Юный натуралист.

Фото Н. НЕМНОВА

На третьей странице
обложки:
После лороши.

Фото Н. БОХОНОВА

На четвертой странице
обложки:
Страница лесной «книжки».

Фото А. ПИЩАЛЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

охота

и охотничье хозяйство • 2 • 1989

Ежемесячный массовый журнал
Министерства сельского хозяйства СССР
Год издания пятнадцатый

НАУКУ—НА СЛУЖБУ ОХОТНИЧЬЕМУ ХОЗЯЙСТВУ

Решения октябрьского Пленума ЦК КПСС вызвали новый подъем трудовой и политической активности советских людей. Повсюду ширится соревнование за претворение в жизнь боевой программы, намеченной октябрьским Пленумом ЦК КПСС, — добиться ускорения темпов развития сельского хозяйства, с тем чтобы в возможно короткие сроки намного превзойти современный уровень сельскохозяйственного производства в стране, достойно ознаменовав тем самым 100-летие со дня рождения В. И. Ленина.

В решениях октябрьского Пленума ЦК КПСС дана научно обоснованная программа дальнейшего развития социалистического сельского хозяйства. Первостепенная роль при этом отводится всемерному укреплению материальной базы его, ускорению научно-технического прогресса, как неперемennого условия развития сельского хозяйства. Сейчас речь идет о том, чтобы добиться нового, большого подъема научной работы, расширить ее масштабы, повысить ее качество и эффективность, ускорить разработку проблем, рекомендаций и внедрение их в производство.

Известно, что отрасль охотничьего хозяйства весьма близка к сельскохозяйственному производству. Десятки тысяч тружеников сельского хозяйства нашей страны ежегодно ведут промысел пушных зверей, а в производственные планы совхозов и колхозов Крайнего Севера охотничий промысел входит, как ведущий раздел их хозяйственной и финансовой деятельности. Доходы от охотничьего промысла играют здесь существенную роль в экономике местного населения.

Пушнина издавна является также важной статьёй экспорта. В связи с ростом населения и улучшением материального благосостояния советских людей все больше возрастает потребность в мехах и внутри страны. Поэтому рассмотрение вопросов состояния охотничьего хозяйства, как отрасли народного хозяйства, вопросов его дальнейшего развития и технического прогресса в свете решений октябрьского Пленума ЦК КПСС приобретает важное значение.

Наша страна располагает благоприятными природными условиями для интенсивного ведения охотничьего хозяйства. Особенно ярко выражены эти возможности в Российской Федерации, которая дает свыше 80% пушнины и до 90% дичи от общих заготовок в стране. Совет Министров СССР и Совет Министров РСФСР за последние годы приняли ряд важных постановлений, направленных на дальнейшее развитие и повышение экономической эффективности охотничьего хозяйства. В то же время уровень развития этой отрасли на фоне современного технического прогресса во многом еще отстает от других отраслей народного хозяйства.

В охотничьем хозяйстве крайне мал объем научных исследований. По существу, их ведет лишь одно специализированное научное учреждение — Всесоюзный научно-исследовательский институт животного сырья и пушнины. Правда, научная разработка отдельных вопросов охотничьего хозяйства осуществляется также целым рядом ученых на кафедрах некоторых вузов, но это не входит в их основную задачу.

В этой связи можно считать весьма важным и отрадным событием создание в канун 1969 года Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников при Главохоте РСФСР. Определены основные направления научной деятельности этой лаборатории, которые включают:

- разработку научных основ организации и ведения высокопродуктивного охотничьего хозяйства в различных зонах РСФСР с учетом необходимости комплексного использования и воспроизводства природных ресурсов;
- научно-методическое руководство исследованиями в области охотничьего хозяйства, координация и обобщение научных

исследовательских работ, проводимых заповедниками на территории РСФСР;

- научное обоснование и разработку методов учета охотничье-промысловых ресурсов, их оценки и рационального использования;

- научное обоснование и разработку биотехнических мероприятий;

- исследования экономики и организации охотничьего хозяйства;

- научное обоснование и разработку методов устройства и организации охотничьих угодий;

- изучение биологии, экологии охотничьих животных. Изучение болезней и других факторов, влияющих на численность диких животных;

- изучение состояния техники охотничьего хозяйства и разработку мероприятий по ее усовершенствованию.

Исходя из поставленных задач Главохота РСФСР утвердила Положение и структуру Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников, которые предусматривают создание соответствующей материально-технической базы и укомплектование лаборатории высококвалифицированными учеными и специалистами для обеспечения обстоятельных исследований актуальных проблем развития охотничьего хозяйства и заповедного дела в РСФСР.

Актуальных и нерешенных проблем в охотоведении, как и в любой области знаний, безусловно, много. В изыскании научных методов ведения охотничьего хозяйства есть своя специфика. Она основана прежде всего на сборе большого фактического материала на громадных просторах тундры, тайги и лесостепной зоны. Поэтому только с помощью и в содружестве с учеными и специалистами научных учреждений, практическими организациями и охотниками возможно успешное решение поставленных проблем.

Центральная научно-исследовательская лаборатория в своей научной деятельности будет опираться на широкую государственную сеть системы Главохоты РСФСР. Это прежде всего сеть госпромхозов, расположенных в основных промысловых районах, сеть государственных заповедников, заказников республиканского и местного значения, государственных лесоохотничьих хозяйств, управлений охотничье-промыслового хозяйства и государственных охотничьих инспекций при обл(край)исполкомах, Советах Министров АССР и, наконец, широкая сеть районных охотоведов, учрежденных во всех важных в охотхозяйственном отношении районах.

Для осуществления полевых научных исследований и опытно-экспериментальных работ Центральной научно-исследовательской лаборатории охотничьего хозяйства и заповедников предоставлено право создавать опорные пункты, стационары, зональные биотехнические станции, экспедиции, опытные и экспериментальные охотничьи хозяйства, питомники и фермы по разведению охотничьих животных.

Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников создана в живописном уголке природы Подмосковья на базе Лосиноостровского участка Истринского государственного лесоохотничьего хозяйства, т. е. в местах, где зарождалась в двадцатых годах охотоведческая наука. За лабораторией закреплены прилегающие угодья площадью 11 тыс. га, где будет одновременно проводиться разработка научно обоснованных мероприятий по обогащению фауны Подмосковья.

Большие задачи поставлены перед лабораторией. Коллектив работников этой новой научно-исследовательской организации должен мобилизовать все силы и возможности для их выполнения.

Н. КРУТОРГОВ,
заместитель начальника Главохоты РСФСР

ЗАПРОСЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ОХОТНИКОВ

П. ВОЛКОВ,
председатель правления
Хабаровского краевого общества
охотников и рыболовов.

Издавна дальневосточная земля привлекала натуралистов и охотников незабываемой красотой своего ландшафта, разнообразием фауны и флоры. Здесь как бы сошлись вместе юг и север. Животный и растительный мир состоит из представителей трех поясов: холодного, умеренного и субтропического. Где еще можно встретить одновременно северного оленя, песца, утку-мандаринку, голубую сороку и — хоть и малочисленного — тигра?

В этой статье затрагиваются некоторые вопросы охотничьего хозяйства Хабаровского края. Поэтому цифровые данные относятся только к этому крупному промысловому региону нашей страны, но что касается выводов о постановке охотничьего дела, то мы считаем, что они представляют злободневный интерес для охотников всего Дальнего Востока и Сибири.

Площадь Хабаровского края — 823 900 кв. км (82,4 млн. га). Охотничьи угодья занимают около 70 млн. га, из них лесом покрыто 43 млн. га, болота и водоемы — 3 млн. га. По приблизительным данным последних учетов, на этой территории обитает 15—18 тыс. лосей, 10 тыс. изюбрей, 10 тыс. северных оленей, 4 тыс. кабарги, 15 тыс. косуль, 5—6 тыс. кабанов, 260—350 тыс. белок, 42—50 тыс. зайцев (беляков, русаков, маньчжурских), 45 тыс. ондатр, свыше 50 тыс. соболей, 30 тыс. норок, 60 тыс. колонков, 7—8 тыс. выдр, 12 тыс. лисиц, 16 тыс. енотовидных собак, около 8 тыс. бурых и гималайских медведей.

История охотничьего хозяйства Хабаровского края неразрывно связана со становлением и укреплением Советской власти на Дальнем Востоке. В апреле 1918 г. было образовано Хабаровское

Дальневосточное краевое управление рыболовства и охоты. С 1925 по 1936 г. шел процесс организации и развития охотничьего хозяйства в системе интегральной кооперации, с 1937 по 1957 г. преимущественное развитие получает колхозное охотничье хозяйство. В 1958 г. на территории края появились специализированные промхозы потребкооперации и первые пять приписных охотничьих хозяйств. В 1962—1963 гг. были проведены охотустроительные работы. Сейчас в крае — два заповедника, девять заказников, восемь коопзверопромхозов, три госпромхоза, 72 приписных охотничьих хозяйств. Последние в 1963 г. решением Хабаровского крайисполкома закрепили за краевым обществом охотников и рыболовов.

Заготовки пушнины в крае за последние годы значительно возросли. Если в 1950 г. ее было добыто и сдано государству на сумму 0,4 млн. руб., то в 1966—1967 гг. — на 2,7 млн. руб.

Основные добытчики пушнины — коопзверопромхозы и госпромхозы. Хабаровское краевое общество охотников и рыболовов занимает весьма скромное место среди этих охотпользователей, так как 18 тыс. членов 72-х добровольных обществ вынуждены довольствоваться лишь 3,2 млн. га угодий, не имеющих промыслового значения. Но все же охотники-спортсмены в промысловый сезон 1967/68 г. добыли пушнины на 167 тыс. руб., сдали в торговую сеть более 350 ц мяса диких копытных.

За последнее время в приписных охотничьих хозяйствах построено 15 домов охотников и рыболовов, 205 останочных пунктов. Ежегодно во многих хозяйствах проводится учет численности охотничьих зверей и птиц. В 1966 г. бы-

ли инвентаризованы солонцы, в 1967 г. повсеместно провели учет добытой дичи. Хозяйства заготавливают корма для зимней подкормки животных, ведут борьбу с волками и браконьерами. Только в 1967 г. было уничтожено 40 четвероногих и задержано свыше 200 двуногих хищников.

Среди приписных охотничьих хозяйств одним из самых интересных и перспективных является Болонское, наиболее часто посещаемое охотниками. Озера, реки со множеством стариц, хорошая кормность угодий способствуют концентрации здесь охотничьих животных. На пролете встречается множество видов водоплавающей дичи, значительная часть которой оседает и гнездится на территории хозяйства. Особо заметное увеличение численности водоплавающих было отмечено весной 1968 г. Так, только за один день 8 мая над островом Дармен прошло около 10 тыс. гусей. Резко возросла численность чирка-клоктуна, который до этого несколько лет подряд был редок. В хозяйстве много также тетерева. По учетным данным 1968 г., плотность косача составляла семь голов на 1 кв. км. Появилась возможность открыть лимитированную охоту на токах. Немало в угодьях лосей и медведей.

Неменьший интерес представляет собой Соболевское хозяйство, богатое изюбрами и кабанями. Охота с собаками здесь запрещена. Плотность копытных держится на высоком уровне. Организация действенной охраны угодий, своевременная подкормка зверей в тяжелую многоснежную зиму 1967/68 г. позволили почти полностью сохранить поголовье кабанов. Погибла лишь незначительная часть поросат поздних выводков. В 1963 г. из Ростов-

на лейпцигских аукционах

В свое время Лейпциг занимал видное место в мировой пушномеховой торговле. Центром международной оптовой меховой торговли была хорошо известная всем фирмам небольшая улица Брюль, расположенная в центре города. Здесь же была широко развита мехообработывающая промышленность.

Во время войны Брюль сильно пострадала. Сейчас улица отреставрирована и ее украшает прекрасное здание «Брюль-центр», где разместились внешнеторговое предприятие ГДР «Интерпельц» и специально пристроенный аукционный зал.

Лейпциг был когда-то одним из главных пунктов международных пушных аукционов. В первые годы молодого Со-

ветского государства русская пушнина и каракуль также продавались на аукционах Лейпцига.

После второй мировой войны Лейпцигские аукционы стали функционировать вновь. Ежегодно с 1960 г. проводятся по два международных аукциона (в феврале и апреле). В одном из аукционов, в апреле, постоянно принимает участие и наша Союзпушнина. Приняла она участие и на последнем 522 аукционе.

Помимо Советского Союза, свои товары для продажи с аукционных торгов выставили ГДР, Болгария, Польша, Монгольская Народная Республика, Чехословакия, Румыния, Югославия, Албания, Афганистан, Индия, Иран и некоторые другие страны. Для участия в торгах съеза-

Фото А. КАЛЕЦНОГО

- Охотник-любитель с. Вознесенна Комсомольского района Хабаровского края Виктор Киле с партией добытых белок.
- Озеро в окрестностях Чумикана.
- Дальневосточная тайга. Октябрь.

ской области в хозяйство завезли зайца-русака. Ежегодные учетные работы, наблюдения егерей и местных жителей позволяют сделать вывод, что акклиматизация прошла успешно. Но следует заметить, что значительный урон поголовью русака наносит неумелая обработка полей ядохимикатами.

Во всех хозяйствах Хабаровского краевого общества охотников и рыболовов в штате только 33 егеря; основная нагрузка по охране угодий и их благоустройству ложится на общественность. Ежегодно на ведение охотничьего хозяйства общество затрачивает свыше 40 тыс. руб. Эта цифра далеко не маленькая, если учесть, что в 1967—1968 гг. Хабаровский трест коопзверопромхозов, получив прибыль в 437 тыс. руб., ассигновал на ведение охотничьего хозяйства около 50 тыс. руб., и то главным образом на строительство охотничьих избушек.

Даже краткий анализ деятельности Хабаровского крайохотрыболовобщества показывает, что эта организация, имея очень ограниченные площади «непромысловых» угодий, вносит значительный вклад в дело правильного ведения охотничьего хозяйства и является таким охотпользователем, который не только берет у природы, но и заботится о воспроизводстве охотфауны. Краевое общество охотников и рыболовов в состоянии взять на себя заготовки пушнины на контрагентских началах в районах Вяземском, Бикинском, Комсомольском, имени Лазо, в Еврейской автономной области. К сожалению, этот вопрос до сих пор не решен.

Наличие ряда различных охотпользователей, в основе деятельности которых лежит главным образом заготовка продукции, сопутствующей пушному про-

мыслу, не обеспечивает правильного ведения охотничьего хозяйства и комплексной эксплуатации природных богатств. Мы считаем, что необходимо иметь единую организацию, ставящую перед собой задачи рационального ведения охотничьего хозяйства, плановой эксплуатации охотфауны, создания показательных охотничьих хозяйств. Это позволит ликвидировать межведомственную неразбериху, правильно использовать охотоведческие кадры, сконцентрировать средства и укрепить материальную базу этих хозяйств. Такая организация должна заниматься не только промыслом, но и решать воспроизводственные проблемы, чего сейчас почти не делается.

Нельзя считать нормальным такое положение, когда Управление охотничье-промыслового хозяйства Хабаровского края, имея на своем балансе три государственных охотничьих хозяйства, вынуждено в первую очередь заниматься чисто производственными и финансовыми проблемами. На руководство охотпользователями у них практически не остается времени.

Опыт ведения охотничьего хозяйства обществами края свидетельствует о не-

обходимости пересмотра существующих правовых положений. Сейчас вопросы, связанные с организацией и производством охоты в приписных хозяйствах, решаются не охотпользователями, а Управлением охотничье-промыслового хозяйства. Например, в течение ряда лет мы ставим вопрос о запрещении промысловой охоты на косулю. Но воз и ныне там. Очевидно, вступают в силу мотивы коммерческого характера. Мы считаем, что ныне действующая практика ведения заготовок мяса диких копытных животных требует всестороннего изучения и пересмотра.

Непростительно, что до сих пор не претворены в жизнь решения научной конференции по охране, рациональному использованию и воспроизводству естественных ресурсов Приамурья, состоявшейся в апреле 1967 г. и предложения III Всероссийского съезда Союза общества охотников.

Устранение этих и других недостатков позволит коренным образом улучшить работу по ведению охотничьего хозяйства и рациональному, комплексному использованию природных богатств.

УДК 639.1(571.6)

лись 280 представителей иностранных пушных фирм из 18 стран.

Всего в товарной коллекции аукциона было представлено свыше 600 тыс. шкурок, среди которых ведущими, в смысле спроса и конъюнктуры рынка, были норка, голубой песец и каракуль.

Советская норка выставлялась в количестве 230 тыс. шкурок, из них стандартной и цветной поровну. Продажа шкурок норки проходила очень активно, при большой конкуренции покупателей из Англии, ФРГ, Италии, Швейцарии, Австрии, Голландии и др. Если взять вырученные цены за шкурки самцов норки темно-коричневого цвета (стандартной) в среднем за 100%, то за шкурки норки сербристо-голубой получено 100,8%, бе-

лой — 90%, пастель и топаз — 89%; все выставленное количество шкурок норки было полностью продано.

Были также полностью проданы свыше 2000 шкурок голубого песца по ценам более высоким, чем вырученные за аналогичный товар на Ленинградском аукционе в январе прошедшего года. Из цветной пушнины иностранного происхождения следует отметить очень активную продажу польского голубого песца в количестве 20 тыс. штук. Шкурки польского песца крупного размера, некоторые до 1000 см, норвежского типа, очень светлые. Однако часть шкурок была с ржавым сетчатым налетом, что, несомненно, повлияло на оценку товара. В среднем вырученные цены были высокие,

на 30% выше цен, вырученных за аналогичный товар в феврале 1968 г. на аукционе в Лейпциге.

При хорошем спросе были проданы около 100 тыс. шкурок норки стандартной: польской, ГДР, монгольской (цветной), а также шкурки лисицы красной — монгольской и югославской, куницы горской, куницы лесной чешской, монгольские шкурки барсука, сурка, суслика, волка и рыси.

Активные аукционные торги закончились при большом удовлетворении продавцов и покупателей.

А. СААГ,
эксперт Союзпушнины

НЕ РАЗДУВАТЬ ВРАЖДУ

«Когда в какой-либо науке нет противоположных взглядов, нет борьбы, то эта наука идет по пути к загниванию, она идет хоронить себя. Легче игнорировать своего противника, чем спорить с ним, но отвернуться от противника, не зная его, закрыть его, — значит нанести ущерб науке, истине, обществу», — эти слова принадлежат академику П. Л. Капице.

Разделяя эти мысли, наша редакция пошла по пути научного спора со своими оппонентами — не игнорируя их, не закрывая их, не отворачиваясь от них.

В ходе дискуссии об охоте в журнале были опубликованы статьи О. Волкова — писателя, известного своими страстными выступлениями в защиту родной природы (№№ 1, 4, 1968), Н. Воронова — Главного Маршала артиллерии, Героя Советского Союза (№ 2, 1968), Н. Гладкова — профессора, крупнейшего природоохранителя, вице-президента Всесоюзного общества охраны природы, лауреата Государственной премии (№№ 2, 4, 1968), Е. Пермитина и Н. Смирнова — широко известных советских писателей-природолюбов (№ 2, 1968), А. Ливеровского — кандидата химических наук, лауреата Государственной премии (№№ 7, 8, 1968), Я. Кронита — главного лесничего Министерства лесного хозяйства и лесной промышленности Латвийской ССР (№ 12, 1968). Была помещена большая подборка читательских писем и резолюция совместного заседания секции зоологии и подсекции охотничьего хозяйства Московского общества испытателей природы (№ 9, 1968). Была показана беспрецедентная для советской печати попытка ввести в заблуждение миллионы читателей подстановкой фальшивых подписей (см. письмо члена-корреспондента Академии наук СССР С. Шварца, № 9, 1968).

Авторы этих статей и писем, основываясь на огромном фактическом материале, показали несостоятельность выступлений Л. Леонова и Б. Рябинина, их легковесность, бездоказательность, незнание элементарных основ охотничьего дела и охраны природы. Критика нашего журнала, содержащаяся в выступлениях Б. Рябинина, признана «неправильной», совершенно не соответствующей действительности» (№ 9, 1968).

Несмотря на эти критические замечания, сделанные весьма знающими и авторитетными людьми, несмотря на выступление газеты «Известия» в ответ на критику Б. Рябинина, показавшей, что наш журнал «заслуживает необходимого внимания и поддержки» (16 мая 1968 года), Л. Леонов и Б. Рябинин вновь выступили с резкой критикой журнала. С их критическими замечаниями мы снова не можем согласиться. Эта «критика», выходящая далеко за рамки благопристойности, продиктована скорее всего тем, что наш журнал осмелился не согласиться с некоторыми положениями выступлений Л. Леонова и Б. Рябинина, имел несчастье задеть их авторское самолюбие.

Внимательный анализ статьи «Природа просит тишины» (газета «Труд», 24 октября 1968) приводит к выводу, что кроме самого факта выступления в защиту природы, который журнал всячески приветствует, а ней нет ничего положительного.

Для того, чтобы с пользой писать об охоте и природе, их нужно хорошо знать. Невольно вспоминаются слова Поля Лафарга о Карле Марксе: «Он не только никогда не ссылаясь на факт, в котором не был вполне уверен, но даже не позволял себе говорить о предмете, которого он предварительно не изучил основательно».

К большому сожалению, этого нельзя сказать об авторах статьи «Природа просит тишины». Они говорят о необходимости «окончательного и бесповоротного запрета весенних охот и перенесении их на более поздние сроки», но ведь и школьнику ясно, что если весенние охоты можно запретить «окончательно и бесповоротно», то их уже нельзя перенести на более поздние сроки, а если их можно перенести на более поздние сроки, то, следовательно, их уже нельзя запретить. Авторы настаивают на «отделении промыслов от любительской охоты», в чем смысла не больше, чем в «окончательном и бесповоротном запрещении весенних охот и перенесении их на более поздние сроки». Эволюция охоты во всем мире говорит о прямо противоположном: о постепенном слиянии промысловой и любительской охоты в единое охотхозяйственное производство. Уже сейчас около 70—80% пушнины в нашей стране добывают охотники-любители. Вряд ли читателям понятно, что хотели сказать авторы, настаивая на необходимости «юридического осмысления самого слова охота». Почти все другие предложения и выводы авторов аналогичны: несмотря на многочисленные замечания критики, в их произведениях глухарь продолжает громко чучкать после восхода солнца.

Попробуйте вникнуть в смысл написанного, отнеситесь к чтению этой статьи серьезно, и вы с недоумением убедитесь, что в ней многое просто невозможно понять. Вот, например, фраза: «Мы рассматриваем природу как большой дом, в котором помещается все человеческое общество и где в свою очередь помещаются наши дома — наций, стран, всех людей и народов, больших и малых». Скорее наживете хроническую мигрень, чем поймете, кто в ком или что в чем «помещается», и что хотели сказать авторы этой фразой. Муза дореволюционной «дамской» литературы требовала от своих служителей больше доказательности, логики и здравого смысла, чем редакция газеты «Труд» от воинствующей публицистики Л. Леонова и Б. Рябинина.

Спорить можно по-разному. Мы предпочитаем критиковать конкретные предложения наших оппонентов. Редакция газеты «Труд» пошла по пути, если можно так выразиться, огульного охаживания нашего журнала. Вольному, как говорится, воля. Но только вряд ли такая форма полемики принесет пользу тому делу, ради которого она ведется. Мы призываем редакцию газеты «Труд» не раздувать вражду между печатными органами, а объединить свои силы на поприще более полезном и благородном: всеми силами содействовать рационализации охотничьего хозяйства, вести беспощадную борьбу с браконьерством, способствовать разработке правильной стратегии пропаганды борьбы за охрану природных богатств. Ведь цель у нас одна: сделать природу нашей Родины прекраснее и богаче.

Ниже мы публикуем одно из многочисленных читательских писем, полученных редакцией нашего журнала после опубликования статьи «Природа просит тишины».

ПРАВИЛЬНО ОСВЕЩАТЬ ФАКТЫ

Выражаем сожаление, что в газете «Труд» была напечатана статья Л. Леонова и Б. Рябинина «Природа просит тишины» («Труд» от 24 октября, № 250). За последнее время на страницах некоторых газет и журналов обсуждались вопросы, связанные с организацией охотничьего хозяйства, борьбой с браконьерством, охраной фауны и т. д.

То внимание, которое уделяет советская пресса этим вопросам, связано с большим и многообразным значением проблемы охраны природы и правильного использования природных ресурсов.

Но, к сожалению, в некоторых статьях специальные вопросы рассматриваются некаленифицированно, с позиций ложного гуманизма, что дезориентирует читателей и приносит не пользу, а вред. К ним относится и напечатанная в газете «Труд» статья Л. Леонова и Б. Рябинина «Природа просит тишины», направленная не только на ограничение, но фактически на запрещение спортивной охоты. В своих неоднократных выступлениях эти авторы нацело зачеркивают все ценное, что достигнуто в нашей стране в деле организации спортивной охоты со времени Ленинского декрета об охоте.

Советские охотники представляют Л. Леоновым и Б. Рябининым безответственными браконьерами, с бессмысленной жестокостью уничтожающие все живое, начиная от дятлов и ворон до фламинго. Исключение, по мнению Л. Леонова и Б. Рябинина, представляют лишь «влюбленные в природу старики, которые любят слушать тишину».

Неужели же среди охотников средних лет и нашей замечательной молодежи нет людей, любящих и оберегающих родную природу! Мы склонны думать наоборот. Браконьеры и хапуги составляют незначительное меньшинство в здоровом коллективе советских охотников.

Л. Леонов и Б. Рябинин с непонятной самоуверенностью рекомендуют изменение сроков охоты. Но вопрос о сроках охоты, связанный не только с организационными моментами, но и с особенностями экологии различных видов промысловых птиц и зверей, требует для правильного решения специальных знаний.

Особое раздражение вызывает у Л. Леонова и Б. Рябинина журнал «Охота и охотничье хозяйство».

Л. Леонов и Б. Рябинин нападают на журнал с яростью и пристрастием, которые возможны только при потере чувства ответственности за свои выступления в печати. Журнал «Охота и охотничье хозяйство» по своему содержанию в очень большой степени является «природоохранным». Огромное внимание уделяет журнал борьбе с браконьерством, заповедникам и заказ-

никам, вопросам охраны охотничьей промысловой фауны, организации правильного промыслового и спортивно-охотничьего хозяйства, воспитанию молодых охотников в лучших традициях. Когда же читаешь статьи Л. Леонова и Б. Рябинина, создается впечатление, что они критикуют не реально существующий журнал «Охота и охотничье хозяйство», а некий другой орган печати, созданный воображением авторов. Л. Леонов и Б. Рябинин приписывают журналу проповедь «добычи шашлыка и ухи», «защиту» «абсолютного убойного права», «позволяющего истребление всего живого и даже непригодного в еду». Они пишут, что журнал защищает это право «с апломбом и запалом». Но напрасно читатель попытался бы проверить правильность обвинений на страницах реально существующего журнала «Охота и охотничье хозяйство». Ничего подобного там нет! Л. Леонов и Б. Рябинин далее обвиняют авторов журнала за их высказывание «Охотиться мы будем», якобы сделанном «отбрасывая все благие пожелания и суровую критику». Почему же желание охотиться преступно и в чем оно не соответствует морали социалистического общества? Неверно и то, что критические замечания по вопросам спортивной охоты журнал «Охота и охотничье хозяйство» оставлял без внимания. На самом же деле в журнале подробно обсуждались различные предложения, в том числе выступления Л. Леонова и Б. Рябинина. Эти обсуждения показали легковесность, некаленифицированность, ошибочность, а иногда и прямые передержки в статьях этих авторов. Не этим ли объясняется раздражение Л. Леонова и Б. Рябинина на журнал «Охота и охотничье хозяйство»?

В заключение отметим, что Б. Рябинин подписал свою статью в газете «Труд» как член Центрального совета Всероссийского о-ва охраны природы. Может создаться впечатление о том, что положения Б. Рябинина разделяет ЦС о-ва. На самом деле это не больше, чем личное мнение Б. Рябинина, не отражающее мнение ЦС О-ва охраны природы РСФСР.

А. ФЕРМАЗОВ,
доктор биологических наук, профессор,
почетный член Всероссийского общества
охраны природы

Н. ГЛАДКОВ,
профессор, заместитель председателя
Всероссийского общества охраны
природы

Н. СЕМЕНОВ,
академик, вице-президент Академии наук
СССР,
лауреат Нобелевской премии

Б. КУДРЯШОВ,
профессор, доктор биологических наук

Б. АСТАУРОВ,
академик (считаю недопустимыми нападки на журнал «Охота...» и отношение к правильно регулируемой спортивной и промысловой охоте, однако разделяю большую тревогу за состояние охранных мероприятий и мнение о срочной необходимости их коренного улучшения, резкого усиления борьбы с беззащитными и бескультурьем. Б. Астауров)

Л. КРУШИНСКИЙ,
профессор, доктор биологических наук

Ю. ЛИВЕРОВСКИЙ,
профессор, член Центрального Совета
Всероссийского общества охраны
природы

«Московский комсомолец», 5 октября 1968 г.

НА ГЛУХОЙ ЛЕСНОЙ ТРОПИНКЕ

Письмо в редакцию

ЧЕМ привлекает молодых людей охота и рыбная ловля? Можно с уверенностью сказать, что не ценностью трофеев. В лучшем случае, это несколько дупелей или бекасов, пара чирков или рябчиков, реже тетерев, кряква. У рыболовов два десятка окуней или плотвиц с подлещиками считаются хорошим уловом. Выезд на рыбную ловлю или охоту, конечно, не окупается этими трофеями. Так в чем же дело? Удовольствие начинается с подготовки к охоте или рыбалке, с ожидания ночевки у костра. Сильным и ловким чувствует себя тот, кто с ружьем за плечами пробрался ночью по глухой лесной тропинке на тетеревиные или глухарьиные тока. Пусть он ничего не добыл, но разговор ночного леса, солнечный восход, терпкий запах хвои надолго останутся в памяти.

Нет, тут дело, конечно, не в материальной выгоде. Помню, в прошлом году осеннюю охоту открыли рано. Еще стояли морозы. В свете автомобильных фар тускло поблескивали льдом придорожные канавы и выбоины. Мы знали, что добычи не будет, нас радовала перспектива встретить солнце с ружьем в руках. Восход и утро были поистине чудесными. Солнечные лучи переливались в сосульках, свисавших с камышей, красили в фиолетовый цвет залежавшийся снег. Я решил пройти к маленькому озерцу, видневшемуся в полукилометре. Оно было окружено редкими кустами камыша и издали казалось неясным: то ли там властит на солнце лед, то ли вода. Когда до озера оставалось 15—20 шагов, один из кустов, погуще других, раздвинулся — он оказался хорошо сделанным скрадом. Из него появился высокий угловатый парень лет семнадцати. В глаза бросились красные, закованные на морозе руки. Поздоровались. Поздоровались друг друга с неудачной охотой. Парень расстегнул телогрейку, из-под свитера достал свой охотничий билет и протянул его мне. Я не собирался в то утро проверять у кого бы то ни было документы. Еще больше удивился требованию парнишки показать ему мой билет, хотя и существует такое правило у охотников. Пришлось и мне расстегнуться. Мальчишка повертел в руках зеленую книжницу, посмотрел, уплатил ли я членские взносы, и, краснея, вернул ее мне. Он еще накануне пришел пешком из города. Ночевал в стогу прошлогодней соломы, а утром — в скрадок. Я предложил подвезти его домой, но он неотрез отказался, решил дожидаться вечерней зари, хотя наверняка знал, что потом придется брести домой пешком.

Я шел к машине и думал, что никак нельзя закрывать дорогу молодежи в охоту. Что такие парни нуждаются в добром совете, хорошем наставлении. В наших охотничьих и рыболовных обществах этическая сторона явно не на высоте. Вся воспитательная работа с молодежью сводится к проверке: знают ли охотники и технику безопасности? Сказывается и то, что нет своих клубов. Трудно в магазинах отыскать охотничью литературу, книги В. Бианки, Е. Пермитина, И. Арамулова, Ю. Нагибина, проникнутые любовью к родной природе, нетерпимостью к хищническому истреблению дичи. А их надо бы прочесть начинающим охотникам.

Кстати, для вступления в охотничье общество, а следовательно, для получения законного права на приобретение огнестрельного и холодного оружия, надо очень немного. Всего пять рублей. Тут не требуется рекомендации или служебной характеристики. Заплати деньги, получи охотничий билет и покупай оружие. И самое главное — потом никто тебя не будет беспокоить. Оружие можно выбросить, продать, подарить, купить новое — никому нет дела, раз ты «вступил». Охотничьи организации редко проводят перерегистрации, тем более фактическую сверку оружия, записанного в билете. Совершенно не практикуются посещения охотников с целью проверки правил хранения оружия. Наверное, от этого молодые и неопытные охотники иногда становятся жертвами несчастных случаев. Довольно часто небрежно брошенное ими оружие стреляет в детских руках. А боеприпасы, особенно капсюли и порох, становятся объектом забавы детей и подростков.

Молодежь следует учить, а в охотничьих обществах этим занимаются мало. Иначе чем объяснить, что при выпуске и продаже всего охотничьего снаряжения — от ружей до пыжей вы не видите ни одной инструкции, предупреждающей охотников о нормах поведения в лесу.

Заметьте, в магазинах электротоваров бросаются в глаза правила пользования утюгами и чайниками, а вот в охотничьих магазинах вы не увидите ни одного предупреждающего плаката. Забыта даже старинная русская поговорка: «Один раз в год ружье само стреляет». А ее следует напомнить каждому: еще много гремит случайных выстрелов с нелепыми последствиями.

Расторопные руководители охотничьих обществ в то время, когда нет охоты, могли бы проводить соревнования охотников, особенно молодых, по примеру туристских соревнований. Для этого не надо ни специальных законов, ни особых затрат. Нужно, пожалуй, одно: желание научить молодежь культурному и бережному отношению к охоте, к лесу, а в этом есть глубокий смысл.

Я проработал в органах милиции (в уголовном розыске) более тридцати лет и наблюдал интересное явление: среди людей, привлеченных к ответственности за хулиганство и другие преступления, почти нет охотников и рыболовов. Странно? Не думаю. Наверное, сказывается благоприятное влияние природы и целеустремленность проведения свободного времени.

В прошлом году я получил в Росохотсоюз путевку на охоту в знаменитую пещеру, в край Есенина и Паустовского. В Ивановском охотничьем хозяйстве, где директором рачительный хозяин охотвед Ю. А. Горелов, поразило обилие дичи. Трудно верилось, что в двухстах километрах от Москвы, буквально в центре промышленной России, живет несметное количество птиц — уток, тетеревов. Таких табунов водоплавающей птицы я нигде не видел, разве только зимой на Исык-Куле, где круглый год заповедник. Поразил порядок. За 10 дней, что я провел там, не слышал ни одного выстрела в зоне отдыха птиц. Не было стрельбы и в запрещенные для охоты дни, а таких дней отдыха дичи — три в неделю. В чем же дело? Я ходил, спрашивал, смотрел. Оказывается, все зависит от организации хозяйства и охраны охотничьих угодий. Там дело поставлено так, что браконьеры предпочитают обходить Ивановское хозяйство дальними дорогами.

Значит, если организовать охрану охотничьих угодий и рыбы в водоемах, то можно добиться многого.

Не так страшны браконьеры. Необходимо, чтобы Министерство охраны общественного порядка потребовало от всех своих сотрудников участия в борьбе с этим злом. Нужно, чтобы каждый милиционер, участковый уполномоченный, работник ГАИ, милиция железнодорожного и водного транспорта считали своим служебным долгом проверить документы у встречаемых охотников и рыболовов, выяснить, не пользуются ли они запрещенными орудиями лова и охоты. Нужно, чтобы дружинники тоже объявили войну браконьерству.

И. СКОРИН,
подполковник милиции

ЕГЕРЬ С ОСТРОВА ГЛИНЯНЫЙ

Г. И. ЗОТОВ

Фото В. ВАСИЛЬЕВА.

Весной я получил от Зотова письмо понятное, может быть, мне одному: «Ждал вас на той неделе, но вы не приехали, а время бы. Мартыны пришли на остров дружно, как и в прошлую пору. Гнезд много, в которых уже цыпляки, а в которых — еще яйца. И тиркусы сидят, я пометил их палочками, чтобы приметно было и не наступить. Ангукот опять не нашел. Видел, летают три пары, но гнезд не видел.

Сайги развелось много против всех лет. Из управления дали знать, будто даже телят отловят. А рога я вам припас от того старого рогача, про которого говорил. Погиб он в драке за самочку и я не уследил, об чем известил начальство и акт составил. Так что жду вас теперь каждый хороший день. А при ветре воздержитесь, особенно, если сиверный. К сему остаюсь егерь Зотов Г. И.»

Всякий год, когда приходит тепло и из дальних краев прилетают разные морские птицы, зовет меня Григорий Иванович на свой остров Глиняный*. И всякий раз точно прикасается волшебной палочкой. От незатейливых слов его все во мне вдруг начинает сопротивляться будничной повседневности. Я вдруг чувствую, что неудержимо хочу видеть этого старика и его сухой дощатый дворик, где по вечерам горит свет, и так тихо, будто никого нет вокруг, и остров, где от птичьего гвалта кружится голова.

Мне представляется, что я уже стою на острове и вижу, как Зотов прилаживает к мосткам свою лодку. Он сначала хочет ее поставить на прикол там, где поглубже и где она обычно стоит, когда он приезжает один. Потом вспоминает, что мне придется идти к ней вброд, и подтягивает поближе, чтобы сразу с мостков можно было шагнуть на банку. Сам он всегда идет к лодке вброд, даже если она стоит у мостков. Обойдет, осмотрит ее, как телегу, снимет с винта траву и одним махом взбирается на борт.

Зотова я вижу в подвернутых до колен штанах, в вылинявшей гимнастерке с соляными разводами по спине. Он невысок и как-то необычайно легок в

свои восемьдесят лет. Когда на него смотришь издали и не видишь лица, а только ноги и напористую, крутую спину, никогда не скажешь, что это старик. Я всегда люблю тем, как ловко он выбирается из лодки и, упираясь, напрягая коричневую, как каштан, шею, выталкивает лодку на отмель. Или когда он поднимает и быстро несет вверх по берегу, по расползающемуся из-под ног ракушечнику мешок с ячменем для сайгаков. Сбросит и уже делает что-то другое, без всякой одышки и напряжения.

Вспоминая старика, я всегда думаю о том, как, должно быть, хорошо ему жить возле воды, возле птиц, делать свое простое егерское дело. Остров, который блюдет он уже 14 лет, небольшой, пустынный, и все хозяйство на нем — стадо сайгаков, да колония гнездящихся серебристых чаек — «мартынов», как называет их Зотов. Чайки живут, конечно, сами по себе, егерь следит лишь за тем, чтобы никто не разорал их гнезд, не брал яиц. «Бывает, соберет иной рыбачишко десяток яиц, а того не ведает, что в них цыпляки». А вот сайгаков ему приходится подкармливать ячменем ежедневно. Утром, на восходе солнца, выходит он из дому, спускается по крутому берегу с мешком корма, грузит его в лодку и отправляется на Глиняный.

До острова на моторке сорок минут хода. Лежит он от прибрежного поселка Алят в шести километрах и хорошо виден с берега. Зотов правит сначала в северный конец, на грязевую сопку, которая придает острову сходство со всплывшим китом. Потом резко сворачивает вправо и причаливает неподалеку от того места, где стоит цистерна с водой и белеют солонцы. Здесь лежат колоды-кормушки. Зотов рассыпает по ним ячмень неторопливо, поровну в каждую, и пока разогнется, пока кинет на плечо пустой мешок, сайгаки уже окружают его, толкуются у ног, как телята.

Егерь — единственный человек, которого островные сайгаки подпускают на вытянутую руку. Мне вспоминается, как сотрудники Института зоологии два года подряд пытались сфотографировать их с близкого расстояния и не смогли, пока старый егерь не пришел им на помощь.

Накормив сайгаков, Зотов уходит на западный конец острова. Там растет самый большой и ветвистый куст тамариска. У основания он, пожалуй, будет в обхват. Изуродованные ветром ветки его так низки, что стелются по земле. Под кустом валяются какие-то ящички, доски. Здесь я часто, набродившись, устраивал привал. Здесь же всегда отдыхает и Зотов — поставит лодку и ложится под куст. Все тут ему знакомо и привычно. Лежит, дремлет, положив под голову чурбачок. Иногда к нему приставляется под бок доверчивый уж. Зотов проснется, ворчливо, но беззлобно откинет ужа и опять укладывает голову на чурбачок.

Пока Зотов спит, солнце обойдет куст и отодвинет тень на другую сторону. Тогда и Зотов передвигается вместе с тенью. И так он проводит день, пока не почувствует, что пора со-

браться на берег, домой. Встает не спеша, разморенный, осипший. Долго и хрипло кашляет, вроде простуженный, но на самом деле простудой он никогда не хворал и знает, что не захворает, сколько бы не лежал на земле. Вот уже много лет к нему «не пристаёт» никакая болезнь, хотя ему приходится и на сквозном «сиверном» ветру быть, и в воде холодной стоять в зимнюю пору. Сам он об этом своем свойстве говорит степенно, с достоинством, как об обычном деле. «Да, — вспоминает Зотов, — уж сколько годов не болею, пожалуй, с той поры, как приехал сюда. Тогда меня сильно малярия сшибла, и жену мою. Пластом валялись. Спасибо доктор уколами спас. Как сейчас помню, Мамедов по фамилии...»

Память у Зотова твердая, помнит он все — и как приехал, и что было тогда на острове, и куда доходило море. Море «худеет», по его словам, «решетом» стало. А судит он о нем по своему острову. Тридцать пять лет назад Глиняный был округлым и небольшим. Западный берег его начинался где-то возле первых кустов тамариска, у самой сопки. А потом море отошло, выставило наружу почти три километра суши. Там, где сейчас растет «большой» тамариск, тоже была вода. «Принесло водой черенок, он и закрепился тут», — говорит Зотов. По его рассказам, море каждый год уходит все дальше и дальше. Лет через десять поднимется еще с километр островной суши в западной стороне. «Там идешь, идешь по воде, и все тебе по колено».

Прошлой весной я дважды побывал на Глиняном. Остров после весенних дождей еще хранил лужи. Вода напоила землю досыта, подняла травы. Цвел сиреневыми метелками тамариск, много было чертополоха. На сырых мягких, как матрац, местах стлалась ковром тускло-зеленая солянка. Там, где растет солянка, — в ложбинах, впадинах — идти трудно: вязнут, утопают по щиколотку ноги. Цвела белым, похожая издали на кашку, турисфорция сибирская. Было много еще каких-то трав, не знакомых ни Зотову, ни мне, но все они радовали: травы — корм для сайгаков. Не зря Зотов возил на остров вволю меньше ячменя, чем зимой. «Нынче у меня и ромашка есть, и пастушья сумка, и кузьмич-трава, даже маки горели».

Вспугнутые, поднимались стая за стей чайки — основное население острова. На Глиняном их весной бывает до десяти тысяч. Через полчаса над головой кружило несметное множество птиц. В яростном озлоблении они закатывались от хохота, красиво пикировали, обдавая нас теплым воздухом. В гнездах еще лежали яйца — два-три в каждом. Но в иных уже сидели только что вылупившиеся, подсыхающие птенцы. В гнезде птенцы не засиживаются. Едва подсохнув, они тут же покидают его и прячутся в траве от палящего солнца.

Тень — это жизнь на острове. Северная оконечность его сплошь забросана по берегу хламом — бревнами, разбитыми ящиками, досками, бутылками. Все это сорвано где-то, перепачкано мазу-

* о. Глиняный — один из островов Бакинского архипелага

том и выброшено на Глиняный. И под всем этим сидят в тени птенцы — неподвижные и флегматичные. Больше деться некуда. Не случайно взрослые чайки, спасая яйца от перегрева, прикрывают их собой в знойные полдни, или становятся возле гнезда так, чтобы на них падала тень.

Глядя на птиц, на выжженные или вовсе пустые участки острова, Зотов вспоминает времена, когда Глиняный был совсем иным. Еще в тридцатых годах на нем буйно росли камыши, было много полыни, а вдоль берегов лежала чистая накатанная водой морская трава. Полынь Зотов собирал на веники, а траву сушил и с двумя помощниками отвозил на рыбозавод. Оттуда ее забирали мебельные предприятия Баку и Тбилиси. «Это сейчас вата, да перо, — говорит Зотов, — а тогда и трава годилась». А еще раньше, когда он в ребятах ходил, был на Глиняном и другой промысел. По специальному подряду четыре лодки занимались отловом морских ужей. С них снимали кожу, клали ее в рассол и экспортировали в Германию на выделку дамских сумочек и всяких украшений.

Рассказывает Зотов охотно и подробно, особенно, если речь идет о Глиняном. Все он о нем знает, всю жизнь прожил в Алятах, можно сказать, на виду у острова. Был рыбаком, капитаном небольшого катера, что обслуживал рыбозавод. Потом на некоторое время уезжал, но снова вернулся к морю в свой по-деревенски простенький домик, что и сегодня стоит на берегу. Отсюда, из дому довелось ему в тридцать четвертом году наблюдать и извержение грязевого вулкана на Глиняном — последнего и самого сильного. «Сопка взорвалась и огонь бил вверх саженой на сто. Хорошо, я не поехал в тот день туда, а мои два помощника там были. Думал сгорели». Они остались живы — кинулись в воду и ныряли, пока огонь не стих. Сейчас сопка осыпалась, заросла бурьяном.

Летом к Зотову на остров приезжают разные экспедиции — орнитологи, работники охраны природы. Они следят за развитием птиц, проводят кольцевание — ведь чайки улетают с Глиняного за тысячи километров, к берегам Африки! Стали совершать на остров экскурсии школьники и студенты. А зимой Зотов тут один со своими сайгаками. Но дел у него, пожалуй, побольше. Если полистать в Институте зоологии разные орнитологические материалы, можно увидеть и зотовские сообщения о пролетах птиц через остров: «24 октября мною были примечены 23 кашкалдака и 38 бакланов, которые прошли на юг. 28 октября прибыл еще кашкалдак, голов 1500, продержался на острове два дня. 30 октября видел две партии краснотелы и одного лебедя. Потом шли колпики и стрепеты, и все на юг. А бабуры задержались на час и снялись. Всего их было 27 штук. К сему егерю Зотов».

Немудреные, но точные факты означают для ученых, что Глиняный продолжает лежать на великом пути перелета птиц с севера на юг, что жизнь на нем не замирает и зимой. А насчет словечек разных, так это еще понятнее для них: бабурами Григорий Иванович называет пеликанов, краснобашами — красногловых нырков, ангутками — огарей. Привык к этим словам и я. Веет от них чем-то очень зотовским, удивительно простым и искренним, как сам он, как его жизнь, как все, что вокруг него.

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ ДОМБАЙ

Охотник... Рыболов... Эти слова у большинства людей вызывают разные ассоциации. Признаюсь, что я в последнее время стал достаточно прочно связывать смысл этих слов с понятиями «злоумышленник», «истребитель природы» или что-то подобное, чему в значительной мере способствовал пресловутый «Последний заяц», а также многочисленные статьи в газетах о браконьерах.

Браконьерство — широко распространенное явление. Оно затеняет смысл того красивого, романтического слова «охотник», которое пришло когда-то в сознание каждого из нас из сказки, из русской классической литературы. Поэтому радостно становится, когда знакомишься с человеком, к имени которого можно дописать слово «охотник» только с большой буквы.

Михаил Иванович Домбай — урожденный закарпатец. Живет в поселке Тересва, недалеко от железнодорожной станции того же названия. После фронта — работа по восстановлению народного хозяйства и опять занятие любимым делом — охотой.

Достаточно переступить порог его дома, чтобы даже неискушенному в охотничьих делах человеку понять, что здесь живет не просто охотник — стрелок по зверям и птицам, а охотник чем-то особый. Большую комнату (впрочем, она кажется небольшой из-за обилия чучел) воспринимаешь не иначе как зоологический музей. В домашнем музее представлен дикий животный мир Закарпатья. Впрочем, есть одно «излишество»: итальянская сова, занесенная в Закарпатье, как считает Михаил Иванович, во время сильного урагана.

Итак, перечислю все, что видел. Чучело рыси. Оно производит особое впечатление: стоит сразу же за дверью; теперь представьте, что открываете дверь незнакомой комнаты и тут же сталкиваетесь с оскаленной, в первое мгновение кажущейся живой, хищной мордой... В этой же комнате на полу чучела косули, волка, медведя, кабана, зайца, белки, лисицы, дикой кошки, хорька, каменной куницы и «соньки». Со стен смотрят: пара дунайских чаек (самка и самец), вальдшнеп, филин, сова, пара глухарей (самка и самец), кукушка. Из темного угла выглядывает орел, размах крыльев которого в молодом возрасте около двух метров. В сторонке — стойка с охотничьими ружьями и шляпы с характерными для закарпатских охотников кисточками и серебряными охотничьими эмблемами.

Увиденное производит большое впечатление. Хозяин дома замечает это и показывает еще скелеты кабана, волка, птиц и шкуры зверей.

Познакомившись с М. И. Домбаем поближе, когда мы ходили по горным лесным урочищам смотреть как члены охотничьего коллектива в свободное от основной работы время косят траву для зимней подкормки оленей и косуль, я заметил:

— Ваша коллекция чучел, наверно, представляет ценность для какого-либо краеведческого или республиканского музея? Отдали бы им все это хозяйство.

— Киевский музей, — отвечал он, — предлагал почти семь тысяч рублей. А я хочу добиться разрешения на по-

стройку в Тересве музея фауны Закарпатья и все отдать музею. Народу кругом много. Польза будет. Пусть школьники видят, как богата природа их края.

Потом он немного помолчал и с надеждой в голосе, как бы спрашивая, добавил:

— А может браконьеры переведутся...

В этом ответе как-то неожиданно просто, без парадности, даже с заметным оттенком переживания чего-то трудно преодолимого, проявилась подлинно гуманная, по-хорошему бескорыстная, или, как принято говорить, большая душа человека. Стало понятно, что и в охоте может быть глубокий смысл, и через нее раскрывается человек.

Михаил Иванович приглашал меня с собой в служебные поездки, если они совпадали с пребыванием в местах, где он охотится. Из его рассказов я уловил, что здесь охота находится под контролем общественности и некоторую роль в этом играет мой рассказчик — председатель низового охотничьего коллектива, член поселкового Совета депутатов трудящихся. Культура охоты и ее пропаганда — вот одно из серьезных противодействий браконьерству и путь для сохранения животного мира. Таков был вывод из услышанного. Здесь стало правилом заботиться о воспроизводстве диких животных, о сохранении их от стихийных бедствий и зимних голодовок. Поэтому охота в этих местах начинается задолго до выхода из дома с ружьем.

Охотничий коллектив заготавливает к зиме до 15 т сена и до 3—4 т соли-лизунца для оленей и косуль; куропаткам привозят 200—300 кг зерновых отходов, кабанам заготавливают желуди, зайцам — кормовые метелки; кое-где высевают на полях овес. В суровые зимы охотники вывозят в лес дополнительные корма. А когда наступает сезон охоты, прежде чем получить разрешение на нее, охотник должен сдать технический минимум, к которому он готовится на семинарских занятиях. Для успешного и грамотного проведения их правление охотничьего коллектива выписывает охотоведческую литературу.

Охотники участвуют и в охране дунайского лосося, форели, хариуса, подуста, головля. Для наблюдения за нерестом составляется график дежурств, чтобы не допустить на нерестилища браконьеров. Основная работа во время нереста заключается в том, что икру с мелководья переносят на глубокие места, где уровень воды остается высоким после спада паводка, иначе икра может оказаться на сухом месте.

Все это дает большие результаты в главном: в сохранении и размножении фауны. По оценке специалистов, в урочищах Тячевского района, куда входят и подопечные места тересвенских охотников, в настоящее время насчитывается уже около 3 тыс. косуль, 2,5 тыс. оленей, 500 кабанов, 150 медведей. Это, конечно, результат большой работы самих охотников, то есть тех, от кого больше всего зависит быть или не быть животному миру лесов.

Е. КЛОЦ.

Один из лучших промысловиков
А. Зайнов.

На перевале.

уголья богатые...

А. КАЛЕЦКИЙ,
наш спец. корр.

Фото автора

Мне предстояло ознакомиться с угольями Ермаковского коопзверопромхоза, расположенного на юге Красноярского края в Саянах. Решено было добраться на конях до высокогорного Черного озера (Кара-Хол) по маршруту длиной около 60 километров, пересекающему несколько охотничьих участков промысловиков промхоза. На газики меня и проводника — будущего охотоведа Евгения Антипова вместе с лошадьми «подбросили» по Минусинскому тракту за полтора километра до Усть-Буйбы, а отсюда мы начали восхождение к сердцу Западных Саян.

Нельзя хотя бы вскользь не сказать о первозданной красоте саянской тайги с ее непроходимыми завалами, зыбунами, полями отвесных курумов, заставляющими еле заметную тропу петлять по острым камням вдоль самого берега пенных потоков. Огромное впечатление оставили и необозримые просторы альпийских лугов с одиночными суховейными гигантами-кедрами в три-четыре обхвата, подобно баобабам африканских саванн, возвышающимся на красочном ковре буйных трав, цветов и густых темно-зеленых зарослей карликовой березки.

Черное озеро — это заполненное водой ущелье. Глубина его достигает 180 м. В кристальной воде озера водятся очень крупные налимы. Здесь мы познакомились с тремя тувинцами-скотогрнами и вместе с ними поднялись к еще более труднодоступному озеру Чижи, на берегу которого имели малопривлекательную ночную встречу с медведем у туши задранный им олень. До этого, днем, на самом высоком перевале мы любовались вечными снегами и водопадами крупнейших саянских хребтов.

Правда, на следующий день в этих же местах нас накрыла свинцовая туча, избил крупный град и, сбившись в облаках с пути, мы на скалах едва не лишились коней...

За две недели, проведенные в районе Черного озера, мы объездили и облазили его окрестности, познакомились с фауной здешних мест. Маралы, лоси, северные олени, косули, медведи, соболя, норки, лисицы, белки, зайцы — вот далеко не полный перечень тех промысловых зверей, которых удалось увидеть. К этому следует добавить значительное количество водоплавающей, боровой и луговой дичи, обилие озерного и речного хариуса.

На обратном пути мы попали под проливные дожди, характерные для этих мест в конце августа, перед первым снегопадом. Тропа «поплыла», кони то и дело по брюху проваливались в кофейную гущу болот, а разлившиеся горные речки стали трудно проходимыми препятствиями. И все же, несмотря на то, что приходилось преодолевать большие трудности похода, саянская тайга поразила мое воображение своим величием и, прежде всего, богатством животного мира. Поэтому, побывав в отдаленных уголках промхоза, я мог предположить, что хозяйство, обладая такими богатыми угольями, за годы своего существования крепко встало на ноги, рационально использует природные ресурсы и обеспечивает надежный заработок штатным охотникам-промысловикам. Однако, глубже ознакомившись с делами промхоза, пришел, увы, к другому выводу.

Заготовки пушнины составляют примерно третью часть общего заготовительного оборота Ермаковского пром-

хоза, причем 80—85% пушных заготовок занимает промысел соболя. Но в расчетах за собольи шкурки существует большая неразбериха. Стоит местному охотнику сесть на попутную машину и за несколько часов съездить в Кызыл, как он без особого труда сдаст каждого соболя на восемь рублей дороже, чем у себя дома, так как шкурки пройдут тувинским краем, а не минусинским. Если же охотник пожелает навестить родственников в северной части Красноярского края и прихватит с собой шкурки добытых соболей, то и здесь он не останется в накладе — получит дополнительно 14% по северным ценам. Между тем трудности промысла в южной части края не меньшие, а порой и большие.

Существует, наконец, и самый простой способ выручить более высокую цену за пушнину, который хоть и явно противозаконен, но, тем не менее, до сих пор не карается Уголовным кодексом: продать собольей частным лицам, в том числе знакомым шоферам — благо тракт проходит под окнами. Перекупщик сразу же даст сумму, в два-три раза превышающую заготовительную стоимость шкурки, а впоследствии и сам хорошо заработает. Вот и получается, что львиная доля пушнины уплывает на сторону, а промхозу это, как ни странно, в какой-то степени даже выгодно — меньше придется платить штатным охотникам.

Даже по сравнению с некоторыми другими маломощными промхозами заработка ермаковцев невелики. Лишь у немногих среднемесячная зарплата превышает 120 руб. Основная масса штатных охотников получает 70—85 руб., некоторые и того меньше. А ведь охотник, кроме того, что содержит семью, должен на эти деньги прокормить собаку, закупить на период промысла боеприпасы и продовольствие.

Низкие заработки можно объяснить, в частности, тем, что промхоз еще не обеспечил круглогодичную занятость своих рабочих (охотников-промысловиков), не смог предоставить им работу

К. Хассанов со своим «медвежатником» Цыганом.

Озеро Чэйжи, окрестности которого богаты медведями и маралами.

в межпромысловый сезон. Это и приводит к тому, что в графе месячной зарплаты нередко появляются цифры: три рубля, рубль 80 копеек, два рубля 02 копейки, рубль 77 копеек... Даже такое прибыльное дело, как заготовка и обработка пиломатериалов, в промхозе почти не приносит доходов, так как имеется лишь одна старая пилорама, до сих пор не построен настоящий склад готовой продукции. Вот и «промышляет» промхоз производством прибыльной клепки, затыкая ею все свои дыры.

Охотничий же промысел в загоне. Несмотря на то что в плане охотхозяйственных мероприятий предусмотрено обучение молодых охотников, выяснилось, что из 65 штатных охотников только четверо моложе 30 лет. С другой стороны, промхозу почти не отпускается средств на охотхозяйственные работы. Так, в 1967 г. на завоз в отдаленные угодья около ста охотников было выделено 300 руб., фактически на это ушло около 3000 руб. Для того чтобы добраться до отдаленных участков, не говоря уже о длительных пеших переходах, требуются автомашины, лошади, лодочные моторы; весь путь занимает порой 10—12 дней.

В прошлом году на охотустройство — оборудование угодий, строительство дорог, изготовление орудий лова, включая 300 самолетов, приобретение снаряжения, транспорт «и другие работы» — промхозу было выделено... 100 руб. Ни копейки промхоз не получил на предпромысловую разведку, даже охотовед должен был выезжать для этой цели в тайгу за свой счет. В 1967 г. на все охотхозяйственные мероприятия выделили 2360 руб., промхоз, как ни ужимался, израсходовал 5890 руб. Спаса все та же клепка. А если бы ее не было?

План общего заготовительного оборота Ермаковского промхоза, составляющий около 155 тыс. руб., выполняется, но тем не менее промхоз работает далеко не на полную мощность. И одна из основных причин заключается в

том, что заготовки ценнейшей для страны пушнины промхозу убыточны. Хозяйство получает за нее всего 20,4% наценок. Попробуй-ка оплатить из этих сумм все производственные расходы, отпускные и отчисления по соцстраху штатным охотникам! Отсюда и невольное стремление администрации промхоза сократить число этих основных добытчиков мягкого золота и ориентация на охотников-любителей, которым никакие дополнительные суммы не причитаются.

Слов нет, любителей следует всячески привлекать к заготовкам пушнины и сопутствующим промыслам, но не в ущерб штатным охотникам. Не следует забывать, что последние, получая основные доходы от пушного промысла и имея закрепленные участки, кровно заинтересованы в воспроизводстве охотничьей фауны и равномерном освоении территории. Что касается любителей, то они, как правило, только один раз «снимают урожай», не имея возможности заботиться о дальнейшей судьбе угодий.

И все-таки, несмотря ни на что, в Ермаковском промхозе трудятся хорошие охотники-промысловики, отлично владеющие своей нелегкой профессией. Среди них Александр Шавлак, Роман Буда, Семен Никифоров, Александр Зайков, Федор Кудник, Керим Хассанов, Ким Матрюк, Павел Кузнецов, Николай Канахин и другие. В трудных условиях добывая стране ценнейшую пушнину, они, бесспорно, заслуживают большего внимания со стороны администрации промхоза, треста коопзверопромхозов Красноярского крайпотребсоюза, со стороны других вышестоящих организаций, заинтересованных в усовершенствовании системы заготовок пушнины. Игнорируя интересы охотников, исходя из принципа «меньше дать и больше взять», мы вынуждаем промхозы топтаться на месте, рубим сук, на котором сидим.

Г. П. Дементьев —

заслуженный деятель науки

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР за заслуги в области зоологической науки и многолетнюю плодотворную педагогическую деятельность почётное звание ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РСФСР присвоено профессору ДЕМЕНТЬЕВУ ГЕОРГИЮ ПЕТРОВИЧУ — доктору биологических наук, заведующему лабораторией Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Редакция нашего журнала горячо поздравляет Вас, дорогой Георгий Петрович, с присвоением почётного звания и желает Вам новых творческих успехов.

ДЕВЯТЫЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС БИОЛОГОВ- ОХОТОВЕДОВ

Для обсуждения наиболее актуальных вопросов мирового охотоведения, начиная с 1954 г. один раз в два года собираются Международные конгрессы биологов-охотоведов.

Советский Союз принимал участие в работе двух последних (VII и VIII) конгрессов: в Югославии в 1965 г. и Финляндии в 1967 г.

По предложению делегации СССР, принятому VIII конгрессом, очередной, IX Международный конгресс биологов-охотоведов должен состояться в Москве, в сентябре 1969 г.

Основная проблема, которая по рекомендации предыдущего конгресса будет обсуждена на IX конгрессе — «Повышение биологической продуктивности охотничьих угодий». Эта проблема включает многие вопросы: пути улучшения угодий, искусственное дичеразведение, интродукция (акклиматизация) животных, взаимоотношения хищник — жертва и т. д.

На пленарных заседаниях предполагается заслушать и обсудить 10—12 докладов по основной проблеме.

Кроме того, будут работать четыре симпозиума по следующим вопросам:

1. Методы учета охотничьих животных;
2. Дичеразведение и биотехника, как методы повышения биологической продуктивности;
3. Болезни и гельминтозы охотничьих животных;
4. Значение наземных хищников в охотничьем хозяйстве.

Предполагается, что Конгресс будет работать с 15 по 19 сентября в Москве. Рабочие языки конгресса: русский, английский, французский.

До начала Конгресса и после окончания его работы предполагаются экскурсии для ознакомления его участников с научно-исследовательскими учреждениями и охотничьими хозяйствами СССР.

Председатель оргкомитета
Б. БОГДАНОВ

Генеральный секретарь конгресса
А. БАННИКОВ

Кролиководство
и звероводство

4
1965

Статьи В. Афанасьева и Н. Портной, предлагаемые вниманию читателей журнала «Охота и охотничье хозяйство», затрагивают общие вопросы клеточного пушного звероводства. Половина объема журнала «Кролиководство и звероводство» отводится материалам в помощь работникам этой отрасли. Такое же место в журнале занимают статьи и информации, предназначенные для работников другой отрасли — кролиководства.

Сейчас в стране немного крупных совхозных и колхозных кролиководческих ферм. Они выращивают, как правило, племенных животных и продают их при посредничестве потребкоопсов кролиководам-любителям. Поэтому товарное кролиководство сосредоточено в основном в частном секторе.

Приусадебное кролиководство получает все большее развитие. Только за последние 10 лет кролиководы-любители продали государству 387 миллионов шкурок. Кроликов разводят многие рабочие, колхозники и служащие. Дело это интересное и выгодное. Кролики дают вкусное диетическое мясо, шкурку и пух. От каждой самки в год можно получить четыре помета. Это примерно около 60—70 килограммов мяса и 20—25 шкурок.

Кроликовод-любитель А. Г. Господенок из Полоцкого района Витебской области в 1967 г. вырастил от шести самок 289 крольчат. Общий годовой доход от кролиководства в его хозяйстве составил 1009 руб.

Кролиководы-любители сейчас объединяются в товарищества. Во многих крупных областях и республиках такие объединения уже работают.

Журнал «Кролиководство и звероводство» регулярно освещает вопросы развития и экономики кролиководства, племенного дела, нормления, содержания животных, механизации хозяйств и т. д. В разделе «У кролиководов-любителей» помещаются материалы для начинающих кролиководов. В них рассказывается об опыте разведения кроликов в приусадебных хозяйствах, о работе кролиководческих товариществ и т. д.

На страницах журнала регулярно печатаются ответы на письма читателей, консультации специалистов, статьи по передовому опыту, информации о кролиководстве и звероводстве за рубежом.

Последнее время журнал стал печатать больше материалов для нутриводов-любителей. Нутрия дает не только ценный мех, но и великолепное мясо. В этом году журнал регулярно будет помещать календари для кролиководов и нутриводов-любителей.

Советское звероводство

В послевоенные годы в Советском Союзе стала быстро развиваться новая отрасль животноводства — клеточное пушное звероводство.

Звероводство — высокоинтенсивная отрасль производства. Оно получило промышленное развитие главным образом в экономически развитых районах страны, основываясь на кормовой базе в виде отходов мясной, молочной, рыбной и шелкоткальной промышленности.

Благодаря строительству в этих районах 130 крупных специализированных зверосовхозов, а также более 200 звероферм Центросоюза советское клеточное звероводство выросло в мощную пушную индустрию. В 1967 году из 4,1 млн. шкурок клеточных пушных зверей 3 млн. было произведено в совхозах, 1 млн. на звероводческих фермах потребительской кооперации и до 100 тыс. шкурок в колхозах, госпромпхозах и других предприятиях. До 80% звероводческой продукции страны производится в РСФСР.

Клеточных пушных зверей при наличии нормов можно разводить почти на всей

территории Советского Союза. Наша страна занимает второе место в мире (после США) по производству шкурок норки — главного объекта клеточного звероводства и первое место по производству шкур голубого песца и серебристо-черной лисицы. На 1 июля 1968 г. на звероводческих фермах страны имелось свыше 5,5 млн. голов пушных зверей, или около 20% мирового поголовья. Успехи в разведении пушных зверей были получены путем создания для них новых условий существования, изменения их в лучшую сторону.

Полноценное регулярное кормление зверей позволило увеличить размеры их тела и производительность по сравнению с дикими предками; клетки с приподнятым над землей сетчатым полом поставили животных в хорошие санитарные условия.

Решающее значение имел систематический проводимый искусственный отбор и подбор зверей по основным хозяйственно полезным признакам — цвету и качеству опушения, размеру, телосложению и плодовитости.

совхозный соболь

Национальным достижением советского звероводства является освоение клеточного разведения черных соболей. Охотничье хозяйство — главный поставщик соболиных шкурок, но большинство из них светлого тона. На соболиных же фермах производят свыше 60% темных соболиных шкурок, в том числе значительное количество головок.

Разведение соболей в неволе было впервые налажено на ферме Пушкинского зверосовхоза, организованного в 1928 г. Поголовье комплектовали за счет отловленных на воле соболей, в основном амурского, енисейского, уральского и алтайского кражей. Позже завозили небольшое число баргузинских соболей. Первый приплод от самок, покрытых на ферме, был получен в 1931 г. С тех пор в хозяйстве выращены тысячи голов молодняка. Часть из них передана в другие совхозы.

Фактически все поголовье соболей, разводимых в шести зверохозяйствах страны, состоит из потомков соболей Пушкинского совхоза. Разведение соболей в клетках началось тогда, когда дикий соболь был почти истреблен и некоторые считали его даже «вымирающим» видом.

Основной задачей соболеводства было сохранение и размножение этого ценного зверька. Но проведение различных биотехнических мероприятий

обеспечило восстановление поголовья соболей на воле и теперь охотники добывают значительное количество шкурок этого зверя. Безусловно, себестоимость шкурки соболя, добытого охотником, значительно ниже себестоимости шкурки соболя, выращенного в клетке. Казалось бы, что при таких условиях заниматься соболеводством нерационально. Однако планируется дальнейший рост поголовья совхозных соболей.

Дело в том, что дикий соболь чрезвычайно изменчив и в большинстве своем невысокого качества как по цвету, так и по опушению. Как известно, шкурки соболей подразделяются по цвету на несколько категорий. Изменчивость качества опушения характеризуется наличием 8 кражей, а раньше их было даже 18. Размеры диких соболей также очень варьируют. Животных, которые бы объединяли темную окраску с отличным опушением и крупным размером, в природе практически не встречается.

Поэтому перед соболеводами была поставлена задача вывести «идеального» соболя, обладающего всеми положительными качествами. Работа эта была очень сложна, т. к. наследование признаков почти не изучено, но ясно, что каждый из них обусловлен многими генами, в результате чего даже от лучших темных родителей могут иногда

Звероводы получили свыше ста типов цветных иором. Более десяти цветных типов животных имеется в лисоводстве, песцеводстве и нутриеводстве. В Пушкинском зверосовхозе Московской области выведен большой массив крупных черных соболей с голубым пухом и черными ушами, без горлового пятна. Таких соболей в природе нет.

За несколько десятилетий разведения в клетках пушные звери подверглись значительным изменениям, часть которых путем искусственного отбора и подбора уже наследственно закреплена (окраска волосного покрова, размеры тела). Клеточные пушные звери начинают терять некоторые видовые признаки, которые были генетически консолидированы естественным отбором, и клеточных пушных зверей невозможно теперь отнести к какой-либо диной географической разновидности.

У клеточных пушных зверей изменяется и тип высшей нервной деятельности, характерную особенность которого составляет еще различная степень агрессивности. На зверофермах все больше появляется зверей спокойных, легко дающихся в руки (белые норки, валуевые голубые песцы, а в очень редких случаях даже соболи).

По основным зоотехническим показателям — оплодотворимости самок, рождаемости и сохранению приплода, звероводство в передовых хозяйствах стало вровень со старейшими отраслями домашнего животноводства (100%-ное покрытие

самок, 90% и более благополучных родов, 97—98%-ное сохранение молодняка при его выращивании).

В клеточном звероводстве идет процесс породообразования.

Имеется ряд групп зверей, по своему происхождению, наследственной стойкости, численности особей, хозяйственной полезности удовлетворяющих требованиям пород (черный соболь, темно-коричневая стандартная норка).

Разведение пушных зверей в клетках уменьшенного размера с приподнятым надземным сетчатым полом (0,45 кв. м на самку норки, 2 кв. м на самку лисицы и песца, 1,5 кв. м на самку соболя) привело из-за сокращения рациона и некоторому уменьшению у них сердца и легких по сравнению с дикими предками. Это явление, сопровождающее процесс одомашнивания пушных зверей, по нашему мнению, является физиологической нормой, так как живой вес и размеры тела у них при этом значительно увеличились.

Звероводческие совхозы — это высокоинтенсивные рентабельные животноводческие хозяйства; они являются фабриками пушнины с годовым производством шкур на каждом хозяйстве на 2,5—3 млн. руб. Они оснащены аммиачными холодильниками для хранения мясорыбных кормов, механизированными кормоустройствами, забойными пунктами для первичной обработки шкур, ветлечебницами.

Годовая потребность крупного зверосовхоза в кормах составляет 3—3,5

тыс. т, а дневная в августе—сентябре — 25—30 т. Специализация и концентрация звероводческого производства в зверосовхозах, с наличием в хозяйстве 10—15 тыс. основных самок зверей, при механизации раздачи воды и корма зверям позволяет снизить затраты труда на производство одной шкурки до 0,4—0,5 человеко-дня в норководстве, до 0,8—0,9 человеко-дня в песцеводстве, до 1,2—1,3 человеко-дня в лисоводстве, при рентабельности производства пушнины не менее 30—40%.

Советский Союз имеет большие возможности для дальнейшего развития клеточного пушного звероводства, продукция которого будет всегда пользоваться устойчивым спросом на внешнем и внутреннем рынках, так как с натуральными благородными мехами не может конкурировать ни один искусственный мех из полимеров.

К 1975 г. звероводы должны удвоить производство высокоценной пушнины и тем самым внести свой вклад в дальнейшее укрепление экономического могущества нашей великой Родины.

В АФАНАСЬЕВ,
начальник Главзверовода МСХ РСФСР,
кандидат сельскохозяйственных наук,
заслуженный зоотехник РСФСР

УДК 636.93

появиться довольно светлые щенки. Кроме того, при проведении селекционной работы с соболем приходится обращать внимание не только на основные признаки — общую окраску, качество опушения и размер, но и на другие: развитие седины, размер и характер горлового пятна, окрас головы, черепа и т. п. Исходное поголовье было невысокого качества, что также затрудняло работу. Совершенствование стада соболей нельзя провести быстро, т. к. соболь — зверь сравнительно медленно размножающийся.

Несмотря на все трудности, коллективу Пушкинского зверосовхоза удалось создать стадо соболей, отвечающих требованиям «идеального» зверя. Пушкинский соболь обладает очень темной, почти черной окраской, одинаковой на всем теле, включая и голову. У многих соболей отсутствуют даже более светлые пятна вокруг ушей и сами уши, всегда бывающие даже у самых темных диких соболей более светлыми, у пушкинских — темные. Горловое пятно отсутствует или оно очень небольшое. Седины нет или имеется только очень небольшое количество чисто белых волос, создающих впечатление красивой «серебристости». Опушение очень нежное, шелковистое. Размер крупный: средний вес самок 1,2 кг, самцов 1,5—1,7 кг, нередко экземпляры и в 2 кг.

По цветовому ассортименту шкурки соболей Пушкинского зверосовхоза значительно превосходят шкурки диких соболей даже баргузинского края.

Клеточный соболь размножается хуже, чем дикий. На воле первый приплод самки обычно дают в двухлетнем возрасте, в зверосовхозах же основная масса зверей дает приплод только в три года. Расцвет воспроизводительной способности бывает у соболей в возрасте от 5 до 10—11 лет.

Плодовитость диких и клеточных соболей примерно одинакова — в среднем 3—3,4 щенка, но у части самок рождается и по 5—7 щенков. Зарегистрировано два случая (в зверосовхозах «Пушкинский» и «Лесной») рождения по 8 щенков.

За время, прошедшее с начала разведения соболей, значительно изменились условия их содержания. В первые годы строили огромные шестигранные вольеры, в которых создавали условия, близкие к природным.

Постепенно размеры клеток сокращались, и теперь они имеют площадь для основного стада равную 1,2×0,9 м, а для молодняка — 0,6×0,9 м. Клетки установлены рядами в шедах (под навесом). Пол клеток и домиков сетчатый. Все это значительно облегчает уход за животными, стоимость клеток невысокая, а звери, постоянно видя людей, перестали болезненно реагировать на приближение звероводов.

Значительные изменения произошли и в кормлении зверей. Если в первые годы они получали крольчатину, говядину, птицу, кедровые орехи и т. д., то теперь в рацион входит относительно небольшое количество конины, субпродукты (в основном рубец), куколка тутового шелкопряда и др. Мясные корма составляют 70—80% калорийности рациона. Помимо молока и зерна, в рацион соболей обязательно включают овощи, ягоды, фрукты. Нередко дают мед, рыбий жир и дрожжи как источники витаминов.

Очень упростилась техника разведения. Гон соболей проводят в июле—августе. Если в первые годы в соболеводстве применялась моногамия и во время гона пары содержались вместе круглые сутки, то теперь половое соотношение в среднем составляет 1:3, а отдельные самцы покрывают до 8 са-

Фото А. РОГОЖКИНА.

мок. Это дает значительный экономический эффект и позволяет использовать только лучших по качеству самок, которые дают больше молодняка высокого класса.

Упрощение системы содержания соболей, введение механизации позволили значительно облегчить работу звероводов. Сейчас каждый рабочий фермы обслуживает 75 самок основного стада с соответствующим количеством самцов, 35 голов молодняка рождения прошлых лет и 150—170 голов молодняка текущего года рождения.

Успехи соболеводов получили международное признание: в 1964 г. на Лейпцигской ярмарке Пушкинскому зверосовхозу за шкурки соболей присуждена Большая золотая медаль.

Н. ПОРТНОВА,
зоотехник соболиной фермы
зверосовхоза «Пушкинский»

УДК 636.93

ЗАПОВЕД

О. ГУСЕВ,
кандидат биологических наук

Статья доктора биологических наук профессора И. И. Пузанова «Нам нужны национальные парки», опубликованная в порядке обсуждения в нашем журнале (№ 2, 1968 г.), не осталась незамеченной. Она была перепечатана и подввергнута обсуждению в «Курортной газете» (28 марта, 26 апреля и 21 мая 1968 г.), нашла своих страстных защитников и не менее страстных противников на Всесоюзном совещании по охране природы Крыма (Москва, 1968 г.), получила отклик в Бюллетене Московского общества испытателей природы (№ 4, 1968 г.).

Внимательный анализ всех этих публикаций и выступлений показывает, что дискуссия развернулась в основном вокруг предложения преобразовать ряд наших заповедников и заповедно-охотничьих хозяйств в национальные парки. Основные же положения статьи — проблема «заповедники и туризм» и призыв к организации национальных парков — почти не затронуты обсуждением. Между тем именно эти проблемы требуют безотлагательного урегулирования на строго научной основе.

Проблема «заповедники и туризм» возникла сравнительно недавно, но очень скоро она встанет перед нами со всей остротой. Сейчас важно понять, почему туристы в заповедниках стали проблемой, вокруг которой идут такие острые споры, проблемой, вызывающей наибольший резонанс на всех совещаниях по охране природы и заповедному делу. Каковы причины появления этой проблемы, каково ее содержание, где и как искать пути ее разрешения? Но прежде чем перейти к обсуждению проблемы «заповедники и туризм», необходимо сказать о небывалых темпах роста численности туристов во всех странах мира, в том числе и в нашей стране.

ТУРИСТИЧЕСКИЙ ВЗРЫВ

В последние два десятилетия туризм нарастает, как снежный ком. Миллионы людей вдруг поверили, что «нет на свете ничего лучше, чем путешествие» и что «жить — значит путешествовать». Если в 1950 г. во всех странах мира было зарегистрировано 25 миллионов международных туристов, то в 1966 г. от «статического» к «динамическому» образу жизни перешло уже 125 миллионов человек. В 1965 г. только нашу страну посетило 1263 тысячи иностранных туристов. Ежегодный прирост международного туризма составляет 12—15%! Рассчитано, что к 1975 г. ветер «иностранных» засвистит в ушах уже у 250 миллионов человек.

Такими же скоростными темпами развивается и национальный, или внутренний, туризм. В 1940 г. 2—3 десятка баз могли у нас принять от силы 15—20 тысяч туристов, а в позапрошлом году 500 баз предоставили туристам уже около 114 тысяч мест. Ежегодно в путешествие по нашей стране отправляется 50 миллионов «диких», или самостоятельных туристов, а в самые ближайшие годы их число возрастет до 80 миллионов человек.

Стремительный рост числа туристов вызвал резкое повышение роли туризма в мировом экспорте. Туризм становится не только «экспортом впечатлений» и «индустрией здоровья», но и крупнейшим источником доходов. Поступления от туризма выражаются громадными суммами. В 1965 г. национальный туризм всего мира дал около 46 миллионов долларов дохода, международный — 11 миллионов долларов, или более 6% общей суммы мирового экспорта. По данным Организации Объединенных Наций, расходы на международный и внутренний туризм в 1965 г. достигли 44 миллиардов долларов!

Причиной такого невиданного интереса к путешествиям явилось, прежде всего, увеличение суммы национального дохода в ряде развитых стран, расширение и улучшение транспортных связей. Заметно повысился образовательный уровень советских людей, необычайно расширился круг их интересов, прочно укоренилось понимание того, что путешествия — лучший источник знаний, морального и физического здоровья.

Туризм превращается в новую отрасль народного хозяйства. Многие культурные и природные ценности, не дававшие прежде ни копейки дохода, сделались «золотыми жилами», основными ресурсами «индустрии туризма», что привело к коренной переоценке ценностей в использовании некоторых природных ландшафтов и целых крупных регионов с находящимися на них деревнями, селами и городами.

Чрезвычайно бурное нарастание потока туристов можно коротко охарактеризовать двумя словами: туристический взрыв. Не случайно XXI сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 1967 г. «Международным годом туризма».

Символом Красноярских «Столбов» стали сиенитовые «причуды природы».

Столб «Перья».

Фото Н. НЕМНОВОА.

охрана фауны

Обсуждаем статью

«Нам нужны национальные парки»

Волгоградская областная универсальная библиотека

www.booksite.ru

ПРОБЛЕМА «ЗАПОВЕДНИКИ И ТУРИЗМ»

В связи с таким ростом туризма необычайно повысился интерес к природным резерватам. Примеры, характеризующие посещаемость туристами зарубежных заповедников и национальных парков, известны по выступлениям центральной печати, в том числе и нашего журнала. Достаточно напомнить, что уже в 1962 г. национальные парки Японии посетило 160 миллионов человек, что в одном только Йеллоустонском национальном парке США ежегодно бывает около 2 миллионов туристов. Интерес к природе национальных парков содействовал их организации во многих странах мира и, например, в 1967 г. Норвежским советом по охране природы разработан план создания 16 национальных парков, который одобрен парламентом этой страны.

В нашей стране при отсутствии национальных парков их задачи всегда в какой-то мере возлагались на заповедники. Для того чтобы в этом убедиться, необходимо познакомиться с некоторыми документами, а также обобщающими работами по заповедникам и охране природы.

В «Положении о государственных заповедниках СССР», утвержденном Советом Министров Союза ССР 27 октября 1951 г., сказано, что на государственные заповедники возлагается ряд задач, в том числе «содействие проведению экскурсий трудящихся, а также студенческой практике и туризму».

В брошюре А. И. Кондратенко «Заповедники СССР, их научное и культурно-просветительное значение», вышедшей в 1960 г., говорится, что «на государственные заповедники возлагается... содействие проведению экскурсий трудящихся, а также студенческой практике и туризму».

Эта брошюра легла в основу «Положения о заповедниках РСФСР», утвержденного Советом Министров РСФСР 5 июня 1962 г. Согласно этому Положению на заповедники возлагается «популяризация идей охраны природы и содействие развитию краеведческой работы всеми доступными средствами устной, печатной и наглядной пропаганды», «проведение экскурсий и содействие развитию туризма на территории государственных заповедников».

Приказ по Министерству сельского хозяйства СССР от 12 апреля 1967 г. проблеме «заповедники и туризм» отводит два пункта. К основным задачам заповедников, согласно этому приказу, относятся «...ознакомление населения страны с природой заповедников и выполняемой ими работой путем организуемых экскурсий и туризма», «развитие туризма и отдыха людей на природе».

Закон «Об охране природы в РСФСР», принятый 27 октября 1960 г. Верховным Советом РСФСР, а также законы об охране природы других союзных республик предусматривают изъятие территории заповедников из хозяйственного пользования в научно-исследовательских и культурно-просветительных целях. Под последними имеется в виду содействие развитию туризма и экскурсий трудящихся.

В некоторых сводных работах по заповедникам, вышедших массовыми тиражами, проблеме развития туризма в заповедниках также уделено много внимания. Сошлемся лишь на работу А. А. Насимовича «Наши заповедники», занимающую большую часть второго выпуска сборника «Охрана природы» (1966). В этом очерке о туристах в заповедниках говорится следующее:

«Туризм в большинстве заповедников еще не получил должного распространения, поэтому содействие развитию культурного туризма также относится к важным разделам работы заповедников. Туристам должно прививаться сознательное, любовное, бережливое отношение к природным богатствам.

Исключительно велико здравоохранительное значение заповедников. Пребывание на их территории, маршруты по живописным местам, встречи с дикими обитателями (зверями и птицами), активный отдых среди природы — лучшая форма отдыха и восстановления сил для многих горожан».

Во всех опубликованных у нас обобщающих работах по охране природы развитие туризма в заповедниках рассматривается как положительное явление. Так, например, в книге «Охрана природы»^{*} говорится следующее: «заповедники, и прежде всего открытого типа, имеют большое культурно-воспитательное значение. Здесь советские люди могут увидеть самые прекрасные уголки родной природы, научиться любить и беречь ее. В Со-

ветском Союзе быстро развивается туризм; очевидно, народные парки как форма заповедания будут у нас получать все большее развитие». К народным, или национальным, паркам авторы относят такие заповедники, как Тебердинский, Кавказский, Столбы и Крымское заповедно-охотничье хозяйство.

Работниками заповедников опубликовано множество популярных книг, брошюр, путеводителей, буклетов, статей и заметок, подавляющее большинство которых заканчивалось традиционными словами: «приезжайте к нам в заповедник». Следует подчеркнуть, что эти статьи и книги писали наиболее преданные заповедникам люди, много делающие для пропаганды заповедного дела. Выше мы показали, что они делают это не только в силу своей творческой активности и энтузиазма, но и во исполнение многих положений, приказов и законов, обязывающих их это делать.

Таким образом, не трудно увидеть, что туризм в заповедниках — вполне закономерное явление, вызванное к жизни как чрезвычайно возросшим интересом к путешествиям вообще и к природе в частности, так и усилиями самих работников заповедников, в продолжение десятков лет призывавших туристов посещать заповедники. Но призывая туристов, стимулируя развитие туризма, заповедники почти ничего не сделали для того, чтобы организовать его, и когда, наконец, туристы откликнулись на бесконечные призывы «добро пожаловать», оказалось, что большинство заповедников совершенно не подготовлено к их приему, не имеет для этого никаких средств. Это противоречие и является главной причиной возникновения проблемы «заповедники и туризм».

В настоящее время мнения относительно путей разрешения этой проблемы крайне противоречивы. Некоторые природоохранные считают недопустимым пребывание туристов на территории заповедников, другие полагают, что хорошо организованный туризм — не враг заповедникам, что он является одной из органических частей работы заповедников, значительно повышает роль заповедников как природоохранительных учреждений.

Для того чтобы правильно решить этот вопрос, нужно разобратся в том, что собой представляют наши заповедники, какое содержание вкладывается в понятие «заповедник» в каждом конкретном случае.

Большинство наших заповедников за годы своего существования претерпело существенную дифференцировку, и сейчас уже четко обозначились определенные тенденции дальнейшего обособления некоторых форм охраняемых территорий. Можно отметить шесть основных форм заповедания территорий, в которых, при некотором упрощении, можно «уложить» все заповедники нашей страны.

1. Абсолютные природные заповедники — эталоны природы. Хорошим примером этого типа заповедников служит Баргузинский заповедник, в котором хозяйственная деятельность осуществлялась в таких ничтожных размерах, что это не смогло дискредитировать его, как эталон природы. К сожалению, таких заповедников у нас очень немного, расположены они главным образом на востоке.

2. Заповедники-лаборатории в природе. В последнее время стало модным все наши заповедники называть лабораториями в природе. Между тем слова «лаборатория в природе» подразумевают необходимость экспериментирования в природе, что противоречит содержанию понятия «абсолютный природный резерват». Желательно, чтобы в каждом заповеднике были научно-исследовательские лаборатории, но это вовсе не значит, что каждый заповедник должен превращаться в «лабораторию в природе». К заповедникам-лабораториям в природе относится большинство наших заповедников. В них поощряется проведение мероприятий, направленных на преобразование природы заповедников, исходя из чисто человеческого представления о целесообразности такого преобразования: биотехнические мероприятия и, в частности, подкормка дичи, посадка кормовых растений, привлечение птиц на гнездовья, регулирование численности животных, даже рубка леса и... акклиматизация.

Такие заповедники называют «заповедниками обычного типа», но это не скрывает их смыслового значения. Наше название больше характеризует их функциональную направленность.

3. Заповедники — акклиматизационные парки. К таким заповедникам относится заповедник «Аскания-Нова», который с самого начала был не только резерватом целинной Асканийской степи, но и акклиматизационным парком для многих степных, полустепных и саванных животных. И хотя в настоящее время асканийский зоопарк является отделом Украинского научно-исследовательского института животноводства степных районов им. М. Ф. Иванова, он, наряду с небольшим участком целинной степи и ботаническими акклиматизационными парками, входит не-

* К. Н. Благосклонов, А. А. Иноземцев, В. Н. Тихомиров. «Охрана природы». Изд-во «Высшая школа», М., 1987.

разделенной составленной частью в понятие «заповедник «Аскания-Нова». И если зоологи и туристы стремятся в «Асканию-Нову», «как турки в Мекку», они делают это в основном из-за акклиматизационного зоопарка.

4. Заповедники — национальные парки. Такие заповедники, как «Столбы», Тебердинский, Алтайский и некоторые другие, все больше становятся местами массового туризма и отдыха людей. Эти заповедники больше всего отвечают понятию «национальные парки».

5. Заповедно-охотничьи хозяйства. Заповедники, в которых после их преобразования в заповедно-охотничьи хозяйства, стали рубить лес и производить охоту. В заповедно-охотничьих хозяйствах, особенно в Беловежской Пуще, развит массовый туризм.

6. Заповедники — памятники природы. В более широком понимании этих слов памятниками природы можно назвать и абсолютные природные заповедники и заповедники — национальные парки. Однако памятниками природы могут быть и объекты неживой природы — скалы, мысы, пещеры, обнажения материнских пород и т. д., в связи с чем выделение этой формы заповедности кажется необходимым. Памятниками природы следует называть очень небольшие по площади охраняемые территории. Типичным памятником живой природы является Хостинская тиссо-самшитовая роща на Кавказе, которую ежегодно посещает около 200 тысяч туристов.

Такая классификация заповедников, конечно, предварительна, но и она позволяет увидеть, что наши заповедники — весьма дифференцированная система охраняемых территорий, что в каждом конкретном примере в понятие «заповедник» вкладывается разное, иногда совершенно различное содержание.

Отсутствие четких и строгих определений для каждого из шести выделенных нами понятий обрекает заповедники на стихийное нивелирование. Опыт же последних лет показывает, что это нивелирование идет в нежелательном направлении, что в целом заповедники регрессируют, что высшей формы заповедников — абсолютных природных резерватов, эталонов природы — остается все меньше и меньше.

Какжется бесспорной необходимостью осмыслить содержание всех сложившихся у нас форм охраняемых территорий* и ясно сформулировать их «права и обязанности». Это поможет остановить процесс деградации наших заповедников, вернуть статус абсолютных природных резерватов тем территориям, для которых это окажется необходимым и возможным. Неправы те, кто считает, что согласно международной кодификации наши заповедники адекватны понятию «абсолютный природный резерват» и на этом основании предлагают ввести в международную терминологию русское слово «заповедник». Ничего, кроме конфуза, из этого не получится. Если ряду наших заповедников необходимо вернуть статус «эталонов природы», об этом нужно писать, это нужно доказывать, за это нужно бороться, но делать вид, что между нашими заповедниками нет принципиальных различий — значит наносить вред науке, заповедникам, всему делу охраны природы.

Учитывая, что в настоящее время обсуждается международная кодификация всех форм охраняемых территорий, нам следует подготовить и узаконить классификацию наших заповедников, издать научно обоснованные «Положения» о заповедниках и на этой базе разработать методы и принципы выделения заповедных территорий.

ПРИНЦИП ТИПИЧНОСТИ ИЛИ ПРИНЦИП УНИКАЛЬНОСТИ

У нашей охотоведческой науки имеется богатый опыт организации заповедников. Выделение первых соболиных охотничьих заповедников было проведено с необычайной основательностью и глубиной. Для организации, например, Баргузинского заповедника потребовалось около двух полевых сезонов изыскательских работ. Баргузинская соболиная экспедиция по организации заповедника — одна из лучших страниц истории отечественного охотоведения. Заповедники создаются навечно, и поэтому понятно, с какой колоссальной ответственностью следует относиться к их организации.

К сожалению, с тех пор методика выделения заповедных территорий регрессировала, были начисто забыты многие замечательные принципы ленинских природоохранительных декретов.

Сейчас мы не имеем четких критериев для выделения заповедных территорий. Организуя абсолютные природные заповедники, мы часто заведомо обрекаем их на массовое посещение туристами. Дело в том, что при выборе места под заповедник мы сплошь и рядом подменяем основной принцип их выделения — «принцип типичности» — тем, что можно назвать «принципом уникальности». Эстетические соображения, живописность местности, уникальность природного комплекса часто вытесняют все другие соображения.

В территорию Кроноцкого заповедника включена единствен-

* В перечень охраняемых территорий мы не включили заказники — это не входило в наши задачи.

ная в СССР Долина Гейзеров, Алтайский заповедник почти полностью вообрал в себя самое большое и красивое озеро этого края. Символом Красноярских «Столбов» стали дерзко вымахнувшие на дневную поверхность сиенитовые «причуды природы». Все это притягивает туристов, как магнит. Можно ли закрыть от них Долину Гейзеров, Телецкое озеро, Красноярские «Столбы»? Я в этом глубочайшим образом сомневаюсь.

«Принцип типичности» должен являться основным при выделении абсолютных природных резерватов. Только строгое соблюдение этого принципа делает заповедники эталонами природы в полном смысле этих слов, ибо эталон, как известно, это тщательно выделенный образец меры, служащий для сравнения с такими же образцами меры, повторяющимися во множестве.

Так может быть не нужно было заповедовать «Столбы» или Телецкое озеро? Нет, нужно. Уникальные явления и объекты природы, реликтовые колонии животных и растений должны быть заповеданы в первую очередь. Но нам совершенно необходимы и обширные комплексные заповедники, представляющие собой наиболее типичные участки широтных зон и высотных поясов. При выделении таких заповедников важно предусмотреть, чтобы в их территорию попало как можно меньше нетипичных, неэталонных «причуд природы», если мы действительно хотим сохранить эти заповедники исключительно для научных исследований.

ПРОТИВ НЕПРОДУМАННЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ И ПЕРЕИМЕНОВАНИЙ

И. И. Пузанов предлагает ряд наших заповедно-охотничьих хозяйств и заповедников, фактически принявших на себя функции национальных парков, преобразовать в национальные парки. Группа наших зоологов во главе с профессором В. Гептнером («Охота и охотничье хозяйство», № 7 1968), категорически возражает против этого.

Мне кажется, что дело здесь не в названии, хотя название в данном случае имеет немалое значение. Название, как известно, определяется содержанием, должно полностью отвечать содержанию. Но между названием и содержанием существует и обратная связь. Название влияет на содержание, перестраивает его и в конечном счете само начинает определять содержание. Назови, например, заповедно-охотничье хозяйство национальными парками, и это заставит администрацию хозяйств заниматься другим делом: от организации охоты перейти к организации туризма.

И. И. Пузанов предлагает переименовать ряд наших заповедников в национальные парки на том основании, что они уже давно стали таковыми. Казалось бы, в этом случае не может быть серьезных причин для возражения, так как известно, что нет ничего разумнее и полезнее, чем называть вещи своими именами. Но, с другой стороны, можно без труда понять опасение группы наших зоологов, высказанное в связи с этим предложением, так как нам слишком хорошо известны печальные примеры подобных преобразований. Сошлемся только на один пример.

Мы уже неоднократно выступали против этимологической бессмыслицы и «идеологической» диверсии, заложенных в противостественном сочетании слов «заповедно-охотничье хозяйство» («Охота и охотничье хозяйство», № 6, 1966, передовая; № 1, 1968, передовая). Абсурдность этого названия состоит в том, что в нем слиты воедино два взаимоисключающих понятия: охота и заповедник. В заповеднике всякая охота категорически исключается, а регулирование численности животных, в том случае, если это совершенно необходимо, нельзя называть охотой. Регулирование численности заповедных животных должно осуществляться охрана заповедника.

Помимо своей нелепости, сочетание слов «заповедно-охотничье хозяйство» принижает значение заповедника, выхолащивает из понятия «заповедник» его основное содержание. В заповедниках должны охраняться и изучаться все компоненты природного комплекса в их всеобщей взаимосвязи, и, прежде всего, недра, почвы, воздух, водоемы, растительный и животный мир.

Вред переименования заповедников в заповедно-охотничьи хозяйства состоит в том, что многие постепенно привыкли к возможности такого сочетания и были склонны ряд наших лучших заповедников превратить в охотничьи хозяйства. Само собой получалось так, что не охотничьи хозяйства превращались в заповедники, а заповедники в охотничьи хозяйства, становясь новым соблазном для лиц, жаждущих ликвидации заповедников. Поскольку заповедно-охотничьи хозяйства созданы на базе заповедников и в их названии присутствует слово «заповедник», абсолютное большинство наших граждан отождествляет заповедно-охотничье хозяйство с заповедниками. В связи с этим охота в таких хозяйствах наносит огромный ущерб их престижу и порождает недоброжелательное отношение к охотникам и охоте вообще.

Хозяйства типа наших заповедно-охотничьих строить нужно, но, во-первых, не на базе заповедников, и, во-вторых, не называть заповедно-охотничьими хозяйствами. В сознании нашего народа укоренилось представление о несовместимости заповедности и охоты, и эту правильную точку зрения нужно всячески отстаивать.

В настоящее время у нас организовано более 7 тысяч охотничьих хозяйств на площади, равной 11 миллиону квадратных километров (50% территории страны), в то время как заповедников насчитывается всего 83 общей площадью 7416 тысяч гектаров (0,2% территории страны). Заповедников у нас мало. Превращать их в охотничьи хозяйства — значит не понимать острых природоохранных нужд государства, слепо тянуться к временной, призрачной материальной выгоде за счет невосполнимых потерь в недалеком будущем.

Следует сказать и о попытках переименовать «национальные парки» в «народные» или «природные» парки.

В печати и на совещаниях не раз появлялись возражения против применения у нас слов «национальные парки» на том основании, что это нерусское выражение и что его можно заменить словами «народные» или «природные» парки. Это возражение кажется нам недоразумением.

Национальный парк — международный термин. Он характеризует совершенно определенное понятие с давно устоявшимся и общепризнанным содержанием (заповедник, приспособленный для массового туризма). Употребление термина «национальные парки» также необходимо, как употребление латинских названий для обозначения ботанических и зоологических видов.

Борясь против слов «национальные парки» и желая быть последовательным и логичным, нужно было бы объявить войну и таким словам, как нация, национальность, национализация, интернационал и т. д. Совершенно ясно, что вместо вопроса: «какова его национальность», нельзя задать вопрос: «какова его народность», так как слово «народность» в данном сочетании уже «занято», оно имеет совсем другое содержание. Так же и словами «народные» или «природные» парки нельзя заменить слов «национальные парки», не рискуя внести серьезную путаницу в номенклатуру. Стоит просмотреть многочисленные статьи и заметки о природе в наших газетах, чтобы увидеть, что делать этого нельзя: у нас, оказывается, имеется множество природных и народных парков в черте крупных городов и на их окраинах.

Много чужеземных слов стало органической частью русского языка. Нет сомнения в том, что такая же участь ждет и выражение «национальные парки», в корне которого заложено латинское слово *natio*, что в переводе на наш язык означает народ.

ВСЕ СИЛЫ НА ОРГАНИЗАЦИЮ ТУРИЗМА

В своей статье группа наших зоологов (В. Гептнер, Ю. Исаков, С. Кириков, А. Кондратенко, А. Насимович, А. Формозов, П. Юргенсон, О. Семенов-Тянь-Шанский), к большому сожалению, не останавливается на существе поднятой проблемы. Они почти ничего не говорят о том, что же нам делать с теми 200 тысячами туристов, которые ежегодно проходят через Тебердинский заповедник, 130 тысячами туристов, наводняющими «Столбы»? Что делать с теми сотнями тысяч «дикарей», которые идут в заповедники с бутылками, гитарами, «эй, ухнем», «эй, баргузин», «из-за острова на стрежень», которые губят и уничтожают природу наших заповедников? Сумели же они несколько лет назад выжечь самое сердце Баргузинского заповедника, навеки обезобразив его лицо. А вот что творится в Ильменском заповеднике.

«За последнее время, когда появились грибы и созрели ягоды, поток людей в заповедник увеличился. Зачастую группы туристов самовольно проникают в заповедник, рубят деревья для разведения костров, сдирают кору с деревьев».

Так, недавно группа школьников под руководством А. А. Майна и А. М. Варламова, работающих в Челябинском учебном комбинате, срубила 15 сосен, с 19 берез ободрала кору. А. А. Саранов, работающий на Челябинском заводе электромашин, и с ним группа в шесть человек, срубили два дерева, чтобы установить палатки» (А. Жарких. «Берегите Ильменский заповедник». Газета «Челябинский рабочий», 16 августа 1968 г.).

«Художества» «диких» туристов на территории заповедника приводят и к более тяжелым последствиям. Достаточно сказать, что за один только 1965 г. зарегистрировано пятнадцать пожаров в заповедном лесу, за 1966 г. — двенадцать. Нетрудно представить, какой урон принесли эти лесные пожары единственному в своем роде заповеднику, созданному декретом великого Ленина! (Валерий Тур. «Неравнодушная природа», ж. «Москва», № 7, 1968).

Делать вид, что ничего этого нет и палец о палец не ударять для того, чтобы призвать нарушителей к порядку, писать о том, что нужно всячески «содействовать проведению экскурсий тру-

Телецкое озеро, расположенное на территории Алтайского заповедника, вот уже более 40 лет привлекает к себе много туристов. Фото Д. ЖИТЕНЕВА.

дящихся, а также студенческой практики и туризма», а в устных выступлениях предавать туристов анафеме — значит отдавать заповедники на разграбление.

В 1967 г. в заповедниках, по собранным нами данным, побывало 800 тысяч туристов, но через несколько лет их армада будет насчитывать миллионы. Как бы нам не пришлось пожалеть, что мы не прислушались вовремя к тем, кто призывает считаться с объективной реальностью и немедленно, пока не поздно, приступить к организации туризма в заповедниках, строгаише регламентировать и облагородить его.

В противодействии развитию туризма в заповедниках заложены серьезные противоречия.

Наши зоологи пишут о том большом вреде, который наносят туристы заповедникам и национальным паркам США, но они совершенно не учитывают того, какой непоправимый вред природе нанесут те же туристы, если их поток хлынет в места, не подготовленные для их приема.

Пытаясь сдержат туризм в заповедниках и ничего не принимая для того, чтобы изменить законодательную основу, мы достигаем того, что сдерживаем его организацию, а поток туристов, невзирая на все наши прекраснордушные разговоры, нарастает с угрожающей скоростью. Таким образом, выступая против туризма в заповедниках, мы часто не помогаем заповедни-

кам, а вредим им. Мы часто сетуем на то, что положение с охраной природы в нашей стране оставляет желать лучшего, что в обществе обращается ничтожно мало идей охраны природы, что пропаганда этих идей поставлена из рук вон плохо. Но сдерживая организацию туризма в заповедниках и ничего не предпринимая для организации национальных парков, мы сами препятствуем тому, чтобы все это было.

Организация заповедников-национальных парков такое же кровное и святое дело охотоведов и зоологов, как и организация заповедников-эталонов природы. Между тем эта крайне необходимая для нас форма организации заповедных территорий не находит среди природоохранителей нужного отклика и поддержки.

Нам нужны национальные парки, пишет И. И. Пузанов. Следует добавить, что в связи с туристическим взрывом, который потрясает и нашу страну, национальные парки нам жизненно необходимы. Мы должны сделать все от нас зависящее, чтобы предотвратить уничтожение природы, свести на нет те ее необратимые изменения, которые могут быть вызваны стихией неорганизованного туризма.

Сама жизнь подтверждает правоту Е. Крутовской, которая в статье «Организованный туризм — не враг заповедникам» (№ 7, 1968), с большим знанием дела, чувством реальности и ответственности осветила волнующую нас проблему.

Заповедники воспитывают в людях глубокое уважение и любовь к природе родной земли и, следовательно, как говорил М. Пришвин, любовь к Родине. С понятием «заповедное» у нас связано представление о самом заветном и сокровенном, что есть в природе и человеке. Как-то после прогулки по любимым местам Л. Н. Толстой писал: «неужели может среди этой обаятельной природы удержаться в душе человека чувство злобы, мщения или страсти истребления себе подобных? Все недоброе в сердце человека должно бы, кажется, исчезнуть в прикосновении с природой — этим непосредственным выражением красоты и добра». Именно такие чувства вызывает в нас общение с природой. Но во сколько же более сильные чувства должен испытать человек от общения с природой нетронутой, лесами нерубленными, лугами некошенными, степями непаханными, со всеми заповедными законами, традициями и тайнами, словом, с природой, навеки заповедной для человека. Кто хоть раз в жизни с пользой для души побывал в заповедных дебрях, тот навсегда останется верным другом и надежным защитником природы.

Именно поэтому мы считаем, что туризм является одной из немногих, может быть единственной допустимой формой «вмешательства» человека в «дела» заповедной природы, так как хорошо организованный туризм не должен нарушать векового хода природных процессов.

Декрет Совета Народных Комиссаров от 16 декабря 1921 г., подписанный В. И. Лениным, давал право Народному Комиссару просвещения объявлять «заповедниками и национальными парками (выделено нами. — О. Г.) такие участки нашей земли, которые замечательны своими памятниками природы. С тех пор прошло 47 лет, но правом создавать национальные парки никто ни разу не воспользовался. Настало время претворить эту идею в жизнь.

Главному управлению по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР необходимо разработать и представить на утверждение директивным органам план создания в нашей стране 15—20 крупных национальных парков с тем, чтобы как можно скорее приступить к их организации.

Необходимо срочно издать новое Положение о заповедниках, в котором должны быть четко определены «права и обязанности» обеих сторон — заповедников и туристов. В Положении должно быть указано, в каких заповедниках туризм возможен и желателен, а в каких должен быть категорически запрещен, какова должна быть нагрузка туристов на каждый конкретный заповедник. Здесь же следует оговорить, что туризм в заповедниках организуется исключительно в воспитательных целях. В этом же документе нужно предусмотреть определенные меры воздействия за нарушение заповедного режима, а также право работников охраны заповедников штрафовать нарушителей. Нарушением заповедного режима должно считаться любое нарушение целостности ландшафта. Необходимо категорически запретить что-либо ломать, рвать и даже поднимать с земли, как это давно уже сделано в ряде зарубежных заповедников.

Заканчивая статью, хочется подчеркнуть, что проблему «заповедники и туризм» нужно решать засучив рукава. Решать ее следует, прежде всего, путем научной обоснованной организации туризма. Необходимо ввести туризм в «каналы с гранитными берегами», обогатить его глубоким идейным содержанием, полностью обезопасить заповедники от его возможных вредных последствий, превратить его в мероприятие, идущее на пользу туристам, заповедникам и охране природы в целом.

молодому охотнику

Череп зверя — ценный трофей

С целью развития спортивной охоты за рубежом и у нас устраиваются выставки и конкурсы охотничьих трофеев. Они вызывают большой интерес широких кругов любителей охоты и природы. Министерство сельского хозяйства СССР в 1968 г. объявило всесоюзный конкурс охотничьих трофеев. Выдающиеся трофеи будут отмечены премиями. В числе охотничьих трофеев принимаются и черепа барсов, рысей, диких кошек, медведей, волков, росомх, харз, а также черепа самцов кабарги с клыками.

Независимо от того, примет ли охотник участие в конкурсе или на выставке, черепа перечисленных животных ввиду их сравнительной редкости представляют интерес и для науки, поэтому их желательно сохранять. Однако большинство начинающих охотников не представляет себе, как правильно очистить и обработать череп с тем, чтобы он смог представлять научную ценность, стать экспонатом выставки или украшением охотничьего уголка в квартире.

О сохранности черепа нужно позаботиться уже во время охоты, поэтому совершенно недопустимо добывать подранков выстрелом в голову или ударом по голове. Черепа зверей, добытых подобным образом, как правило, непоправимо

КАРАВАЙКА

испорчены. Если для научных промеров они еще иногда и пригодны, то декоративной ценности уже не представляют. Попадая в капкан и пытаясь освободиться, зверь нередко грызет железо и ломает себе зубы; подобные дефекты сильно снижают внешний вид черепа.

Убив зверя и сняв с него шкуру, надо тщательно осмотреть и прощупать его голову, чтобы убедиться в ее сохранности. После этого острым ножом отрезать ее от туловища, оставив на черепе один-два шейных позвонка; отделять голову у самого затылочного отверстия не рекомендуется: легко повредить череп.

Зимой голову зверя до обработки можно держать замороженной, в теплое же время ее еще на месте охоты следует обильно присыпать солью и обработать тотчас по возвращении с охоты. Головы, консервированные формалином, обрабатывать сложнее, к тому же такие черепа хуже отбеливаются.

Очистка черепа от мягких тканей называется мацерацией. Существует несколько способов мацерации: гниением, при помощи насекомых, водных беспозвоночных или химических реактивов. Эти способы не всегда и не всем доступны; помимо того, отрицательной чертой большинства их является неприятный запах и длительность мацерации. Поскольку охотнику придется иметь дело всего с одним-двумя черепами, лучше всего проводить их мацерацию путем выварки.

Голову зверя кладут в соответствующую ее величине посуду (ведро, котел или жестяную банку), заливают холодной водой и ставят на огонь. Опускать ее в уже закипевшую воду не рекомендуется, так как из-за резкой разницы температур могут лопнуть зубы, в особенности клыки, и череп потеряет вид. Лучше, если слой воды над вываркой будет больше, иначе при кипячении она испарится и ее придется доливать. Когда вода закипит, огонь нужно убавить и дальше варить на малом огне. Продолжительность варки зависит от размеров черепа и способа его предварительной консервации. Свежие черепа таких зверей, как харза, дикая кошка или рысь, достаточно варить 2,5—3 часа, более крупные вываривают 4—5 часов. Для того чтобы мягкие ткани лучше отставали от костей, в кипящую воду полезно добавить чайной соды (неполная столовая ложка на литр воды). Когда мягкие ткани станут легко отделяться от костей, варку можно прекратить, слить воду и дать остыть выварке. Во избежание появления трещин на зубах охлаждать череп холодной водой не следует.

Остывшую выварку надо сполоснуть в воде и начать ее обработку. Прежде всего скальпелем или ножом нужно удалить жевательные мышцы, затем, захватив пальцами нижнюю челюсть, осторожно оттянуть ее и отделить от черепа. Лучше всего сразу же очистить ее окончательно, прополоскать в теплой воде и поставить на просушку.

Продолжая очистку черепа, удаляют глаза, язык, шейные мышцы и оставшиеся позвонки, которые (во избежание порчи черепных мышечков) лучше оторвать руками или пинцетом. Особое внимание следует уделить нижней части черепа в районе ушных барабанных камер. У некоторых животных здесь имеются мелкие и хрупкие кости, которые легко сломать. Полость рта очищают от мягких тканей неба

и десен, особенно тщательно у основания зубов и между ними. Мозг удаляют через затылочное отверстие при помощи загнутой крючком проволоочной лопаточки. Когда большая часть мозга удалена, дальнейшую чистку полости черепа целесообразно вести сильной струей воды. Можно просто несколько раз наполнить череп водой, взболтать ее и вылить с мелкими частицами. Очищать отверстия черепа от остатков нервной ткани и сухожилий удобнее всего пинцетом.

Наиболее трудоемка расчистка носовой полости и лобных пазух: здесь пинцетом приходится удалять множество тонких и хрупких костей, соблюдая особую осторожность, чтобы не повредить самого черепа.

Обмыв череп, через лупу надо осмотреть зубы, швы, отверстия и его внутреннюю полость, удаляя случайно оставшиеся мягкие ткани. Убедившись в их отсутствии, следует окончательно прополоскать череп и поставить его на просушку. Сушить лучше при комнатной температуре, а летом — на улице. У огня, на печке или у батареи центрального отопления во избежание деформации отдельных костей сушить не рекомендуется. Иногда на сухом черепе появляются желтые или ржавые пятна: это действие оставшегося костного жира. Пятна удаляют, опустив череп в растворитель, например, в обыкновенный чистый бензин. Через несколько дней жир в бензине растворится и пятна исчезнут. Бывает, что пятна сходят плохо и бензин приходится несколько раз менять. После удаления жирных пятен череп следует промыть теплой водой и снова хорошо просушить.

Чтобы придать черепу красивый внешний вид, его отбеливают, опустив в раствор продаваемой в аптеках перекиси водорода. Эту операцию следует проводить в стеклянной, керамической или пластмассовой посуде при ярком солнечном или электрическом освещении. Полная отбелка занимает 5—7 часов. Для заливки крупных черепов требуется много раствора; можно, однако, обойтись и меньшим количеством его: не опускать череп в раствор, а периодически, на ярком свете, протирать его смоченной в растворе и накрученной на палочку ватой. Правда, такой метод отбелки дает несколько худший результат. Отбеленный череп промывают в чистой воде и сушат на солнце, отчего он приобретает еще большую белизну.

Нередко во время чистки или сушки из челюстей выпадают отдельные зубы. Их необходимо хорошо промыть в воде, высушить и, смазав корень клеем БФ-2, поставить на место.

Очень важно снабдить череп этикеткой. Надпись делают непосредственно на нижней стороне черепа черной тушью, указывая где, когда, кем добыт зверь и его пол. При отсутствии такой надписи череп теряет свое значение как научный экспонат.

Готовый, хорошо вычищенный, отбеленный и просушенный череп выглядит довольно эффектно, напоминая изделие из фарфора. Особенно хорошо смотрится он на темном фоне (см. фото). В таком виде он может храниться очень долго.

В. ПОДКОВЫРКИН

Читатель К. Муркаев из г. Баку просит рассказать о каравайке: к какому отряду относится эта птица, где обитает, чем питается и, в частности, чем отличается она от большого кроншнепа!

Каравайка и кроншнеп — птицы одинакового размера, сходного сложения, с одинаковой формой клюва, благодаря чему контуры их во многом совпадают. Но каравайка резко отличается от кроншнепа темно-каштановой окраской оперения и короткими тупыми крыльями. Каравайка относится к отряду голенастых птиц, семейству ибисов, а большой кроншнеп — к отряду куликов.

Орнитологи различают три подвида караваяк, распространенных очень широко, но в пределах СССР ареал одного из них — европейской каравайки — ограничен устьями рек, впадающих в Черное море, побережьем Каспия и южными районами Среднеазиатских республик.

Держатся каравайки обычно стайками. Полет их довольно быстрый,стая в полете выстраивается в ряд. Питаются червями, личинками насекомых, рачками, слизняками, головастиками и лягушатами, мальками рыб.

Гнездятся каравайки колониями по заросшим тростником и кустарником озерам, дельтам рек, плавням и островкам, часто совместно с цаплями, колпицами и бакланами. Гнездо устраивают на заломах прошлогоднего тростника, иногда на деревьях и кустарниках, но низко над землей. Материалом для гнезда служат листья тростника с примесью сухих веток. Кладка состоит из 3—5 яиц ярко-голубого цвета. В насиживании, а в дальнейшем и выкармливании птенцов принимают участие оба родителя; самец приносит добычу и передает ее самке, а та уже распределяет пищу среди птенцов. Оригинально выглядит процесс кормления: птенец достает пищу непосредственно из глотки матери, погружая туда свой клюв до самых глаз.

● Каравайка на гнезде.

Фото Э. ГОЛОВАНОВОЙ.

Каравайки — птицы перелетные. Зимуют они в Африке и в Индии.

Вологодская областная универсальная научная библиотека

бобр восточ- ной сибири

Г. МОНАХОВ,
старший научный сотрудник
Восточносибирского отделения ВНИИЖП
кандидат биологических наук
Фото В. ДЕЖКИНА

Известно, что бобры на территории Восточной Сибири были истреблены в XVII—XVIII веках. Поэтому вполне оправданным казалось стремление восстановить этого ценного пушного зверя. В последнее время бобры были интродуцированы в несколько районов Иркутской области, однако почти во всех вновь образованных очагах численность этих зверей не увеличивалась и расселение их проходило крайне медленно. Целесообразность дальнейших усилий по их восстановлению стала вызывать весьма обоснованные возражения. Поэтому вопрос о распространении и численности бобра за Енисеем в далеком прошлом приобрел сейчас особый интерес не только с научной, но и хозяйственной точки зрения, тем более, что изучен он далеко не достаточно.

Почти во всех работах, посвященных исследованию ареала бобра в пределах СССР, отмечается, что сведения о былом его распространении в Приангарье и Прибайкалье крайне скудны и фрагментарны. Лишь исследования И. В. Арембовского (1937) вносят некоторую ясность в разрешение интересующего нас вопроса. Этот исследователь впервые указал 20 мест на территории Восточной Сибири, где были найдены остеологические остатки бобров и где могли находиться их поселения.

Впоследствии В. Н. Скалон (1951) значительно дополнил исследования И. В. Арембовского, указав десять новых местобитаний этого животного в прошлом на реках Н. Тунгуске, Илеме, Киренге, Витиме, Вихоревой и Тутуре. Он пришел к выводу, что бобры до XVIII века «густо населяли Прибайкалье».

Распространение зверя в юго-восточном Забайкалье исследовано еще менее полно. Однако В. Н. Скалон полагает, что и здесь звери могли обитать в бассейне верхнего Амура.

Этими сведениями ограничивались наши знания о бобрах Восточной Сибири. Понятно, что такие ограниченные сведения не могли дать достаточно полного представления об условиях существования вида в прошлом. Не имея же достоверных данных, трудно было ориентироваться в перспективности и целесообразности реакклиматизационных работ. Поэтому требовалось возможно полнее определить характер прежнего ареала вида. Сведения,

полученные при анализе исторических актов — ясачных и таможенных книг, относящихся к XVII веку, позволили определить несколько неизвестных ранее местообитаний зверя в Присянье, Приангарье и Прибайкалье. Прежде всего к ним относятся реки Мура, Карабура, Кова и Кода — левые притоки реки Ангары. Сведений о сборе бобровых шкурок в этой местности ранее не имелось. Аналогичные данные позволяют предполагать, что бобры населяли и правый приток Ангары — реку Чадобец.

В ясачных книгах за 1645 и 1649 гг. имеются сообщения о поступлении бобровых шкур с Куты (левый приток Лены). В числе ясачной пушны сбора 1630 г. отмечена шкурка бобра, добытого в бассейне Оки (левый приток Ангары). Данные о поступлении ясачных шкур бобров в Балаганском (1686, 1687, 1689 гг.) и Верхонском (1650, 1659, 1687 гг.) острогах дают основания полагать, что бобры могли населять реки Куленгу, Осу, Илгу, Куду, Каху. В 1646 г. русскими служилыми людьми были взяты в ясак шкурки бобров от званков, ночевавших по Верхней Ангаре. Очевидно, допустимо предположение, что на этой реке также имелись угодья, заселенные бобрами. Вместе с тем ни в одной из исследованных нами ясачных книг не оказалось данных о добыче бобров в южном Прибайкалье (р. Выдрина), хотя указания на наличие здесь олений зверя дается И. В. Арембовским и В. Н. Скалоном.

Относительно распространения бобра в верхнем бассейне Амура необходимо сказать следующее.

С. В. Киринов (1950) исследовал данные о сборе ясака на территории современной Читинской области за 1698, 1699, 1700 и 1712 гг. В этих материалах он не встретил упоминания о поступлении бобровых шкурок от местного населения и русских промысловников. Нами просмотрены ясачные книги за 1651, 1664, 1667, 1670, 1685, 1686, 1705, 1707 гг. В этих документах также не оказалось сведений о сборе в ясак мехов бобра. Нет никакого сомнения в том, что при наличии зверей в водоемах верхнего бассейна Амура они неизбежно явились бы объектом промысла и в этом случае не ускользнули бы из поля зрения сборщиков пушны.

СВЕДЕНИЯ О СБОРАХ ШКУРОК БОБРА В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ В XVII ВЕКЕ

Районы Восточной Сибири	Годы																		Итого
	1630	1633	1639	1645	1646	1647	1649	1650	1651	1652	1658	1659	1664	1665	1666	1667	1672	1674	
Северо-Восточное Прибайкалье	—	—	—	—	3	1	—	—	—	11	—	—	1	—	—	—	1	4	21
Юго-Восточное Забайкалье	37	28	14	18	2	16	18	1	20	64	13	15	61	21	9	11	7	27	394
Приангарье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33	—	—	—	—	—	—	—	—
Присянье	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	33
Всего	37	28	14	18	5	17	18	1	20	75	46	15	62	21	9	11	8	31	448

бобры владимирщины

Во Владимирской области речных бобров полностью истребили более ста лет назад. А было их очень много. Эти зверьки водились по рекам Колокше, Судогде, Угоде, Клязьме. Очевидно, не случайно в Ковровском районе озера имеют названия Большие и Малые Бобры, есть деревня Бобры в бывшем Курловском районе и урочище Бобриха в Вязниковском.

Для восстановления былых запасов бобров, с 1940 г. и до настоящего времени ведутся работы по их реакклиматизации. Первые пять бобровых пар были выпущены в пойме Клязьмы в Ковровском районе. В 1952 г. из Клязьминской колонии одна пара бобров была перемещена в пойму Клязьмы Суздальского района, а через два года 32 бобра, завезенных из Белоруссии и Смоленской области, выпустили в пойме Клязьмы Суздальского и Собинского районов.

Успешная реакклиматизация бобров позволила создать на Владимирщине два мощных очага их обитания: Клязьминский и Окский. Первый охватывает территорию Вязниковского, Гороховецкого, Ковровского, Камешковского, Суздальского, Судогодского, Петушинского и Собинского районов; второй — Муромского, Меленковского, Гусь-Хрустального районов. Существует и третий, менее значительный очаг, который образовался 5—6 лет назад в северо-западной части области — в Александровском районе. Бобры сюда переместились по реке Кубря в порядке естественного расселения из Переславль-Залесского района Ярославской области. Таким образом, из 16 административных районов области бобры обитают в 12.

Самостоятельно расселяясь, бобры стали занимать новые водоемы, главным образом пойменные озера реки Клязьмы, а затем начали проникать в соседние районы. Так они попали в Вязниковский, из него — в Гороховецкий, Камешковский и Суздальский районы.

В Клязьминском очаге образовалось несколько самостоятельных колоний, численность бобров в которых возрастает с каждым годом. Окский очаг образовался в результате естественного расселения речных бобров из Рязанской области. Бобры сначала проникли в Гусь-Хрустальный, а затем и в Меленковский районы, поселились по речкам Гусь, Бужа и Колпы. В Муромский район первые 7 бобров были завезены в 1959 г. Они успешно обосновались в районе озера Виша — на левобережной части Окской поймы. В 1962 г. сюда были завезены еще 19 животных из Смоленской области.

В настоящее время бобры во Владимирской области расселились очень широко и обитают во многих реках, старицах, пойменных озерах, мелиоративных канавах и торфяных карьерах. В результате проведенного обследования численность бобров определена в пределах 1400 — 1500 голов. Установлено, что из 330 поселений, учтенных в области, в 257 бобры проживают в норах и в 73 — в хатках. На каждое поселение приходится в среднем четыре бобра. На водоемах, заселенных бобрами, сооружено 120 хаток, 67 плотин и 13 каналов для облегчения транспортировки кормов к своим убежищам. Общая длина береговой линии, занятой бобровыми поселениями, составляет более 170 км.

Результаты учета подтвердили, что реакклиматизация речных бобров прошла успешно. В условиях Владимирской области они хорошо прижились и нашли все необходимое для своего обитания. Бобры хорошо размножаются и их поголовье достигло промысловой плотности. Это дало возможность приступить к выборочному лицензионному промыслу зверька на шкурку.

Н. ВОРОНОВ

г. Владимир

Схематическая карта распространения бобра в юго-западной части Восточной Сибири в XVII веке.

Анализ всех имеющихся материалов показывает, что еще до появления русских в Восточной Сибири ареал бобра имел очаговый характер. Это обстоятельство дает нам основание полагать, что в далеком прошлом на большей части территории региона не было условий, необходимых для образования и процветания бобровых поселений. Очаговые популяции, очевидно, были малочисленны.

Сказанное подтверждается некоторыми данными, характеризующими численность вида в XVII веке. Сведения о количестве бобр-овых шкурок, ежегодно собиравшихся в Восточной Сибири, начиная с первых лет заселения края русскими и вплоть до полного исчезновения данных о бобре из асачных книг, говорят о том, что в течение XVII века за промысловый сезон добывалось не более сотни этих зверей (см. табл.).

Из таблицы видно, что за 21 год через все восточносибирские остроги прошло 448 бобровых шкур. На этой огромной площади, равной приблизительно 1120 тыс. кв. км (без Читинской области), добывалось в среднем за сезон по 21 бобру.

Во всех ясовых документах дается четкое распределение бобровых мехов по возрастным категориям (бобр — взрослое, половозрелое животное, ярец — годовалый зверь, кошло — сеголеток). Эта градация дает возможность подсчитать соотношение возрастных групп в добыче за исследуемый период. Расчеты показали, что взрослых, способных размножаться, зверей было добыто около 5%. Поскольку бобры являются моногамами, достигают половой зрелости в двухлетнем возрасте и рожают до двух детенышей в среднем на одну самку, можно думать, что изъятие из по-видимому малочисленной восточносибирской популяции такого количества половозрелых особей было добычей на истребление. Вероятно в этом основная причина исчезновения бобра из состава фауны Восточной Сибири.

Очевидно природные условия для бобра были мало благоприятны. На это указанием может служить то состояние, в котором находятся колонии бобра, недавно завезенного в Иркутскую область. Охотовед Э. Леонтьев (1962), обследовавший через несколько лет все места выпуска зверей, сообщает следующее: «Речные бобры, завезенные в Иркутскую область в начале 50-х годов нашего столетия, сохранились по настоящее время во всех четырех очагах интродукции. Общая численность стада за десятилетний акклиматизационный период не увеличилась, хотя зверьки и размножаются в новых условиях». В Качугском и Чунском районах (т. е. в двух из четырех очагов интродукции) сохранились лишь единичные особи.

Сопоставление изложенных материалов свидетельствует о том, что как в прошлом, так и в настоящее время фауны среды в Восточной Сибири далеко не везде и не всегда способствовали процветанию популяций бобра. Поэтому вопрос о дальнейшей попытке заселения бобров в Восточную Сибирь требует очень осторожного подхода. Более чем вероятно, что эти попытки не увенчаются успехом и едва ли можно ожидать от сложных и дорогостоящих работ полезной экономической отдачи.

РОГА САЙГАКА И ТИБЕТСКАЯ МЕДИЦИНА

Рога сайгана высоко ценятся на внешнем рынке и пользуются большим спросом.

Фото В. РАШЕКА.

В тибетской медицине большое значение имеют средства животного происхождения. Наряду с пантами, кроаю, хвостами, эмбрионами оленей, мускусом кабарги, медвежьей желчью тибетские врачи широко используют рога сайги. Препараты из рогов сайги пользуются широкой известностью как ценное лечебное средство в Китае и странах Юго-Восточной Азии. Их назначают в качестве антиконсического, спазмолитического, седативного и жаропонижающего средства.

Высокая стоимость рогов сайги была важнейшей причиной хищнического истребления этого животного как на территории России, так и в Монголии.

В дореволюционные годы из России ежегодно экспортировали в Китай десятки тысяч пар сайгачьих рогов. По данным Небольсина (1853), с 1840 по 1850 г. бухарские и хивинские купцы вывезли для продажи в Китай 344.747 пар рогов сайганов. В начале 90-х годов в Казахстане цена на рога сайги доходила до 20—25 руб. за пару, что в то время равнялось стоимости хорошей лошади или верблюда.

Усиленный промысел этих антилоп привел к тому, что и двадцатым годам текущего столетия сайга в небольшом количестве сохранилась лишь в самых труднодоступных и глухих местах Казахстана. Потребовалось 25 лет полного запрета добычи, чтобы численность сайги восстановилась. В настоящее время, по данным проф. А. Г. Ваниникова, у нас в стране насчитывается около двух миллионов этих животных. Возросшая численность сайги позволяет вести плановый и организованный ее промысел.

СНЕЖНЫЕ БАРАНЫ НА КОЛЫМЕ

П. ОБУХОВ,
биолог-охотовед

В литературе нет достаточно полных сведений, характеризующих распространение снежного барана в среднем и нижнем течении Колымы. По личным наблюдениям и опросным сведениям, собранным в 1959—1965 гг., толсторог встречается здесь в основном в пределах Колымского и Анюйских хребтов — от истоков р. Омолона до побережья Восточно-Сибирского моря (800 км). По сообщениям охотников, на Юкагирском плоскогорье снежный баран не водится.

Территория, занятая этим видом, составляет около 145 000 кв. км. На западных склонах хребта Колымского и на его отрогах — Ушурукчанском и Олойском — бараны обитают повсеместно. Они населяют горы в верхнем течении рек Омолон и Кегали, горы правых притоков Омолона, верховья Олоя и по его левым притокам — Андыливану и Уляшке.

Животные обыкновенны в бассейне р. Олой и по левым притокам Большого Анюя. В хребтах Олойском и Ушурукчан западная граница распространения толсторога проходит по низовьям рек Таучах, Карбасчан — устье Кедона. По Южно-Анюйскому хребту бараны держатся в его осевой части, в горах бассейнов рек Ангарки, Монни (Каменная), Уямканда, Орловка (притоки Большого Анюя) и по левым притокам р. Малый Анюй. В пределах Северо-Анюйской горной системы звери встречаются по всем хребтам, кроме ее южных окраинных частей с пологоувалистым рельефом. По южным склонам на востоке хребта толстороги обитают в районе озер Верхнее и Нижнее Илирнейгытты. Далее на запад они водятся в верховьях рек бассейна Малого Анюя. На юго-западе хребта имеется изолированный очаг обитания баранов в горах Белая Стрелка, удаленный от основного ареала на 80—100 км. Из-за недостатка защитных стаций

в этом районе сохраняется низкая численность животных. На западной оконечности хребта снежный баран населяет Сухарновские горы по р. Сухарной. По северным склонам хребта с запада на восток толсторог встречается по р. Кейнгугею, на мысе Летяткина, где на протяжении 30 км граница его распространения проходит по берегу Восточно-Сибирского моря, а затем по верховьям рек Крестовой, Кытепеем к истокам р. Раучуа. Бараны попадают также в верховья рек, впадающих в Чаунскую губу.

Суущественных изменений в ареале снежного барана за последние сто лет не произошло. В местах находок толсторога, отмечавшихся первыми исследователями, животные обитают и в настоящее время. Исчезновение толсторогов на мысе Большой Баранов, отделенном тридцатикилометровой полосой равнинной приморской тундры от Северо-Анюйского хребта, по нашему мнению, произошло из-за прекращения их заходов сюда в летний период в связи с развитием оленеводства.

По сведениям, полученным от охотников и оленеводов, толсторога много в верховьях р. Омолон и его притоке Кегали. Высока численность животных на стыке хребтов Олойского и Ушурукчан с хребтом Колымским — в истоках р. Олой, в бассейнах рек Нембонды и Моллонгдо, верховьях Пеженки. На Южно-Анюйском хребте снежный баран многочислен в его осевой части, особенно по притокам Ангарки-Монни и Уямканда. В Северо-Анюйской горной системе наибольшая плотность животных отмечается в местности, прилегающей к озерам Илирнейгытты, окрестностям пос. Алискерова, в районе гор Двух Цирков и Келильвуи, в верховьях рек Раучуа и Кытепеем.

Животные обычно держатся табунками по 3—5—7, часто по 15—20 голов. Нередки стада баранов по 30—40 голов. Представление о численности снежного барана дают некоторые наблюдения. В августе 1964 г. зоотехник Е. Краснорылов в горах верховий р. Кытепеем на маршруте в 70 км встретил 80 баранов. В сентябре 1962 г. в Сухарновских горах на 60 км мы учли 17, а на мысе Летяткина в октябре 1964 г. на пути в 30 км встретили 6 баранов. На основании опросных данных и личных наблюдений мы считаем, что для популяции толсторога в описанных границах его ареала в настоящее время характерна высокая численность.

Снежный баран населяет безлесные горы в основном на высоте от 800 до 1200 м. Верхняя граница обитания доходит до 1700—1800 м, нижняя опускается до уровня моря. Например, зимой на мысе Летяткина животные при смене пастбищных участков передвигаются по льду моря. При этом вдоль берега об-

По общепринятому мнению, сайга ценна прежде всего как мясная зверь. Мясо сайганов обладает высокими вкусовыми качествами, особенно мясо молодых зверей. Шкуры этих животных не представляют особой ценности. Заготовкам же рогов сайги уделяется мало внимания. Между тем на внешнем рынке, как и многие столетия назад, рога сайги высоко ценят, они пользуются большим спросом.

Поясним это на простом примере. Если мы примем реализационную цену на внешнем рынке 1 кг консервированных пантов пятнистого оленя 1 сорта за 100%, то цена за 1 кг рогов сайги 1 сорта равна 123%. Стоимость первосортных рогов с трех добытых сайганов на внешнем рынке эквивалентна стоимости шкурки баргузинского соболя или трех шкурок серебристо-черной лисы, или же 10—12 шкурок клеточной стандартной норки. Стоимость 9 кг первосортных рогов сайги на внешнем рынке равна стоимости автомобиля типа «москвич-408». В настоящее время наша страна экспортирует рогов сайги на сумму, равную стоимости сотен таких автомашин.

По валютной эффективности этот вид охотничьей продукции вряд ли имеет себе равных.

Приведенные цифры достаточно убедительно свидетельствуют о большой ценности рогов сайги как лекарственного сырья. Между тем это недостаточно учитывается организациями, ведущие промысел сайганов и занимающиеся реализацией лекарственного сырья на внешнем рынке.

В журнале «Охота и охотничье хозяй-

ство» (№ 6 за 1966 г.) была опубликована статья А. Мамбеткумаева «Сайганы на Устюрте», в которой он приводит выкладки экономической эффективности промысла сайганов. Автор пишет: «В январе 1965 г. Муйнакский промысел произвел отстрел 1000 сайганов. Было убито 319 голов взрослых самцов, 316 самок, молодых первородков: самцов — 236 голов, самок — 129 голов. 1 000 туш отстреленных сайганов дали 14 тонн чистого мяса, сданного по 1 руб. за килограмм. Шкуры сданы по цене 70 коп. за штуку». Таким образом, заключает автор, «промысел получил доход 14 700 рублей. О рогов сайги не упоминается вообще. А между тем стоимость рогов убитых самцов на внешнем рынке намного превышает сумму полученного промыслом дохода от реализации мяса и шкур.

Такое отношение к заготовке рогов организации, занимающейся промыслом сайги, и отдельных охотников обусловлено низкими заготовительными ценами на эту продукцию. Промхозы, охотничьи хозяйства за каждый килограмм первосортных рогов сайганов получают 12 руб., что составляет лишь 3,7% от закупочной цены килограмма консервированных пантов пятнистого оленя 1 сорта. Охотники же, непосредственно отстреливающие сайганов, сдают туши животных с рогами и получают за общий вес по расценкам, установленным наждым хозяйством. А если они и сдают рога сайги отдельно, то по стоимости, значительно меньшей, чем цены, установленные для промхозов.

Кроме того, охотники, особенно в Казахстане и Узбекистане, зачастую не зна-

ют, как надо обрабатывать рога и кому их сдавать.

Слабая заинтересованность как промхозов, так и охотников в заготовках рогов сайги приводит к ежегодной потере нескольких, если не десятков, тонн ценного лекарственного сырья.

Учитывая высокий спрос внешнего рынка на рога сайги и высокую валютную эффективность реализации этого лекарственного сырья, необходимо рассмотреть вопрос о значительном увеличении заготовительных цен на эту продукцию охотничьего промысла. Повышение цен на рога сайги позволит значительно увеличить поставку их на экспорт, а также даст возможность промхозам и охотничьим хозяйствам организовать более действенную охрану животных и более разумное использование имеющегося поголовья.

В дальнейшем перед промхозами и охотничьими хозяйствами, занимающимися промыслом сайги, неминуемо встанет вопрос о коренном изменении сроков и техники промысла этих животных. Необходимо будет разработать методы изъятия из популяции после гона определенного количества самцов с рогами, отвечающими требованиям внешнего рынка.

У нас есть все возможности для увеличения поставки на экспорт рогов сайги в 8—10 раз. В результате государство получит дополнительные валютные ресурсы.

В. РАЗМАХНИН,
кандидат биологических наук

УДК 639.111.5:615.89(235.242)

разуются хорошо заметные тропы. От сильных ветров бараны спасаются под прикрытием скал и нагромождений льда. В случае опасности они взбираются на береговые кручи.

Основное условие обитания толсторога — наличие значительных участков скальных выходов. На северных склонах Северо-Ануйского хребта для защиты от врагов звери используют гранитные скалы-останцы (кекуры), достигающие в высоту 20—30 м. Обычно с подветренной стороны кекуров располагаются лежки баранов, характеризующиеся скоплениями не заростающей травой свежего и старого помета толщиной 10—15 см.

В зависимости от характера защитных и кормовых условий бараны ведут оседлый или кочевой образ жизни. В районе озер Илринейгытгын животные регулярно совершают весенние и осенние миграции. С северных склонов западной части Северо-Ануйского хребта бараны к январю откочевывают на южные. В 1964 г. на берегу моря звери держались до 13 декабря.

Летом толстороги совершают суточные миграции. На рассвете они спускаются с гор в долины рек, приморские равнины тундры, а к вечеру поднимаются обратно в горы. При отсутствии гнуса бараны удаляются от гор на 20—30 км. Животные охотно посещают солонцы, особенно в период дождей, а также водопой.

В сентябре-октябре, после того, как выпадет снег, бараны держатся по склонам гор южной экспозиции, питаются в основном злаками. На побережье в ноябре-декабре животные придерживаются скал, где по карнизам за короткое полярное лето вырастает скудная растительность. В таких местах снег бывает буквально истоптан баранами и усыпан их пометом.

В начале лета (июнь) звери слабо упитаны. По сообщениям охотников, баран в среднем весит 75—90 кг. Самцы тяжелее самок на 5—10 кг.

По опросным данным, гон у снежных баранов проходит в декабре-январе. В это время половозрелые животные держатся парами. В 1964 г. взрослые самец и самка толсторога были встречены автором на морском берегу 6 декабря. У самца морда, шея, спина, бока, низ тела темно-бурую окраску, внутренние стороны ног более светлую, околословостное зеркало — белую. Самка была окрашена значительно светлее. Летом у животных преобладают в окрасе беловатые, беловато-желтоватые или серовато-бурые тона. Зверь, встреченный нами 6 сентября 1962 г., выглядели однотонно-белыми. Зимой цвет волосистой покрова баранов сходен с окраской домашних оленей темной масти. Поэтому в первый момент при встрече с толсторогом можно ошибочно принять его за оленя.

На появление человека снежные бараны обычно реагируют весьма спокойно и не убегают от наблюдателя, а часто останавливаются и подолгу рассматривают новое для них существо. На открытой местности животные подпускают на 200—300 м и, выстроившись гуськом, удаляются шагом. При случайных встречах в горах можно, не маскируясь, подойти к баранам на 50—100 м. Застигнутые на равнине толстороги стремятся уйти в горы. По крутым склонам и снежным кручам бараны поднимаются вверх, на первый взгляд, неторопливыми скачками, но на самом деле с удивительной быстротой.

В 1937—1938 гг. в среднем по району добывалось 73 барана ежегодно. Следует отметить, что с начала коллективизации и вплоть до шестидесятых годов наблюдалось сокращение промысла толсторога. Местные народности — ламуты, чукчи — достаточно обеспечены оленьим мясом, являющимся основным продуктом питания, и поэтому на баранов почти не охотятся. Сейчас только местами охота на этих животных носит промысловый характер. На побережье в апреле и октября охотники специально ездят добывать баранов, но эти охоты бывают малоуспешными. Летом отстрел толсторога ведут оленеводы с целью разнообразить свой стол, а также участники различных экспедиций. Существующий запрет охоты на толсторога практически никем не соблюдается. Поэтому без ущерба для имеющегося запаса поголовья толсторога целесообразно ввести лицензионный отстрел этого зверя, для чего необходимо организовать несколько специализированных охотничьих хозяйств.

УДК 639.111.2

Слева направо:

Фото автора

Местообитание снежных баранов на Южно-Ануйском хребте, в верховьях р. Мухтуз.

● Гранитные останцы Северо-Ануйского хребта. Типичные места отстоя снежных баранов.

● Местообитание снежных баранов на мысе Летяткина Восточно-Сибирского побережья.

Кабан-секач.

Фото Г. НАДЕЖДИНА

КАБАН В ПРИ- БАЛ- ХАШЬЕ

Кабан Прибалхашья относится к среднеазиатскому подвиду, отличающемуся средними размерами. Распространен он преимущественно по южному берегу озера Балхаш и наиболее обычен в низовьях реки Или (до трех особей на тысячу га).

Низовья реки Или — край бесчисленных озер, проток, заболоченных разливов, чередующихся с бугристыми песчаными грядами, солончаковыми равнинами, покрытыми редкой растительностью. Кабаны обычно держатся на больших островах среди мелководных разливов, по грядам, в изолированных тростниковых займищах, среди саксауловых лесов, иногда за 10—15 км от основных тростниковых массивов.

Осенью и зимой в наиболее отдаленных урочищах встречаются группы кабанов в 10—15 особей. Обычно это свиньи с 3—4 поросятами, 1—2 подсвинками (поросятами прошлого года) и кабан, который держится в стороне от остальных. Семья кабанов может находиться на постоянном участке не один год, периодически откочевывая лишь при неблагоприятных условиях (появление отар овец, рыбаков), а затем снова возвращаясь.

Места обитания кабанов могут меняться также в зависимости от наличия и доступности корма. Зимой звери жируют на пригреваемых солнцем краях тростниковых зарослей, по солончакам, весной они выходят на пожарища, где рано трогаются в рост побеги тростника. Летом кабаны кормятся по мелководьям, поедая зеленые части рогоза, водные растения, рыбу в обсыхающих озерах, охотно роются в мусоре вдоль прибойной кромки больших озер. В июле они переходят на питание соцветиями казахстанского рогоза, а позднее и до самых заморозков — его корневищами, перерывая почву на больших площадях. В урожайные годы значительное место в питании кабанов занимают плоды стелющегося кустарника-селитрянки.

В теплое время года кабаны выходят кормиться с вечера, иногда до захода солнца. Зимой, при низких температурах, звери покидают лежку днем, когда солнце несколько обогреть почву.

Очень часто кабаны устраивают лежки в многолетнем тростнике, растущем по затопленному саксаульнику, куда добраться можно только зимой. Подойти к зверям бесшумно, пробираясь по их тропам, в этих условиях невозможно. Зимой, устраиваясь на лежку, дикие свиньи делают своеобразные гнезда, называемые здесь «джатаками», из собранных в кучу стеблей тростника. Нередко для такого гнезда кабан выдирает весь тростник в радиусе 3—5 м. Гнездо свиньи с поросятами отличается большими размерами и сильно измельченной тростниковой подстилкой. Если зверей не беспокоят, они располагаются на лежку недалеко от мест жировки, а при усиленном их преследовании делают ежесуточные переходы в 5—15 км. Кочевки могут быть и круговыми с повторным возвращением через несколько дней.

Имеющиеся в районе небольшие участки, занятые просом и кукурузой, привлекают значительное количество диких свиней. Частая стрельба на зорях не всегда спасает посевы от их вторжения. Кабаны начинают появляться на полях то в полдень, то за полночь, своеобразно изменяя и поведение. Например, учуяв опасность, звери обходили поле на некотором расстоянии, стремительно прорывались на середину посевов, куда караулившие их охотники бесшумно подойти не могли. Также уходили они и с поля после жировки.

Ряд авторов (Каверзнев, 1932; Логинов, 1936; Покровский, 1950) отмечал случаи нанесения кабанами некоторого вреда охотничьей фауне. Кабаны, в частности, разрушают ондатровые хатки, поедая остатки пищи грызуна, его запасы, а иногда и хозяина. Промерзшую крупную хатку ондатры может разрыть только секач. Резкими мощными движениями морды он разваливает ее пополам. Позднее по следам его кормежки идет свинья с поросятами, окончательно разрушая жилище грызуна. Иногда на остатках такой хатки выводок устраивается на лежку. В урочище Ахмет-Суат в 1965 г. в необлавливаемых осенью мелководных ондатровых угодьях 40% ондатровых жилищ было разрушено кабанами. В зимнем питании кабанов животные корма встречаются довольно часто. Так в 11 просмотренных желудках кабанов (зимы 1965—1967 гг.) отмечены остатки ондатры, мышевидных грызунов, рыб.

Имеются также сообщения о поедании кабаном мясных приманок на солонгоях и самих солонгоев, попавших в капканы. В октябре 1966 г. в урочище Боз-Арал на мелководье поросенок в течение 10 мин. безуспешно гонялся за лысухами. В этом же урочище старый кабан неоднократно посещал колонию крачек, поедая яйца. Дикие свиньи охотно идут на приваду; прикармливают их рыбой и ондатровыми тушками. Зверь настолько привыкает к приваде, что некоторые ондатровые стреляют их из своей избушки.

В природе у кабана этого географического района мало врагов. Тигр, единственный хищник, оказывавший заметное влияние на численность кабанов, с 1948 г. в Прибалхашье не встречается. Случаи нападения волков на диких свиней в последние годы редки. Гораздо больший вред популяции кабана наносят бродячие собаки. Например, в 1966 г. в урочище Кос-Агач пять собак, брошенных рыбаками, только за сентябрь уничтожили два выводка свиней (девять поросят). Одицавшие собаки крайне осторожны, не подходят под выстрел. Зверя они преследуют без лая.

Урочище Кос-Агач — один из наиболее труднодоступных уголков Прибалхашья. Характер использования кабаньего стада в урочище во многом типичен для всего района. В 1965 г. здесь было отстреляно 96, а в 1966 г. — 120 этих зверей. При этом отстрел неполовозрелых особей в 1966 г. был намного выше их естественного прироста. Это подтверждается и другими фактами. Так, если в группе добытых зверей средний выход поросят на одну самку был 3,7 шт., то в популяции еще до начала облавных охот он составил только 3,4 шт. Но при этом следует иметь в виду, что совершенно не учитывается большой отход поросят при облавных охотах с собаками. С собаками, как правило, охотятся люди, не умеющие или не желающие выслеживать зверя. Обычно собаки, пущенные в поиск, уходят далеко от охотника. Накнувшись на выводок, они прежде всего душат поросят, часто разрывают их, а потом бросаются преследовать взрослых. Охотники, ориентируясь на лай, догоняют собак только тогда, когда они задерживают на месте крупного зверя. Растерзанных поросят находят потом чисто случайно.

Эти обстоятельства объясняют, почему в урочище Кос-Агач наблюдается заметный перекомпозиция молодняка и подсвинок и слабо используется поголовье взрослых зверей, что, несомненно, является одной из основных причин, сдерживающих рост поголовья кабаньего стада в Прибалхашье.

Охотник, добывающий зверя один, стремится отстрелять взрослого кабана. В случае преобладания этого способа добычи характер использования кабаньего стада меняется. Так, в 1966 г. охотник Г. из поселка Наурузбай добыл 15 кабанов. Кроме того, в период ледостава в групповой охоте с его участием было добыто еще 22 зверя. И если в первом случае было отстреляно девять секачей, четыре свиньи, подсвинок и только один поросенок, то при групповой охоте с применением собак — четырнадцать поросят и подсвинок, семь свиней и лишь один секач. Здесь же в октябре 1965 г. за одну подобную охоту взяли одиннадцать поросят, четыре свиньи и секача. Были случаи, когда на одну самку добывали по пять-шесть поросят.

Участок с интенсивной охотой на кабана (подобных урочищу Кос-Агач) в Прибалхашье немало. Развитие транспорта, рост поселков способствуют сближению их границ. Все больше тростниковых массивов колхозы осваивают под пастбища и посевы. Ондатроловы и рыбаки проникают в самые глухие уголки дельты. Увеличилось число охотников-любителей, проводящих свой досуг в богатых птицей и зверем угодьях Прибалхашья. Все это не может не отразиться на состоянии популяции кабана в этом районе.

Ограничение сроков охоты и нормирование добычи при существующем контроле еще недостаточно эффективны. Если в зиму 1923/24 г. в низовьях реки Или было добыто 9000 зверей, то сейчас на этой территории добывают не более 500 зверей в год. В то же время и высокой численности кабана не наблюдается.

Все угодья Прибалхашья закреплены за штатными ондатрологами Балхашского промхоза. Однако они заботятся только о сохранении запасов ондатры, пресекая все попытки незаконного ее лова на их участках. Каждый охотник знает и количество кабанов, обитающих на его участке. Поэтому при соответствующей организации Балхашский промхоз мог бы не только ежегодно определять запасы этого зверя, но и осуществлять контроль за их рациональным использованием. Нужно повысить заинтересованность штатных охотников промхоза в сохранении поголовья диких свиней на их участках, для чего, может быть, целесообразно выдавать им разовые бесплатные лицензии на отстрел кабана.

Б. ЗЛОБИН,
научный сотрудник ВНИИ животного сырья и пушнины

УДК 639.111.14

ПОТРЕБНОСТЬ ЗАЙЦА-РУСАКА В КОРМЕ ЗИМОЙ. В институте экологии Польской академии наук изучена зимняя потребность русака в кормах. Опыт проведен в феврале 1967 г. на 25 особях. Кормом служили красная и белая морковь, кормовая свекла и овес. Температура в клетках на 1,5° превышала температуру воздуха вне помещения. Выяснено, что зайцы съедали за сутки до 240 г свеклы, 125 г овса, 100 г белой и 50 г красной моркови. Съеденный корм давал 765,5 килокалорий, из которых организм терял с естественными выделениями 151 килокалорию. Установлено, что с понижением температуры на один градус каждой особи требуется ежемесячно дополнительно 14 килокалорий. В связи с этим у зайца откладывается осенью много жира (до 20% сухого веса). При 20 зайцах на 100 га и продолжительности подкормки в 60 дней для подкормки необходимо 1975 кг красной и 1180 кг белой моркови.

(A. Myrcha, Lowiec polski, 1967, 23/24. Польша)

РЕЗУЛЬТАТЫ ОХОТНИЧЬЕГО СЕЗОНА 1966/67 г. В ПОЛЬШЕ. За сезон 1966/67 г. членами Польского общества охотников (PZZ) было отстреляно 832,9 тыс. зайцев. В среднем на одного охотника в Люблинском воеводстве приходилось 32,9 зайца, в большинстве других воеводств — приблизительно 26 зайцев. В охоте на этот вид дичи участвовало 95,8% членов общества. Общее количество отстреленных серых куропаток — 589,4 тыс. На одного охотника приходится 25,6 птицы. В отстреле этого вида дичи участвовало 58% членов общества. Фазанов добыто 64,6 тыс. (на одного охотника — 5,2 птицы). В охоте на фазанов принимало участие 27,7% членов общества. Лисиц — 112 тыс. (на одного охотника 8,6 штуки), вальдшнепов — 13,6 тыс. (на одного охотника — 2,7), уток — 89,9 тыс. (на одного охотника — 5,1). В охоте на уток участвовало 39,3% членов общества.

(R. Andrzejewski, E. Nowak, et. al. Lowiec polski. 1967, 13. Польша)

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ О РАЗВИТИИ РЕГИОНАЛЬНЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКОВ ВО ФРАНЦИИ. Президент Франции постановил объявить природными парками области, пригодные для отдыха населения и соответствующие этому назначению по своему положению и культурной ценности. При администрации премьер-министра создана межведомственная комиссия по природным паркам.

Основные положения по этим паркам издаются правительством по предложениям межведомственной комиссии, которая заботится об их исполнении и координирует работу различных управлений. Предложение об объявлении той или иной области природным парком могут вносить муниципалитеты, коммунальные союзы или департаменты. Если правительство предложение принимает, то комиссия поручает префекту области и местным властям разработать совместно с заинтересованными организациями основные положения по этому парку.

(Natur und Nationalparke, 1967, 5, 20. ФРГ)

ГИБЕЛЬ ЖИВОТНЫХ НА ШОССЕЙНЫХ ДОРОГАХ ФРГ. Учет погибших на шоссе животных был произведен в ФРГ Генеральным секретарем автомобильного клуба (АДАС) Х. Егерем и инженером, руководителем участка в Мюнхене Е. Гунделем. В течение трех месяцев служащие собирали погибших животных. В сентябре 1964 г. было задавлено 407 зайцев, 52 кролика, 219 кошек, 30 собак, 37 лисиц, 134 ежа, 17 белок, 25 представителей семейства куньих, 17 фазанов, 18 косуль. В ноябре 1964 г. — 581 заяц, 35 кроликов, 296 кошек, 43 собаки, 42 лисицы, 99 ежей, 7 белок, 17 куньих, 56 фазанов, 40 косуль. В июле 1965 г. — 435 зайцев, 13 кроликов, 327 кошек, 59 собак, 40 лисиц, 451 еж, 16 белок, 48 куньих, 59 фазанов, 42 косули. Общие потери за год на автомобильных дорогах сельских и городских улиц составили: 5692 зайца, 400 кроликов, 3368 кошек, 528 собак, 476 лисиц, 2736 ежей и 400 косуль.

(W. Knlerer, Jagdwiss., 1967, 133, 4. ФРГ)

Материалы подготовлены старшим научным сотрудником ВИНТИСХ И. Сапетиной

С ЛАЙКОЙ ПО НОРНОМУ ЗВЕРЮ

П. БЕЛЯЕВ,
эксперт всесоюзной категории

Нашла... Фото Г. Надеждина

Знакомство выведенной на прогулку в лес молодой лайки с хорьком происходит чаще всего в конце июля или августе, когда выводки хорьков выходят из гнезд, греются на солнце или ищут пищу неподалеку от норы. Наткнувшись на выводок, лайка обычно начинает атаковать и облаивать одного из зверьков, тогда как остальные скрываются в нору либо прячутся в крепких местах.

Хорь с яростным стрекотанием защищается, пытается вцепиться в морду собаки, и далеко не каждая молодая лайка способна взять его по месту и задушить. Поэтому при первой встрече лайке надо помочь одолеть зверька: в дальнейшем это намного облегчит нахождение и охоту с ней по этому ловкому и злобному зверю.

Лучшее время для нахождения и охоты по хорям — первые пороши: по свежим, оставленным под утро следам лайка быстрее найдет зверька, спрятавшегося в куче хвороста, лесном завале или норе. На ночных жировках хорь много бегает, обследуя мышиные норки, кочки и т. д. Если же пороши не было, то в лабиринте его следов молодая лайка часто сбивается, запутывается или, затоптав следы зверька, окончательно их теряет и возвращается к владельцу. В таких случаях для развития настойчивости и вязкости лайки уходить с этих мест не следует; приложив максимум терпения, надо выправить след и помочь лайке добрать хоря.

Излюбленные места обитания хорей — берега лесных речек, ручьев или просто болотины (в которых летом было много лягушек) с захлавленными, заросшими крапивой и малиной берегами, порой недалеко от жилья. Здесь и нужно наживать лайку. На зиму хорьки нередко перебираются в расположенные недалеко от ручьев и болот овины, санные сараи и летние бани. Все это наблюдательный охотник может прочесть в «белой книге» — по следам зверьков, шедших на кормежку или возвращающихся с нее. В строениях лайке добыть хорька трудно, там обычно пользуются капканчиком, подвешивая над ним обжаренный кусочек мяса или какую-либо другую приманку.

Выходить на охоту за хорями нужно не позже 2—3 часов ночи, по-темному, зарядив ружье дробью № 5 или 6. В рюкзак кладут саперную лопатку с одним заточенным краем (подрубить корни), а еще лучше и маленький топорик; требуются также сильный электрофонарик и заостренная железная трость (диаметром 10—12 мм) — щуп, помогающий быстрее обнаружить и выгнать хоря из его убежища. Во избежание потери времени лайку ведут на поводке. В месте предполагаемой охоты, сняв ошейник, ее пускают искать. Охотник медленно идет по характерным для хоря местам, поощряя собаку. Молодая лайка, не привыкшая к ночной охоте, часто возвращается к хозяину; ее тогда надо обласкать и вновь послать в поиск.

Когда собака прихватит наброд, азартно забегает и засуетится, ее нужно успокоить и направить по следу. Вскоре она дойдет до укрывшегося от нее зверька, начнет его облаивать, разрывать нору. Если зверек близко, то вы услышите его характерное стрекотание и почувствуете издаваемое им злобное. Теперь остается железным щупом или лопаткой помочь собаке достать зверька. Если позволят обстоятельства, первого хоря полезно пристукнуть (щупом или лопаткой) и дать собаке потрепать его: этим приемом вырабатывается у собаки смелость и злобность к зверьку. Иногда выскочивший из укрытия хорь убегает от неопытной собаки, либо вцепляется ей в морду и висит, причиняя сильную боль. После таких покусов молодая лайка боится хоря, берет его несмело, часто его отпускает. Встречаются и трусливые щенки, которые хоря только облаивают, но не хватают. В таких случаях необходимо пришибить зверька, притравить по нему лайку и дать волю потрепать его. Шкурка хоря прочная, бояться, что щенок ее испортит, не следует.

Познакомив собаку с запахом и повадками зверька, выработав у ней бесстрашие и сноровку брать хорька по месту (за загривок, лопатки), можно начать с ней практическую охоту. Там лайка окончательно «доводится» и совершенствуется. Чем чаще лайка будет с хорем встречаться, тем лучше будет работать и по нему, и по другим обитателям нор. Опытная лайка зверька не упустит, она мгновенно его ловит, хватая по месту и душит, а по команде «нельзя!» кладет на землю, сторожко наблюдая, как бы не убежал.

В угодьях, где возможны встречи с волками, наживание и охоту (чтобы не потерять собаку) лучше проводить днем, хотя дневная охота на хоря труднее и малопродуктивнее.

ПО ГОРНОСТАЮ И ЛАСКЕ

Специально по этим зверькам лайку не наживают, так как охота по ним во многом схожа с охотой по хорю и проводится

Характерные для горностаев места — те же захламлинные речки с весенними наносами мусора на берегах, кочковатые луга, тальники, стога сена или стожары, где горностаи и ласки добывают мышей. Добравшись по следу до зверька, лайка отдает голос и раскапывает его убежище. В этих случаях нужно поспешить на лай и щупом или лопаткой выгнать зверька на собаку. Для такой охоты полезно иметь сеть-обмет высотой 0,6 и длиной 5—6 м. Убедившись, что зверек в норе, это место огораживают сеткой. Юркие зверьки часто и незаметно ускользают от охотника и собаки, запутавшись же в сети, становятся их верной добычей. При охоте по довольно глубокому снегу его нужно предвительно отоптать по кругу и тогда уже ставить обмет, иначе горностаи уйдут под снегом.

Не всякая лайка хорошо работает с первой же осени. Однако огорчаться этим не следует: всему свое время. По мере накопления опыта такие лайки начинают прекрасно работать, доставляя хозяину много приятных минут.

ПО НОРКЕ

Излюбленными местами этого редкого и ценного пушного зверька также являются поймы и захламлинные наносы берега рыбных лесных речек с бочагами и густыми зарослями крапивы, малины и смородины, создающими норке надежные защитные условия. Если при охотах на хоря доведется напасть на след норки, этим случаем пренебрегать нельзя: надо познакомиться лайку и с запахом следа и, по возможности, с ее гнездом, которое чаще всего бывает в крутом берегу очень близко от воды и обычно имеет два хода: один наземный и другой — под водой. Убедившись, что зверек в норе, нужно следить, чтобы норка не ушла подводным ходом в захламлинное место или на противоположный берег, иначе вся работа пойдет насмарку. Наиболее надежный способ добыть норку — поставить по дну речки и берегу обмет, окружив им оба выхода.

В пору вешних половодий (шкурка норки тогда еще полноценна) зверек встречается далеко — за 400—500 м от речки, особенно у впадающих в нее ручьев, заваленных различным лесным хламом. Опытные охотники еще больше заваливают берега валежником и пр., оставляя в завалах проходы; шныряя по берегу, норка пользуется ими и... попадает в расставленные там плашки-хлопушки или капканы. Это добычливый способ охоты, но уже без собаки.

В отличие от работы по хору и горностаю лайке при охотах на норку нередко приходится переплывать речки и озера, бросаться с берега в холодную воду, преследовать и ловить норку в воде. Особенно ценятся лайки, которые, заметив уплывающего зверька под водой, ныряют за ним, ловят и выносят на берег. Мне известны такие собаки, особенно запомнилась немецкая лайка Тайга А. И. Ларионова: под водой она ловила норку без промаха.

Добычливость охоты на норку растет по мере накопления опыта как собакой, так и самим охотником. Чем больше бывают они в лесу, чем чаще встречаются со зверем, тем лучше.

Нахаживание молодой лайки по норке во многом сходно с «учебой» по хору. Снаряжение охотника — такое же, но обмет-сетка просто необходима.

Задолго до рассвета охотник (с собакой на поводке) идет к местам, где водятся норки. Следы и наброды зверя еще достаточно свежи и пахучи. Хорошо натренированной лайке, обладающей острым чутьем и слухом, найти объект охоты нетрудно. Все «подозрительные» места, особенно те, где собака чутьем что-то фиксирует, нужно особенно тщательно проверить щупом, показывая лайке проколы; если вы нащупаете гнездо, то собака через прокол обязательно прихватит запах норки и своим поведением покажет, что зверек здесь. Не мешкая, отыщите тогда выход норки к реке, затяните его сетью и тогда уже добывайте норку, как и хоря, всеми доступными способами. Собака должна быть у выхода из норы.

Опытная лайка сама находит норы и гнезда норки. На долю охотника остается выгнать зверька на собаку или в сеть. Именно на этих охотах лайке нужен правильный ножницеобразный прикус. Попав в такие зубы, зверьку не вырваться из них, хотя бы он и умудрился вцепиться в щечку собаки. Эта охота бывает успешнее, если лайка не избегает воды, умеет хорошо плавать и, как указано выше, даже нырять. В дальнейшем встрече с норкой на охоте подкажут молодому охотнику и образ его наиболее рациональных действий.

ПО БАРСУКУ И ЕНОТУ

Нужно сразу оговориться, что барсук стал очень редок и добывание его почти повсеместно (и совершенно правильно!) запрещено. Тому же, кто, попирая законность, по-воровски раскапывает и разрушает барсучьи норы, не место в рядах советских охотников.

Охоты на барсук и енотовидную собаку (уссурийского енота) тождественны. Довольно схож и их образ жизни с той лишь разницей, что барсук всегда живет в своих норах, тогда как енот чаще селится в чужих — барсучьих, лисьих, нередко уживается в одной норе с ними. Барсучьи норы имеют несколько отнорков, хотя чаще зверь пользуется основным ходом; иногда его нора насчитывает несколько этажей. При встрече с собакой барсук упорно защищается, часто уродует собак, особенно молодых. Енот всеяден, хитер, обладает острым чутьем. Глубоко в землю (нору) уходит редко и только в силу какой-либо опасности. Кормится преимущественно ночью, живет обычно в глухих, редко посещаемых человеком и достаточно кормных местах, но встречается и в болотах чуть ли не на задворках человеческого жилья. Этот зверь приносит большой ущерб нашей охотничьей фауне. Кроме растительной пищи, он пожирает птичьи кладки, утят, молодых глухарей и тетеревиат, ловит зайчат, не брезгует и крепко сидящей на гнезде птицей. Добывание енотовидной собаки разрешено всеми дозволенными средствами.

В поисках пищи енот много бродит, оставляя сильно пахнущий след. В свое убежище возвращается на рассвете. Чтобы не тратить сил на трудоемкую раскопку его нор, в лес нужно выходить затемно. Быстроногий и чуткий лайке требуется немалое время, чтобы найти следы енота и настичь его на поверхности. Злобная притравленная по нему собака быстро справляется с хищником. Но редкая лайка может задушить енота: толстая прослойка подкожного жира защищает его шею, да и все туловище; зверь очень живуч. Чаще енот, не справившись с проворной лайкой и чуя бесполезность борьбы, ложится и притворяется мертвым. Но стоит взять собаку и немного отойти от него, как неподвижный енот приоткрывает глаза и, если его не пугать, пытается убежать. При встречах с молодой неопытной лайкой енот упорно сопротивляется и контратакует. Услышав лай, нужно поспешить к месту схватки и помочь собаке. Енота можно пристрелить или оглушить обушком топора и взять живым.

Сначала при нахаживании молодой лайки по еноту полезно брать вторую собаку — бывалую, и охотиться вдвоем: тогда молодая быстрее притравливается, вдвоем же сподручнее взять зверя, так как один охотник освещает его поединком с собаками, а другой принимает зверя наиболее удобным для него способом.

Породные лайки, как правило, по следу енота идут молча, отдавая голос только по зрячему или когда его остановят. Слыша приближение хозяина, лайка не дает зверю уйти, насаждает на него с особым азартом и злобой. Такие эпизоды очень полезны собаке, развивают у нее смелость, злобность и терпимость к большим хваткам зверя. Трех-четыре таких встреч достаточно, чтобы лайка знала запах енота, его повадки и характер защиты.

В районах, где добывание барсука не запрещено, нужно всегда стремиться к тому, чтобы лайка встретила со зверем на поверхности, вне норы: тогда, распознав в нем самку или молодого барсука, его нужно пощадить, оставив для дальнейшего разведения. Вредного же енота нужно истреблять беспощадно.

Иной охотник, не жалея свою собаку, пускает ее в нору. Со всей категоричностью предупреждаю: такая охота пагубна. Лайки намного крупнее фокстерьеров и такс — специально норных собак. В норе лайке очень тесно, работать трудно. Чтобы добраться до зверя, она тратит много сил, раскапывая и расчищая нору; полубессильная, при недостатке воздуха, в страшной тесноте и полной темноте, натываясь на корневиза, собака не может быть полноценным бойцом и потому, пятась назад и еле выбравшись из норы, она сплошь и рядом оказывается сильно покусанной, изуродованной зверем. Нередко, не в состоянии развернуться в норе и выбраться из нее, злобно атакуемая зверем, лайка погибает, а в то время как охотник, не зная, что она ушла в нору, тщетно ищет ее по лесу. Поэтому от всяких попыток залезать в нору свою четвероногую помощницу следует всячески отваживать.

Цель этой статьи — помочь начинающим охотникам с лайкой, подсказать им основы нахаживания и охоты на норных зверьков и зверей. И если мой опыт окажется им полезен, — то большего нечего и желать.

кормление щенка

А. МАЗОВЕР,
эксперт всесоюзной категории

Предки наших домашних собак были плотоядными животными, питавшимися преимущественно мясом. Со временем, под воздействием человека и новых условий жизни, они стали всеядными и хорошо усваивают корма как животного, так и растительного происхождения.

Кормление — важнейший фактор при выращивании молодняка, разведении и использовании собак. К сожалению, в собаководстве его очень часто недооценивают, надеясь при заводской деятельности больше на наследственные задатки именитых предков. Между тем потенциально самого лучшего щенка, происходящего от самых лучших производителей, неправильным кормлением легко загубить и вырастить из него плохую собаку. Большинство встречающихся на выставках плохих собак — «удочки» (как их называют за присуждаемые им оценки), мелкие, со слабыми костяком, мускулатурой и другими недостатками или пороками экстерьера — следствие плохого и неправильного питания. Неправильное кормление и связанные с этим заболевания рахитом отражаются на форме головы, качестве зубов и форме прикуса, конечностях и т. д. На выставках нередко можно видеть плоды плохого кормления — это не только захудалые, рахитичные или истощенные, сгорбленные собаки с лохматой нездоровой шерстью, но и жирные, закормленные, с провислыми спинами и опущенными животами, вялые, болеющие желудочно-кишечными и кожными заболеваниями, рано дряхлеющие; такие собаки обычно совершенно непригодны для использования ни в качестве производителей, ни для охоты.

Специалисты говорят, что «щенка нужно кормить еще до его рождения». Действительно, в период внутриутробного развития щенков на рост и развитие зародышей уже можно влиять, создав благоприятные условия кормления и содержания суки. Развивающийся плод составляет одно целое с организмом матери, и всякие изменения, происходящие в ее организме (болезни, голодание и др.), несомненно, отражаются на нормальном развитии зародышей, а затем и на качестве родившихся щенят.

Содержание сук в первую половину щенности мало отличается от обычного. Ее следует держать на свежем воздухе, так как она нуждается в повышенном количестве кислорода, предоставлять ей больше прогулок и свободы движений для укрепления мускулатуры и повышения обмена веществ. Пита-

тельные вещества, потребляемые щенной сукой, идут не только на поддержание ее организма, но и на рост и развитие эмбрионов. После вязки корм суки должен быть обильным и питательным; нормы кормления нужно увеличить прежде всего за счет дополнительного введения белков, минеральных солей и витаминов. Наиболее полно усваивающиеся белки содержатся в молоке и в мясе, поэтому оба эти продукта нужно обязательно добавлять в рацион суки. Минеральными кормами, необходимыми для развития плода, являются в первую очередь фосфорнокислые соли и кальций, содержащиеся в костях, мясо-костной и рыбо-костной муке. Дополнительный рацион суки в этот период должен состоять из 150—200 г свежего сырого мяса, 0,5 л молока, 40—50 г мясо-костной или рыбо-костной муки. В качестве витаминного корма можно использовать морковь, капусту, молодую крапиву или готовые витаминные препараты. В этот период ее можно дрессировать и, не утомляя излишне, применять на охоте.

Во второй половине щенности суку надо освободить от больших физических и нервных нагрузок и переутомления. На охоту ее брать уже нельзя. В то же время ей не следует давать залеживаться и жиреть, необходимо практиковать продолжительные прогулки. К кормовому рациону первой половины щенности добавляют еще 100 г сырого мяса, 0,5 л молока и 30—40 г рыбьего (лучше витаминизированного) жира. Суку нужно кормить три раза в день равными порциями, тщательно наблюдая за работой ее пищеварительных органов. Помните: в этот период ей одинаково вредны и перекорм и недокорм. Не следует перегружать организм суки увеличением объемистых кормов — картофеля, круп, хлеба.

Появившиеся на свет щенки вначале питаются молоком матери. Однако с двадцатого дня количество молока у суки резко снижается, тогда как потребность щенка в пище повышается во много раз. К этому сроку он должен быть подготовлен к переходу на другой, более концентрированный корм. Подкормку, т. е. добавление к материнскому молоку дополнительного корма, рекомендуют начинать постепенно с 12—14 дня после рождения, обычно приучивая ее к открытию у щенков глазных щелей. В том случае, если помет большой (8—10 и более щенков) или у суки мало молока и голодные щенки пищат и беспокоятся, подкормку начинают раньше — иной раз с 5—6-го

дня. Сначала подкармливают 1—2, а затем 4—5 раз в сутки. Для первой подкормки используют цельное, слегка подогретое коровье молоко, а чтобы приблизить его состав к молоку суки-матери, на каждые пол-литра добавляют одно сырое яйцо. Слепых щенков кормят через соску, с 15—16-го дня приучают лакать из блюдца. Через несколько дней дают готовое «детское питание», жидкие каши, заправляют молоко размоченным белым хлебом. А еще через один-два дня им можно давать сырой мясной фарш или мелко наскобленное мясо.

Существующий предрассудок, будто от сырого мяса у щенков болят глаза, ничем не обоснован. Вначале суточная доза мясного фарша не должна превышать 20—30 г, затем ее постепенно увеличивают, доводя к двадцатому дню до 50, а к месячному возрасту — до 100 г. В это же время молочные кашки и «детское питание» могут чередоваться с жидкими кашами, сваренными на мясном бульоне. Таким образом, к месячному возрасту, т. е. к моменту передачи щенка новому владельцу, он будет подготовлен к существованию без материнского молока и смена эта произойдет для него без всякого ущерба. Нужно только подробно информировать нового владельца, чем и как кормили щенка, чтобы на первых порах не было резких изменений и нарушений привычного для него кормового режима.

Для нормальной жизнедеятельности собаке необходимы белки, жиры, углеводы, минеральные соли, витамины и вода. Для собак разного возраста, веса и роста применительно к различным условиям содержания и использования выработаны различные нормы кормления. Однако не следует забывать, что все они являются «средними» и в них целесообразно вносить некоторые поправки, учитывая индивидуальные особенности щенка или собаки. Животные должны съедать корм, как говорят, «в подлиз», т. е. без остатка, и притом вылизать дно кормушки. Если видите, что собака не наелась, добавьте ей немного, а если щенок или взрослая собака все не съедает, давайте немного меньше. Бывает, что закормленное животное не притрагивается к еде, тогда не оставляйте ее, а уберите кормушку и накормите собаку в следующую по распорядку кормежку. Не бойтесь, если щенок, а тем более взрослая собака немного поголодает.

Постарайтесь по возможности разнообразить корм, меняйте крупы, овощи, заменяйте отдельные корма другими, близкими по своему составу. Например,

ВЫСТАВКА СОБАК В ЛАТВИИ

Серьезное внимание охотничьему собаководству в республике стали уделять по существу только с 1963 г. — с приходом в Республиканское общество охотников вновь избранного председателя тов. Шиды и нового кинолога тов. Байдзума. Тогда же были проведены выводы охотничьих собак во всех

районах республики, начались беседы об охоте с собаками и необходимости увеличения их поголовья, подготовлены эксперты по охотничьему собаководству. Из Москвы, Ленинграда и других мест было завезено много производителей, организованы консультации по вязке, воспитанию щенков и т. п. У охотников стало встречаться все больше хороших собак, и общественность с нетерпением ожидала 5-й республиканской выставки, состоявшейся в прошлом году. Смотри оправдал наши надежды. Если на 4-й выставке (1964 г.) было всего 77 охотничьих собак, в том числе с полной

родословной всего 20—25%, то на 5-ю выставку было выставлено уже 45 эстонских, 5 русских, и 8 русских пегих гончих, 17 западносибирских, 14 русско-европейских и 7 карело-финских лаек, 9 такс, 29 жесткошерстных и 5 гладкошерстных фонстерьеров, 9 дратхааров и 7 нурцхааров, 8 пойнтеров, 3 английских, 4 ирландских и 3 шотландских сеттера, 21 спаниель, 4 борзые и 25 декоративных собак, причем более 50% охотничьих собак получили за экстерьер оценки «отлично» и «очень хорошо». Однако 20 собак, т. е. 10% выставленного поголовья, остались без оценки. Столь

«Однокорытники».
Фото П. ЛУКЬЯНОВА

мясо можно заменить творогом, рыбой; крупу — хлебом. Корм дают в виде полугустой каши, остуженной до 30—40 градусов (опущенный до самого дна палец не ощущает горячего). Из круп рекомендуются овсянка (в ружьном и дробленом виде), пшено и др. Не следует давать собакам, тем более щенкам, горох, фасоль, нерушенную овсянку. Категорически противопоказано кормление неободранным овсом. Хлеб используют серый, пшеничный. Его закладывают в корм непосредственно перед кормежкой.

Для кормления используют мясо различных домашних и диких животных. Не следует давать только жирную свинину, вызывающую поносы. В основном мясо дают в вареном виде — мелко нарезанными кусками вместе с кашей и овощами; сырым дают только свежее мясо, очень полезное для щенков и взрослых собак. Солонины лучше избегать: собаки очень плохо переносят соль и очень чувствительны к так называемому соляному отравлению, заканчивающемуся иногда смертельным исходом. Поэтому в крайнем случае солонину для удаления из нее соли

нужно хорошенько вымочить в воде (не менее двух литров на 1 кг солонины), меняя ее через каждые 2—3 часа в течение суток; если же воду менять 3—4 раза в день, то вымачивание длится двое суток, а в проточной воде — 6—8 часов.

Взрослых собак кормят два раза в сутки, равными порциями, а во время охоты утренняя кормежка не должна превышать 25% суточной нормы, даваемой за два-три часа до начала охоты. Кости дают после кормежки. Щенку можно давать только крупные кости, так как мелкими он может подавиться. Как взрослым, так и щенкам нельзя давать трубчатые кости птиц, косящиеся в зубах собаки на острые осколки, рвущие пищевод и могущие повлечь ее гибель. Щенки и взрослые собаки всегда должны иметь воду, налитую в устойчивую, стоящую на определенном месте посуду. Собак, содержащихся в вольерах или на участках, зимой поят теплой (комнатной температуры) водой после кормления.

Для кормления рекомендуем пользоваться примерными нормами, указанными в таблице.

УДК 636.7

Рацион	Возраст			
	1—2 мес.	2—4 мес.	4—6 мес.	6—12 мес. и старше
Количество кормлений	6	5	4	3
Суточный объем пищи (кг)	0,25—0,5	0,5—1,0	1,0—1,5	1,5—2,0
Молоко или молочнокислые продукты (л)	0,5—1,0	0,5	0,5	не обязательно
Мясо (г)	150—200	300	400	400—500
Рыба (г), даваемая вместо мяса	250—300	400	500	600
Крупа (г)	100—150	150—250	300—400	400—500
Овощи и зелень	50—60	100	200	200
Рыбий жир (стол. ложки)	0,5	1	2	2
Соли кальция, глицерофосфат кальция, фосфорнокислый кальций (г)	1,0	1,0	1,0	1,5
Соль (г)	1,0	3,0	5,0	7,0

Примечания. Собакам, живущим во дворе, в зимнее время дают полуторную норму; щенкам и собакам мелких пород (фокстерьеры, таксы) — половинную норму. В рацион взрослых собак рыбий жир не входит. С десяти-месячного возраста собак кормят два раза в день.

высокого процента малопородных собак не было, пожалуй, ни на одной крупной выставке.

Выставка показала также, что полевая работа с собаками ведется в республике еще слабо: из 26 собак, имевших полевые дипломы, большинство оказалось «пришельцами» из других областей. Мы надеемся, что тт. Шиц и Байдузис, уже немало сделавшие для собаководства, с присущей им энергией разрешат и эту «полевую» проблему. Необходимо и окрестности Всеармейского военно-охотничьего общества активнее включиться в работу по собаководству: ведь в Латвийской

членов ВВОО на выставке было очень мало — всего 10—12 собак.

Одной из важнейших, но до сих пор не решенных нашими кинологами проблем остается работа по восстановлению и стандартизации латвийской гончей.

Охотничья общественность Латвии надеется, что все указанные и другие недочеты в кинологической деятельности республиканского общества охотников будут устранены уже в ближайшие годы.

П. ВОСКОВОЙНИК,
С. ЛУКОВКИН

словарь охотника-собаковода

АПОРТИРОВАНИЕ — подача собакой поноски, убитой птицы или (в странах Западной Европы) не крупного зверя.

АРАП! — (от нем. herab) — брось! Приказание борзой или гончей, если они рвут заловленного зверя, то же что отрышь.

АРАПНИК — длинная ременная плеть с коротким (30—40 см) кнутовищем, на конце которого сделан залитый свинцом набалдашник (или железная шишка) для борьбы с матерым волком, если тот, стерев собаку, бросится на охотника. Этим набалдашником пришибают и лису, принимая ее от собак живой. А. служит для хлопанья на охоте, для чего конец плети увенчивается пеньковым, волосным или шелковым навоем, для управления гончими. Поэтому длина плети должна быть такой, чтобы, не сходя с лошади, достать любую собаку в стае. Важнейший атрибут доезжачего псовых охот.

АРЛЕКИН — 1) порода рослых гончих светло-серой масти с частыми мелкими черными крапинами и одним или обоими синевато-белыми глазами. А. встречались только в России, обладали замечательными голосами, отчаянной злобностью и азартностью. Чистокровные А. исчезли в середине XIX в.; 2) мраморный окрас собаки; 3) разноглазие у собак, лошадей и др. животных.

АРТЕЗИАНСКИЕ или **ГОНЧИЕ АРТУА** среднего роста, белой (позднее трехцветной) масти французские собаки с длинными, как у спаниелей, ушами. Встречались у русских псовых охотников, так как хорошо гоняли зайца, держали волка и кабана. В конце пр. века порода растворилась среди других пород гончих.

АРЬЕР! — назад! (франц.). Ранее распространенное приказание легавой собаке.

АТРИШЬ, или **ОТРИЩЫ** — команда, подаваемая борзой или гончей, чтобы заставить ее бросить пойманного зверя или отойти от корыта с едой.

АТУ ЕГО! — 1) в псовой охоте верхами — протяжный крик борзятника, подожрившего на легке зайца; атукая, он подзывает товарищей, желающих совместно травить зверька и померяться резвостью борзых; 2) в пшей охоте с борзыми — поощрение собаки голосом, когда она заметила поднышащего зайца. Если зверь поднялся в стороне и собака его не видит, то охотник, атукая, бросается в направлении удирающего зверька, показывая его собаке.

БАГРЯНЫЙ — окрас гончих: красновато-желтый, кофейный, темней на спине и боках и светлее на конечностях; сплошной темно-красный окрас собаки.

БАЛАМУТ — бестолковая гончая

БАРСУЧКА, БАРСУЧЬЯ СОБАКА — старинное название дакса. т. е. таксы.

БАССЕТ, БАССЕТА — некрупная таксообразная гончая, применяемая (преимущественно в Англии) для охоты на зайца.

БАШУР — 1) большой охотничий рог; 2) низкий бас рога; 3) самый низкий голос у выслецов, голос гончей низкого тембра.

БЕДНОКОСТНАЯ, БЕСКОСТНАЯ — собака со слабо развитым костяком.

БЕЛКОВА — сибирское название лайки, работающей преимущественно по белке; то же, что бельчатница.

словарь охотника-собаковода

оружие и снаряжение

Сутяжники поддержки не встретят

Н. ЖАВОРОНКОВ,
подполковник милиции

Значительное место в работе советских учреждений и организаций занимает рассмотрение жалоб и заявлений трудящихся. И это естественно: ведь жалобы и заявления являются одной из форм реагирования на факты нарушения прав и охраняемых законом интересов граждан, средством предупреждения и устранения правонарушений, волокиты и бюрократизма. Поэтому жалобы и заявления следует рассматривать очень внимательно, всесторонне, своевременно осуществляя тщательный контроль за их прохождением.

Следует, однако, подчеркнуть, что имеют место случаи, когда граждане вместо того, чтобы сначала обратиться в местные учреждения, предприятия и организации, которые могут быстро решить большинство вопросов, направляют жалобы сразу же в вышестоящие инстанции. Эти инстанции вынуждены проводить дополнительные проверки по месту жительства жалобщика, запрашивать соответствующие документы и материалы. Создается излишняя переписка, проводятся повторные мероприятия, рассмотрение заявлений затягивается.

Бывает и хуже: некоторые граждане направляют в различные инстанции заявления с указанием заведомо ложных сведений, порой даже клеветнического характера. На проверку этих заявлений впустую затрачивается рабочее время и государственные средства.

В Главное управление милиции МВД СССР нередко поступают письма с жалобой на незаконное изъятие органами милиции охотничьего оружия и малокалиберных винтовок. Если эти жалобы соответствуют действительности, то по ним немедленно принимаются меры для восстановления законных прав владельцев оружия. Но, к глубокому сожалению, бывают и такие, например, жало-

Н. С. Ушаков из г. Норильск написал, что работники милиции по неизвестной ему причине изъяли у него охотничье ружье. В письме говорится: «Я с ружьем вышел погулять. На дороге меня догнал на грузовике сотрудник милиции и отнял ружье».

Что же показала проверка?

Ушаков, приехав в г. Елабугу Татарской АССР, решил отправиться на охоту, которая в это время была запрещена. Его задержали в поле, составили протокол и изъяли ружье (до решения административной комиссии). Подписать протокол Ушаков на месте отказался, заявив, что завтра придет в горотдел милиции. Вместо этого он на следующий день уехал в Норильск. Теперь же Ушаков обвиняет органы милиции в незаконном изъятии оружия. На каком основании?

Некто Сиренко (Лубенский район Украинской ССР) засыпает письмами различные инстанции, возмущаясь якобы незаконными действиями органов милиции, которые изъяли у него ружье. Министерство внутренних дел УССР тщательно проверило заявления Сиренко. Выяснилось, что он, приходя домой пьяным, снимал со стены ружье и гонялся с ним за женой и сыном, угрожая их убить.

Ю. И. Александров из Смоленской области долгое время никаким общественно полезным трудом не занимался, предпочитая браконьерничать. Однажды его задержали на охоте в запрещенные для охоты сроки и без охотничьего билета. Административная комиссия решила изъять у Александрова ружье и оштрафовала его на 10 рублей. Теперь Александров пишет жалобы на действия органов милиции.

Охотники М. И. Сергеев и И. А. Холпов тоже возмущены действиями лиц, привлечших их к ответственности. У первого по решению административной комиссии за злостное уклонение от перерегистрации изъята малокалиберная винтовка, у второго такая же винтовка изъята за опасную для окружающих стрельбу в населенном пункте. Имеют ли право возмущаться эти горе-охотники?

А. А. Касьянов из Пермской области просит разъяснить, правильно ли поступили органы милиции, предложив ему сдать малокалиберную винтовку для продажи через комиссионный магазин? Касьянов скромно умалчивает о том, что это произошло из-за систематического нарушения им сроков перерегистрации оружия.

М. Н. Федоров из Архангельской области длительное время писал в различные инстанции о том, что он на законном основании с разрешения органов милиции приобрел малокалиберную винтовку, но органы милиции, не имея на то основания, изъяли оружие. Видимо, страдая излишней скромностью, Федоров постеснялся написать, что винтовка изъята по той причине, что он, Федоров, будучи пьяным, стрелял из нее в окна магазина.

М. Н. Лапшин из Смоленской области удивляется, что органы милиции не вернули принадлежавшую ему малокалиберную винтовку, изъятую у детей. Лапшин с гневом пишет: «Летом, весной и осенью я ходил с ней в поле и лес и стрелял рябчиков, тетеревов и другую птицу, а теперь сиди дома». Тов. Лапшину следовало бы знать, что в Смоленской области охота с применением нарезного малокалиберного оружия запрещена. В этом же Лапшин не

однократно стрелял из малокалиберной винтовки в саду, а населенном пункте. Более того: он увез винтовку в садовый домик, где бросил ее без присмотра. Вскоре ее подобрали дети, и изъятие винтовки может быть предотвращено несчастный случай.

Охотник Павлов из Костромской области пишет, что он имеет два гладкоствольных ружья и просит оставить у него малокалиберную винтовку для охоты на боровую дичь. «Винтовка мне нужна исключительно для охоты на боровую дичь глубокой осенью, с подхода на тетеревах, сидящих на берегах», — пишет Павлов, забывая, что охота в Костромской области с таким оружием запрещена.

Вот еще один вопиющий случай, мимо которого никак нельзя пройти.

В приемную министерства явился житель Панкрушихинского района, Алтайского края, Сергей Игнатьевич Степаненко. Он оставил заявление, просил его рассмотреть и оказать помощь в возврате изъятых ружья. Главное управление милиции МВД СССР удовлетворило его просьбу и рассмотрело заявление, в котором он, в частности, писал:

«Ружье купил в ноябре 1963 года в райунивермаге по охотничьему билету для охраны матери. Ружье все время находилось дома в заряженном состоянии, никто из него не стрелял и никому им я не угрожал. Однако по непонятным причинам ружье было изъято охотоведом Терехиным в присутствии председателя общества охотников Сигитова и работника милиции Малахова, на что был составлен акт и передан на рассмотрение административной комиссии райисполкома».

Проверка показала, что данные, приведенные Степаненко в заявлении, противоречат действительности. Причиной для изъятия ружья послужило следующее обстоятельство.

К председателю Панкрушихинского райисполкома обратилась мать Степаненко 1890 года рождения с жалобой на сына, который, уходя на работу, заряжает ружье и вешает его на то место, где хранятся продукты питания и заявляет ей, что если она будет брать продукты, то ружье в нее выстрелит. Таким образом она часто оставалась продолжительное время голодной, так как сын работает шофером на дальних рейсах.

Административная комиссия, рассмотрев все имеющиеся по этому поводу материалы, руководствуясь Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 14 октября 1963 года, приняла решение изъять у Степаненко ружье безвозмездно.

И этот человек обращался в МВД СССР об оказании ему помощи в возврате ружья! Сейчас мать Степаненко избавлена от общения со своим сыном — она определена в дом престарелых.

Главное управление милиции МВД СССР будет и в дальнейшем тщательно разбирать жалобы граждан. Но это вовсе не значит, что надо загромаждать различные инстанции необоснованными жалобами, особенно в тех случаях, когда сам жалобщик является нарушителем правил охоты, техники безопасности, норм общежития, порядка хранения и эксплуатации оружия.

Фото Н. НЕМНОВА

сильное сопение. Это был сказочный великан, наиболее крупный самец стада, когда-либо виданный мною. Осанкой, размерами и мощными клыками он заметно выделялся среди своих собратьев. Ощетинившись, ведром поднял голову и, слегка покачиваясь, горящими глазами глядел в нашу сторону. Дикая красота сочеталась в нем с колоссальной силой. Это было необыкновенное зрелище.

Потом все стадо зафыркало, заухало, пришло в движение. В следующее мгновение предводитель стада, словно ужаленный, с необычайной легкостью высоко подпрыгнул и отпрянул назад, а его подопечные, сопя и хрюкая, со страшным грохотом бросились наутек.

Ружья сами взлетели к плечу, из шалаша прогремело шесть выстрелов. Нам удалось свалить сразу трех кабанов, двух крупных.

На рассвете, обрабатывая трофеи, я столкнулся с интереснейшим явлением. У одного убитого прошлогоднего подсвинка и другого трехлетнего самца на месте, где когда-то были семенники, отчетливо просматривались рубцы. Очертания их были аккуратны и плавны. Как выяснилось, никто из присутствующих ничего подобного не встречал.

Кто же охолостил кабанчиков? Неужели человек?

Думал я и так и этак, однако ответить на этот вопрос не мог.

Через несколько дней встретил в станице Крымской знакомого, дядю Костю, как все авали его здесь, непревзойденного следопыта, выдавшего виды охотника, и за первой же чашкой кофе поведал ему о случившемся. Мой давнишний приятель был словоохотлив. Он рассказал массу увлекательных историй о свирепости кабанов и тех драмах, которые часто разыгрываются в их среде.

Вожак стада кабан-секач, царствуя в гареме, очень ревниво опекает своих самок. Обладая большой силой, имея, как нож, острые клыки, которыми секач владеет в совершенстве, он безжалостно изгоняет из стада представителей сильного пола, пытающихся оспаривать его превосходство. Встретив сопротивление, секач набрасывается на своих соперников и случается молниеносным движением бивней охлаждает их, иногда жертвой становятся даже его детеныши. Интересно, что нанесенные

таким образом раны обычно хорошо зарубцовываются, без всяких осложнений.

Поскольку мы уже исходили и обследовали на Кавказе значительную часть ареала кабана и нигде ничего подобного не встречали, все, сказанное дядей Костей, казалось вымыслом. Но последующие дни, проведенные в этих местах, подтвердили его рассказ.

В труднодоступных плавнях реки Кубани я продолжительное время наблюдал за жизнью многочисленного кабаньего населения. И вот однажды мне пришлось с очень близкого расстояния, из зарослей, запечатлеть на пленку отчаянный бой взрослого кабана-секача с совсем еще молодым самцом-подсвинком. Последний яростно защищался, ухал и щелкал зубами, как взрослый самец. Разъяренный могучий великан стучал бивнями, извергал пену и несколько раз шел на таран.

В это время взрослые самки и молодые животные отошли в сторону. Будто никакого отношения не имея к этой смертельной схватке, одни что-то жевали, другие рыли землю.

Вдруг каким-то невероятным образом секач с удивительной ловкостью и поразительной быстротой своими страшными клыками ударил молодого кабанчика прямо в ядра и распорол их: они вывалились и висели словно послед у животного после родов. Пострадавший самец, тяжело дыша, пошатнулся и, шатаясь, пытался, было, еще обороняться.

Не ожидая конца этой борьбы, уловив момент, я вскинул ружье и выстрелил. При сильном заряде одной пули оказалось достаточно — пострадавший подсвинок завертелся на месте и рухнул на кучу прелых листьев. Вся свиная орда, а с ней и кабан-секач, напуганная выстрелом, с треском и шумом понеслась прочь.

Рассматривая тело убитого кабанчика, я внимательно прощупал рану. Семенники были вскрыты достаточно полным и длинным разрезом всех тканей мошонки. Края раны зияли. Могло показаться, что эта операция — дело рук опытного ветеринара. Мало кто видел подобное зрелище собственными глазами.

Так подтвердилось рассказанное моим другом-охотником, а я получил ответ на вопрос, который меня очень интересовал.

литературные страницы

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

Путь отважного

Ю. ЛИВЕРОВСКИЙ

III

Летом благоухают липовым цветом леса Сихотэ-Алиня. Три вида лип — амурская, маньчжурская и такета одна за другой покрываются белыми пахучими цветами. Пчелы обильно собирают с них зеленовато-белый мед прекрасного качества — только успевай качать и подставлять бочки.

Каждую весну колхозы вывозят пасеки в предгорья Сихотэ-Алиня. Одна из таких пасек расположилась среди леса, на поляне, в долине горной речки Удыгынза.

Пасечник, дедушка Петр, сидит на завалинке около зимовья. У него густые кудрявые серебристо-белые волосы, подстриженные в скобку, и пушистая борода. Из-под мохнатых бровей ласково смотрят старческие бесцветные глаза. Он худ, но высок и широкоплеч и, видно, еще довольно силен, несмотря на свой возраст.

Пасечник думает: «Пчела начала взятку брать. Ульи сильные — хорошо перезимовали. Сейчас спокойное время, не то, что осенью, когда огромные шершни нападают на пчел. Сядет такой шершень на леток и сидит, океанный, пчел поджидает. Подлетит пчела — он сразу ее перекусывает сильными челюстями. Посидит часок на лотке — смотришь, на траве гряда мертвых пчел. Перебьет шершень почти всю семью пчелиную, зайдет в улей и начинает из сот мед пить. Напьется вдоволь и улетит. Больше ему ничего не надо, а семья пропала. Пока в улье пчел много, не смеет шершень мед воровать — забьют его пчелы. А как перебьет большую часть пчел, не станет сил у пчелиной семьи улей охранять. Вот и приходится осенью пасечникам целый день с деревянной лопаточкой между ульями бегать да шершней бить. Прозеваешь — гляди, пропала семья».

Дедушка Петр закуривает самокрутку из маньчжурской махорки и со вкусом затягивается. «Табачок, ничего не скажешь, крепкий, прямо нутро забирает. Подарок Алексея Козина, старого друга и спутника на охотничьем промысле, — вспоминает он. — Алексей и сейчас с сыном хорошо промышляет. Зимой, слыхать, трех молодых тигров для зоопарка словил. А мои годы вышли. Приходится вместо пантовки пчелами заниматься. А семья-то табаку надо взять у Алексея — табак у него добрый. Не чета торговым цыгаркам. В тех и крепости нет, один дым».

Дед бросает окурок и собирается идти к ульям, сияющим на поляне.

Из леса выходят три человека. Идут по дороге прямо к пасеке. Дедушка Петр смотрит на них пристально и недовольно. — Вот и шершни, — говорит он тихо.

— Здорово, Петрий! Как живешь, старина? — приветствуют деда путники — братья Зуевы из семьи Кхуцинских староверов.

— Здорово, здорово! Куда путь держите?

— Домой идем. Погуляли немного по сопкам, поразмялись, — говорит старший брат, подсаживаясь на скамеечку.

— Хочешь легким побаловаться? — протягивает он пасечнику портсигар.

— Нет, благодарствую. Папирос не курю. Толку от них нет. Так — трава жженная.

Братья молча закуривают. Некоторое время все молчат. Дед искося выжидательно поглядывает на братьев.

Старший еще не старый, но с красным лицом, припухшим от пьянства. Редкая рыжая с сединкой борода растет почти от глаз, маленькие, неопределенного цвета. Разговаривая, он щурится и кривит рот. Младшие братья похожи на старшего. В их взглядах есть что-то хищное и наглое. Но они гораздо моложе, безбороды и круглолицы.

— А что, дед, случаем медовуху не варил? — спрашивает вдруг старший брат.

— Какая тебе медовуха в эту пору? Пчела еще меду не набрала.

— Ну, ежели, старина, у тебя выпить нечего, мы сами тебе поднесем. Ну-ка, Федь, достань, что осталось, да пойдем в избу.

В зимовье чисто. Щели между бревен проконопачены сухим мхом. Пахнет особым запахом пчельника — торфяным дымком, воском, медом и травами.

Братья садятся на широкую деревянную скамью около низкого стола. На столе появляется бутылка самогона.

— Ставь, дед, мясца на закуску, — командует старший.

— Не побрезгуйте, барсучиной покормлю: другого нет.

— Ну, ну! В сопках живет, а такую дрянь ест, — смеется младший Федор, разливая самогон по стаканам. — Сейчас изюбр солонцевать начал. Горалы у тебя, старого черта, под рукой. Опять же гураны кругом. В таком месте жить — и сыт, и пьян

будешь. Знаешь, почему мясо сейчас во Владивостоке? Да если уж нет ничего — давай барсучину. Нам и «под луну» не раз выпивать приходилось. Ну, теперь выпьем! За твое здоровье, дед!

Он поднимает стакан с мутным теплым самогоном. Все выпивают.

— Посмотри, дед, какая у меня винтовка. Ежели медведя или кабана даже не по месту вдарить, все одно ляжет, — хвастает старший. Он берет прислоненную к стене винтовку и, разряжая, щелкает затвором. Длинный патрон, сверкнув медью, с легким стуком падает на пол. Дед поднимает его и с интересом рассматривает.

— Важная штука. Калибер-то, наверное, миллиметров девять будет? — спрашивает дед.

— Точно, девять. А посмотри на пулю. У ей головка из твердого сплава.

На столе появляется еще бутылка. Пасечник не хочет больше пить. Братья разливают самогон в свои стаканы.

— Вы тут без меня управляйтесь, а мне нужно пчел посмотреть.

— Подожди, старина, надо еще с тобой о деле побалакать, — останавливает его старшой. — Сам знаешь, сроки промысла зверя теперь установили. Лучшие места в заповеднике взяли. От века плодились и зверь и птица на потребу человека и никто их не охранял, кроме господ бога. Да разве выбьешь зверя и птицу в лесах или рыбу в реках? Никогда! Эту всю муру с охраной теллигенция придумала, так их...

— Ну, это как сказать, — возразил пасечник. — Мой отец сказывал, что когда он из России приехал, тоже из лесных мест, Новгородчины, и промышлять стал на Сихотэ-Алине, зверя было видимо-невидимо. Тот Новгородский край тоже зверем богат, но против Уссурийского пустым казался. Население здешнее, удгейцы, на Сихотэ-Алине жили и промышляли аккуратно, на свою потребу. Но пришли потом ваши — староверы с Урала да с Алтая и начали круглый год стрелять всякого зверя. Лудеями ловили. По полутора тысяч изюбров на одну деревню за год брали. Разве от такого промысла зверь уцелеет?

— Все от бога, старина. Если бы не божья воля, то и зверя не выбили бы. Бога забыли, вот господь в наказание и посократил зверя и рыбу. Ладно, старина, спорить не станем. Дело другое есть. Сам знаешь, сейчас пантовка начинается. Изюбра, пятнистого оленя в заповеднике много. Зверь непуганый, взять его просто, а мясо вынести трудно. В заповеднике новый директор — Каплан, с ним не согласишься! В марте я такого изюбра завалил — любо-дорого! Мясца одного — не менее 180 кило. Посчитай, сколько бы на рынке дали? Не пришлось попользоваться. Все отобрал Каплан. Прямо в лесу меня застучал и протокол составил. Что ему надо? Сам мясом не попользовался, как на смех, в Судзухе для детских садов сдал! Суда еще мне не было, но без штрафа не обойшится. А ты, дед, живешь при деле. Человек известный. К тебе подозрения не будет. Станем мы зверя добывать, а мясо у тебя на пчельнике сперва схороним. Потом вывезем. Конечно, тебя вознаградим. Подумай, дед. Дел немного, а заработок хороший.

Старший брат, улыбаясь, ласково взял деда за рукава.

— По рукам, что ли?

Пасечник отстранил его руку и сказал медленно, как бы обдумывая каждое слово:

— Вы как хотите. Ваше дело — вам и ответ держать. А меня увольте. Жизнь прожил, кривыми дорожками не хаживал. Заповедник — хорошее дело для промыслового народа. В нем зверь спокойно плодится. Станет его в заповеднике много, начнет расходиться и промысел поднимется.

— Не хочешь, как хочешь. Но смотри, старый черт, неровен час — сгорит у тебя амбар с медом, аль еще что сбудется.

Только что улыбавшееся лицо старшего Зуева стало жестким.

— Ну, ты меня не пугай, — спокойно ответил пасечник, — меня пугать поздно. И тигра раненая пугала — не испугала.

— Айда, ребята, выходи! — приказал старшой. — Нам здесь делать нечего.

Выходя из зимовья, он задержался на пороге и, обернувшись к деду, сказал шипящим шопотом:

— Смотри! Никому ни слова! Не то пулю проглотишь!

Старик вышел след за братьями и сел на лавочку у плетня. Братья шли быстро, не оглядываясь. Старик задумчиво смотрел им вслед. Потом он покачал головой. — «Ну и шершни, действительно, прости господи! Беспременно надо винтовку из дома принести. Неплохо и Лыску взять на пасеку. Неровен час — медведи за медом ходить станут. Собака всегда зверя почует и сигнал даст».

Блестящие желто-изумрудные волны одна за другой набегают на берег и шипящей пеной покрывают прибрежные скалы.

Два человека идут вдоль штормового вала, сложенного песком и галькой, перемешанными с обломками раковин и темными бурыми высохшими водорослями.

Морские птицы — голубиные чистики, крупные тихоокеанские топорки — срываются со скальных расщелин и стремительными зигзагами летят над водой, почти задевая гребни волн.

Путники переходят на узкую каменистую тропу. Все выше и выше круто поднимается она на прибрежные скалы.

Непрерывный грохот прибоя слышится, как отдаленный гром. Потом наступает тишина, прерываемая только шорохом шагов. Мелкие камушки срываются из-под ног куда-то вниз по крутому склону.

Наконец, тропа спускается в долину маленькой горной речки. Холодный ключ пробивается сквозь обломки базальта. Под старым кленом с корой зеленой, морщинистой, как кожа змеи, путники решили отдохнуть.

На клене прибита побуревшая от дымящего муссонов доска с надписью: «Государственный Судзукский заповедник».

Старый лесник пальцами, заглубившими от постоянных прикосновений топора и пилы, ловко и ровно скручивает сигарку. Синеватое облачко горького дыма отгоняет назойливых комаров.

Его спутник, молодой загорелый, с открытым веселым лицом, пытливым взглядом следопыта, рассматривает следы зверей, впечатанные в темную грязь у ручья.

— Василий Иванович, — говорит он после некоторого раздумья, — ты подожди меня, а я сбегаю на солонцы — отсюда до них всего километра три. Надо проверить: что-то мне вчера слышалось в той стороне выстрелы.

— Все может быть, Лев Георгиевич, — отвечает лесник. — У нас, в Судзук, сам знаешь, браконьеров не занимать. Сходи, а я пока тут обед справлю.

Лев Георгиевич идет быстрой бесшумной походкой таежника, зорко всматриваясь в глубину чащи и прислушиваясь к лесным звукам.

На дне распадка студеная вода чуть слышно перебирает звонкую гальку. Лев Георгиевич любит яркие пестрые птицы уссурийского леса. Вот по вершинам деревьев перелетает, сверкая синевато-зеленым оперением, красноклювый восточный широконосый. В погоне за бабочками чертит в воздухе узоры голубая мухоловка. Высоко над лесом с резким визжащим свистом прошивают голубое небо невидимыми петлями крупные колючехвостые стрижи — одни из самых быстрых птиц на свете.

На полянках уже расцвели нежно-розовые пионы, желтые красодневы и лиловые ирисы. Над ними порхают бабочки: огромные синие хвостоносцы Маака, пестрые сатиры и мелкие лесные голубянки.

Повсюду на подсыхающей как бы покрытой лаком глине видны звериные следы. Изюбр, пятнистый олень, дальневосточная косуля и кабаны не раз проходили по тропе в разных направлениях.

Тропа переходит через узкий гребень перевала и ныряет в густые заросли кустарникового дуба и кленов, перевитых лианами и диким виноградом. Наконец, заросли кончаются и Лев Георгиевич внезапно останавливается. Шагах в двадцати от него на полянке, развалившись на траве, отдыхают трое неизвестных.

Хруст ветки — и они вскакивают, угрожающе сжимая в руках винтовки и напряженно вглядываясь в человеческую фигуру, неожиданно появившуюся в кустарнике.

Вот они — три вооруженных браконьера — прямые потомки хищников, строивших заимки в речных долинах Сихотэ-Алиня, чтобы грабить тайгу. Таким не жаль убивать изюбров из-за неразвитых телят и рубить столетние кедровые ради мешка кедровых орехов. Это их предки сплавляли удйгейцев и орочен, чтобы за гроши получить драгоценные соболиные шкурки, или подстерегали в горных лесах искателей жень-шеня и потом окровавленными руками снимали с убитых спрятанный под платьем «корень жизни».

Стоят друг против друга молодой ученый, призванный нарodom охранять родную природу, умножать ее богатства, и три браконьера, дрожащие от ярости и страха.

Один и трое!

Не снимая с плеча ружья, смело и уверенно подходит Кап-ланов к браконьерам.

Теперь он уже узнал их, и они его.

Не спеша, спокойно составляет Лева текст протокола.

Браконьеры молчат. Говорить не о чем. Они на территории заповедника, вблизи солонцов, часто посещаемых зверем, с оружием в руках.

— А теперь подписывайтесь и немедленно оставьте заповед-ник! — Лева спокойно складывает листки протокола в полевую сумку и, не прощаясь, уходит.

Вот он подходит к кустам леспедеции, усыпанной мелкими

лиловыми и синими цветами. Еще мгновение, и он исчезнет в густых зарослях дубняка.

Трое стоят молча, не отрывая полных ненависти взглядов от невысокой удаляющейся фигуры. Три выстрела сливаются в один удар, подобный треску гигантского бича. Много раз повто-ряют его горные склоны.

Трусливо озираясь, три бандита бегут туда, где несколько секунд назад стоял неустрашимый человек.

Он лежит неподвижно среди помятых кустов цветущей леспе-деции. Еще два выстрела...

Потом воровато тащут тело — крепкое, молодое, но уже ли-шенное жизни, чтобы спрятать его подальше, в глухом распадке.

А старый лесник давным-давно сварил суп, вскипятил чайник и ждет не дожидается своего начальника.

«Что-то случилось», — тревожно думает он, свертывая оче-редную сигарку.

Настала тихая теплая ночь. Огромные ночные бабочки — пав-линоглазки временами появляются в пространстве, отобранном у ночи светом костра, и вновь исчезают в темноте.

Воздух наполняется тысячами летающих светлячков, мигаю-щих приветливыми зеленоватыми искрами в небе, в кронах де-ревьев, в траве — повсюду.

V

Следователь по особо важным делам закрыл лежавшую на столе объемистую папку с бумагами и задумался.

Стальной корпус парохода «Кижуч» чуть заметно дрожал от работы мощного двигателя. Стекла задраенных иллюминаторов с шипением обмысливали пенистые всплески волн.

Следователь не молод. Не раз приходилось ему вести запутанные дела. И сейчас он надеется раскрыть преступление, хотя ясно видит все сложности предстоящей работы.

Прошел год. Многие факты забыты, да и преступник поста-рался замести следы.

Следователь думал о Льве Георгиевиче Капланове, о его короткой, но яркой и мужественной жизни с таким страшным, неожиданным концом.

Пароход дал низкий прерывистый гудок. Следователь под-нялся на палубу.

Впереди, за лентой прибоя, поднимался берег. Белели ма-ленькие домики поселка Судзук. Бухту окаймляли пологие гор-ные склоны, ярко окрашенные осенней листвой. На горизонте темной стрелой, воткнутой в облака, поднимался гребень гор-ного хребта.

К следователю подошел его молодой помощник.

— Вот и пришли! Какая живописная бухта! — сказал он вос-торженно. — Будут ли дальнейшие инструкции?

— Спустимся в каюту, — предложил следователь. — Надо со-брать вещи.

В каюте разговор продолжался.

— Я еще раз прочел дело, — сказал следователь. — Путево-дную нить нелегко найти. Подозревали какого-то Зуева. Но суд оправдал его за отсутствием улик. Это тоже осложняет след-ствие. В наших руках пока только одна улика — пуля, застрявшая в рюкзаке Капланова.

— Эта улика не стареет, — заметил помощник.

Затренили цепи. С тяжелым всплеском упали в воду якоря. Пароход дал задний ход. Затем машина остановилась. Следова-тель и помощник оставили вещи на пристани, в камере хране-ния, и пошли в поселок. Улицы казались пустынными. Кое-где играли дети. Дремали забившиеся в тень собаки. На перекрестке путники повстречали высокого старика с седой бородой и мох-натыми бровями. Он с любопытством посмотрел на незнакомых людей. «Приезжие», — подумал старик. В маленьком поселке все друг друга знают наперечет.

— Не знаете ли, дедушка, — обратился к старику следова-тель, — как пройти в райисполком?

— Два квартала пройдет, там и будет, — ответил старик. Помолчав немного, в свою очередь спросил:

— Вы по каким делам к нам приехали? Не по колхозной ли части? Либо к сродственникам?

— Ни то, ни другое, дедушка, — улыбнулся следователь. — Занимаемся изучением горалов.

— Так, значит, в заповедник? — обрадовался старик.

— В заповедник, и местных охотников о горалах порасспро-сить. У вас тут живет Зуев. Говорят, пока не было заповедника, дв много горалов добывал и их повадки лучше всех знает.

— Это верно, — согласился старик. — С ихней зуевской охо-ты, почитай, начисто у нас горал пропал. Спасибо товарищу Кап-ланову, светлая ему память. Много горалов и другого ценного зверя сохранил. Теперь зверь из заповедника расходится и про-мысел улучшился. Счастливого вам пути в хорошем деле!

— Одну минуточку, дедушка, не знаю, как вас зовут. Вы, наверное, сами промышляете зверя?

— А зовут меня дедушка Петр — пасечник. Но зверя я сей-час не промышляю — устал. Раньше соболя, сохотого добывал

немало. Белковал каждый год. А горала не стреливал — не приходилось.

— А не знаете ли, дедушка, кто у вас в Судзхэ по зверю ружье продает, говорят, с очень неплохим боем?

— Не слыхал что-то, право, не слыхал, — покачал головой старик. — А под какой патрон винтовка?

— Под девятимиллиметровый, кажется, — сказал следователь. — Примерно вот под такую пулю.

Следователь вынул бумажник, достал из него аккуратно завернутую пулю и протянул ее деду.

— Еще не стреляная, я ее только что из патрона вынул.

— На ведущем пояске нет следов от нарезов, значит пуля новая, — сказал старик.

Он внимательно осмотрел ее, подумал немного и добавил:

— Под такой патрон винтовка у нас только у Зуева. Он знает и продает.

— Спасибо, дедушка Петр, — сказал следователь. — Мы с вами еще увидимся.

Следователь и помощник вошли на крыльцо зуевского дома. Дом крепкий. Построен прочно, хозяйственно. Сад огорожен сплошным дощатым забором. Ярко блестит на солнце голубовато-серая крыша из гофрированного оцинкованного железа. Такая крыша без окраски и ремонта простоит десятки лет.

Следователь постучал в дверь. Во дворе залаяли собаки. В сенях послышались шаги, тяжелая дубовая дверь раскрылась. На крыльцо, позывывая, вышел заспанный высокий кряжистый мужичина в белой без пояса рубашке. Маленькими, хитро прищуренными глазками он настороженно смотрел на неожиданных посетителей.

— Вы будете Зуев? — спросил его следователь.

— Да, а что? Какое у вас до меня дело?

— Я следователь по особо важным делам. Приказываю никому из дома не выходить. Начинайте обыск, — обратился он к помощнику.

— А с вами, Зуев, мы пройдем в дом.

Следователь сидит за столом и разбирает бумаги. Против него развалился на стуле Зуев. «На крыльце он явно испугался, сейчас спокоен», — думает следователь.

— Пишите! Пишите! — говорит Зуев с усмешкой. — Только понапрасну стараетесь. Я ни в чем не виновный. Меня и суд оправдал. Мы с братаном рады бы помочь власти, да возможности нет. Тайга большая. Лето у нас мокрое. За год следы замыло. Жалко хозяйка моя во Владивосток уехала. Вы с дороги, может, закусить, выпить хотите? Я могу собрать.

— Перестаньте болтать, Зуев, — холодно сказал следователь. — Потрудитесь отвечать на мои вопросы.

Помощник перед тем, как начать обыск, внимательно осматрел комнату.

В красном углу темнотицы святые угодники поблескивали серебром риз. Помощник подошел к божнице. Отодвинул образ, взял с полки вчетверо сложенный листок бумаги. Прочел и передал следователю.

— Ваше письмо, Зуев? — спросил следователь.

— Я братану из предварилки домой писал, когда нас подозревали. Вот и вас из Москвы побеспокоили, — невнятно бормочет Зуев. Лицо его становится желто-серым. Он смотрит в сторону, стараясь не встречаться взглядом со следователем.

«Ваня, патроны девятимиллиметровые с твердой головкой скорее скорее, покрепче», — читает письмо следователь.

— Зачем вам, Зуев, понадобилось прятать патроны?

Зуев не отвечает.

Помощник приносит из соседней комнаты охотничью винтовку. Следователь вынимает бумажник и достает из нее пулю.

— Не узнаете, Зуев, пулю? Девятимиллиметровая, с твердой головкой. Застряла в мешке Льва Георгиевича Капланова. Думаю, нетрудно будет доказать, что пуля из вашей винтовки.

Зуев молчит, на лбу его появляются капли пота, руки дрожат мелкой дрожью.

Лениво покачивается на широких волнах пароход «Кижуч». Следователь и помощник стоят на палубе, следя за быстрой и слаженной разгрузкой и погрузкой парохода.

На горизонте в тонкой сизовой дымке поднимаются хребты Сихотэ-Алиня, прорезанные темными линиями падей и распадов.

— Вот и закончили дело, — говорит помощник. — Уезжаем. Наверное, никогда больше не придется побывать в Судзхэ. Но разве можно забыть, что здесь так нелепо оборвалась жизнь отважного молодого ученого?

— Вы правы, — отвечает следователь. — Есть многое, чего забыть нельзя. За каждый шаг вперед мы слишком часто платим жизнью героев.

Василий БОЧАРНИКОВ

Рисунки А. ОРЛОВА

В зас

Взрывы на снегу

Доживу...

Дятлова нуня

Ласна

Неженном лесу

В лесу, хочешь того или нет, появляется настороженность: вдруг провалишься в медвежью берлогу, — хотя где они, берлоги эти! — или из-за ельника, занесенного снегом, ринется на тебя тощий, зубастый волчище, да что волчище — лось и тот может выкинуть номер. Он ведь теряет сейчас свои драгоценные рога, без меры нервничает, стыдится, не зная, как подруга примет комолого, и потому рассчитывай и на эту неприятную встречу — ох, хлесткие копыта у лося. И у тебя глаз зорче, слух острее и мышцы чувствуешь и в ногах, и в руках. А в крови охотник-славянин заговорил: иди туда, где опасней.

Ели, сосны, реже березки попадают на пути. У березки сейчас кора еще нежнее, чем летом, а сережек сколько! То-то кормежка глухарям.

Я вышел на полянку и остановился пораженный —

Снег, подсиненный, хрусткий. И даже лыжи просят: «Тишше... тишше... тишше-е...»

И в самом деле: входяшь в лес и стараешься идти как можно тише, не задеть палкой за еловые ветки. А не устерегся — сразу снежный обвал.

С детства знакомый лес, уютный, добрый, сейчас не похож на себя: строг. И ели, и сосны седые, иные так приоделись в снежный наряд, что ветки провисли, устали от напряжения. И как мало нужно, чтобы дерево вновь обрело свободу, толкни ствол — и придет освобождение. Какая сразу веселая кутерьма начнется! Тебе казалось, что ни одной живой души тут не было, но вот от маковки елки по веткам ринулись снеговые потоки, шуршащие, настоенные на хвое, мелкая снежная пыльца растаяла на щеках и вдруг видишь, как с потревоженной елки на соседнюю елку кто-то кинул рыжую рукавичку. Так это ж белка! Потерла лапками мордочку, фыркнула и тем самым сделала тебе выговор: «Леший просил тебя тут хо-

инные елочки только маковку выкинули из снега и ею щупают день, иным по грудь девичью сугробы перегородили дорогу к свету... И вдруг — взрыв! Один, второй, третий! Взорвался, взметнулся снег, ослепил и только слышу: ффурррр... ффуррррр... ффуррррр... Будто осколки над самой шапкой. Однако, может, из двенадцати одного все-таки утлядел: выше ельника красивым махом шел рябчик.

Поглядел на взорванный снег, подобрал рябенькое перышко: так вот какая крыша была над вами сегодняшней ночью, рябчики.

Долго-долго оседал, искрился снег, а я все не верил, щупал снег, где таились прекрасные русские птицы, и все мне казалось, что найду теплый снег.

зайничать». А сама белка выпугнула клеста — сердитый полетел в глубь леса.

Тишина.

Морозная, мечтательная тишина, какой нет ни в поле, ни в море, ни в небе. И нужно привыкнуть к этой тишине, чтобы различить все шорохи, все шепоты леса. Каждая ветка, обожженная морозами, припорошенная снегом, шепчет с надеждой: «До-жи-ву-у... До весны дожи-ву-у...»

Криннула дремавшая в Ковальцовском урочище сова, где-то в осиновой крепке кашлянул старый лось...

И я подумал: люди создают сказки о лесе зимой, когда хочется, чтобы был он зеленым, звонким, обжитым, чтобы дарил несметные подарки и звал к себе.

• Незнакомо и тревожно в зимнем лесу, но вот только подумал, что он мой! — и сразу стало уютней.

А лыжи предупреждают: «Тишше... тишше... тишше».

Брел, брел и набрел на дятлову кузницу. Что он тут выковывал? Сейчас разглядим: весь снег под великаншей сосной усеян бронзовыми блесенками. Вот на такие бы блесенки и окуные, и щуки, и лещи кидались бы. А только это не блесны, а чешуйки от шишек. Тут и сами шишки — помятые, с ошипанными бочками, иные наполовину снегом занесены.

Где же кузнец? Может, на прогулке после обеда, может, на важном дятловом совещании; подручные видны, а главного нет. За подручных у него синицы — то ли разыскивают что на ветках, то ли порядок наводят. А скорее всего ждут, что вот начнется привычная работа и кое-что им перепадет.

Я уже собирался ехать дальше, как кузница заработала. Дятел вернулся с шишкой, повозился, приспособил-

ваясь, уладил ее на наковальне, а по-простому на развилке сосны, и ну ковать-долбить.

Он был упорен и добр, этот дятел-кузнец, потому что, когда зеринка выпадала, не кидался за нею, великодушно уступая синицам-прыгуницам.

Каких-нибудь три минуты потребовалось мастеру, чтобы заменить обработанную шишку новой.

От дятловой кузницы, наверно, веселее было птицам, зимовавшим в лесу, — раз он работает, и мы не должны сидеть без дела, деревьям — кто-кто, а они умели слушать рабочие звуки, деревьям — этих бодрила его неутомимость... Но что это? Кузница моего дятла молчала, а где-то рядом заработала другая дятлова кузница. Услышав ее, мой дятел заметное прибавил старания.

Так и шел я просекой под перестук двух кузниц, хорошо зная, что счастье зимнего леса досталось мне.

Даже если специально учить, не всякий из нас научится читать звериные следы. Терпение нужно и большое, сообразительность.

Я выходил уже к лесному озерку, когда заметил на снегу следок, но чей он был — мыши, белки или еще чей, не знал. Огляделся и неожиданно для себя увидел ласку и увидел только потому, что она, вся белая, в зубах держала мышонка и дергала головкой. Длинная, тонкая, шустрая, она выжидала, куда я пойду: на нее, так сразу удерет в сторону, переждет опасность. Самое главное — уберечь добычу в зубах... А я не шел, я стоял и глядел на нее. И это сразу взволновало зверька. Ласка развернулась, я видел, как по снегу прочертил хвостик мышонка, и, разрывая грудкой снег, помчалась к озеру. Да, к озеру.

Сильный толчок палками, и я полетел по откосу за нею. А зачем? Есть еще много необъяснимых вещей...

Сомневаюсь теперь, что я рассчитывал догнать молниеносную ласку, но вот что дивно — она на глазах провалилась. Выла и пропала. Провалилась сквозь снег, но куда? Озерко было надежно прижато льдом и только в одном месте, как раз там, где пропала ласка, лед при замерзании озерка покорежилось и приподнялось — чем не горница для ласки?

Все хотят жить. И я корил себя за то, что в лесу не послушался своих умных лыж: «тишше... тишше».

Мало увидеть, нужно еще удивиться, полюбить. Любить и эту умницу ласку, ведь это о ней, кажется, сложилось поверье, дошедшее к нам из глубины веков, что будто бы она умело заплетала гривы коням. А значит, и тем коням, что стремительно несли русских дружинников на Мамай, на псов-рыцарей, на других врагов...

А какое красивое имя дали ей — ласка!

СОБОЛЯТНИК

Андрей ЯК

Рисунки А. ОРЛОВА

Четкий след соболя размашисто пересекал прогалину и скрывался под буреломом. «Искал харч,— догадался старик,— не должно бы, чтоб тут залег, место неподходящее... Ладно... загоню, невпервой». Надо было обходить, но охотник медлил. Он утомился, однако, не желая признаться в этом даже себе, занялся делом. Старик не спеша ободрал сосульки с усов, бороды, вынул из кармана кургузого полушубка ветошку, протер слезившиеся глаза, тихонько высморкался и, вздохнув, осмотрелся.

Впереди начиналась сопка. На пологом склоне ее среди редкого подлеска то тут, то там высились одинокие, но могучие и разлапистые кедрры. На самом же хребте щетинились темные ели. Над ними нависло смутное вечернее небо.

Позади по мягкому снегу тянулась широкая, рыхлая лыжня. Она спускалась в падь и терлась там, в густом осиннике. За падью, куда ни взглянешь, волнистые перевалы.

Охотник неожиданно усмехнулся, проговорил вслух: «А чего, вздумай-ка вернуться и к полуночи не доберешься до табора! Женька-то, поди, станет ждать. Наверяд ли... Думают белку бую — скоро буду». Он хитро прищурился, выдернул из сугроба легкую палку-лопатку и шаркнул лыжами.

Прошлой ночью спалося старику плохо: ныли суставы и доминимали думы. Он слез с нар, накиннул на плечи полушубок, присел на корточки перед жестяным камельком и подложил на тлеющие угли смолистые поленья. Они сразу разгорелись. В трубе загудело пламя. Жесть накалилась. Простуженная низкая избушка быстро наполнилась теплом.

Старик, потирая ноги, горевал: «Эх-ма... маята с вами. К утру-то хоть отпустите, за соболем ведь надумал пойти...»

На нарах стало душно. Охотники заворочались. Бригадир Евгений Терешкин, внук старого соболятника, что-то пробормотал во сне и вытянул из-под тонкого одеяла длинные ноги. Дед с завистью покосился на них, проворчал: «Лапы-то медвежьи отросли... Спит себе босиком и хворь не берет, а мне и собачьи чулки не помогают».

Подумать только, словно вчера вывел он несмысленныша на охоту, а тот уже закончил пушную школу, и сам привел сверстников в тайгу. Летит время! Да, пока учился Евгений в городе, дед стал немощным. Не смог больше промышлять стоящего зверя и переключился на хорька. Благо, что тот водился у деревни по овражкам и жадно лез на приманку из свежей рыбешки, которую старик выуживал из ямок незамерзающих речушек. Но в душе старик оставался прежним промысловиком, жизнь которого немислима без настоящей охоты. И ему казалось, что стоит только попасть в тайгу, как вернуться силы. Но в напарники его по старости не брали, а один забираться далеко и надолго он не решался. Когда же Евгений сколотил охотничью бригаду, старик умолил взять и его. Внук согласился, но с условием, что дед будет лишь белку бить подле табора, да пищу готовить.

— Кашевара нашел,— пробурчал старик и отвернулся.

Вечером он повздорил с молодежью, разволновался и не мог успокоиться. А дело было так. Перед носом ребята разговорились об охотничьей жизни. Они в один голос сетовали на то, что весь зимний сезон приходится обитать в тесной прокопченной избушке, спать, не раздеваясь, вповалку. На заводах и в лес-промхозах — техника, везде трудоблегчение, а у охотников все те же, что и при царе Горохе: кулемки, петли, насторожки, капканы. И в клуб охотники не ходят, и кино не смотрят, и свежих газет не читают.

Старик объяснил настроение парней по-своему. «Просто-напросто,— про себя рассуждал он, прислушиваясь к спору,— дела у них не ладятся». И верно! Как бывает иногда на охоте, бригаде не везло. За месяц промысла не добыли ни одного соболя, да и мало сушилось по стенам беличьих шкурок. Но и неудачи свои молодежь оправдывала тем, что, мол, выделили им никудышное угодые, и мало еще выпало снега, и не уродился орех, и белка ушла.

Бригадир же вместо того, чтобы урезонить их, пристыдить за малодушие, поддержал, авторитетно заявив:

— Что правда, то правда! Пора охотникам отказываться от дедовских методов. Сколько можно зависеть от капризов природы? Люди в космос летают, а мы в тайге все еще след, как ищейки, вынюхиваем...

Тут уж старик не выдержал — взорвался.

— Избаловала вас власть-то! И займку для вас срубил, и снабдила припасами. И радио у вас дундит. А на угодые нечего ссылаться! Лучшее вам выделили, что легче было в охоту тягиваться... Да, что болтать-то бестолку! Видимо ли дело: на са-

молете вас в тайгу забросили. Пушнину ждут от вас, а вы кулемки да петли хааете... Соболей-то ими в свое время едва не изничтожили, значит не в них причина. Соболя теперь вон сколько расплодили, хоть голыми руками бери, так вам бы хотелось из автоматов косить их, как литовкой траву... Отпущено вам по плану сколько — вот и добудьте попробуйте, проявите смекалку да умение. Трудно? Так на то она и охота... Испужались тайги, а ее полюбить надо, с душой в нее зайти, сделать что-то полезное в ней, а потом она добром отплатит, прокормит... А вы, что доброе придумали?

— Придумаем,— спокойно возразил Евгений,— например, почему бы зверосовхозы по всей тайге не создать? И создадим! И не только такие, где норку и лисицу выводят, а такие, в которых будем соболя разводить. И не будет тогда охотник в дебри за пушиной забираться, жить словно отшельник... Он ведь так же нуждается в культуре, как и все современные люди... Да, впрочем, деда, до вас это не дойдет.

Старик махнул рукой. — «Разве переспоришь нынешнюю молодежь? Пришли в тайгу, а о чем рассуждаю? Горе-охотники! Сдрейфили и все тут! А жалко. Мало молодых-то нынче в тайге остается. И эти, поди, разбегутся. Задеть бы их за живое. А как? Вот соболя бы принести на табор, да ткнуть под нос-то, смотри-те, мол, дед-то посильнее вас оказался. Что бы тогда запели, на что сослались? Да и Женька хорош! Неужто жилка в нем не моя, не охотничья? В город, поди, метит, избаловался там, нежился, навряд ли такой и соболя-то загонит, бугай-бугаем. Ну, погоди же!» Старик, крикнув от досады, поднялся, зажал пятерней полушубок на тощей груди, вышел по нужде да и забил о боли в ногах и о споре.

Падал снег. Тайга была наполнена мягким шелестом. То ли ветви шевелились, принимая на себя тяжесть снега, то ли шуршали снежинки, то ли деревья перешептывались о чем-то своем. Но все вокруг прислушивалось к этому нежному, успокаивающему шуму: и дремучие пихты, и стройный ясень, и раскидистый клен, и мелкий кустарник, и подлесок, и приземистое зимовье, и шевелившееся небо, и сам старик. И вся тайга освещалась колеблющимся синеватым свечением. Оно излучалось с сопки, из глубины распадков, сверху, со всех сторон. А снег все валил и валил, прятал вчерашние следы, валежник, пеньки, завалы, хворост. И казалось, что кто-то, влюбленный в тайгу, бросал и бросал к ногам ее белые листы бумаги, чтобы завтра оставили на ней свою роспись и пугливый заяц, и прогонистая лисица, и юркий мышонок, и тихий рябчик, и гордый сохатый, а придется, и сам хозяин тайги — тигр.

«Ох и охота будет, ох будет!» — радовался старик. Он поднялся чуть свет — не хотел, чтобы видели, как собирается: верил, что посторонний глаз при сборах то же, что баба с пустыми ведрами навстречу. Котомку он приготовил заранее. Нужно было одеться. Не терпелось уйти пока все спят, но он не спешил: тщательно разглаживал в ичигах стельки из шелковистой травы, аккуратно пеленал ноги портянками, внимательно расправлял складки на них. Облечившись, старик повесил через плечо кожаную сумочку с патронами, перекинул котомку и потоптался. Ногам было уютно. За спиной не брякало. И он, довольный собой, шагнул к стене за централкой, да ступил на ветку. Она громко хрустнула. Старик, остолбенев, в сердцах прошептал:

— Будь ты неладна, разбужу ведь всех.

Евгений приподнял кудлатую голову, уставился на деда удивленными глазами, спросил сонно:

— Куда ты?

— А тебе, что за дело? — бросил вместо ответа старик и, схватив ружье, срыву отворил дверь.

Снег перестал. Небо побледнело. Тайга, будто накрытая толстым слоем ваты, таинственно молчала. Охотник, становясь на лыжи, сокрушался: «Надо же ему было раскудахтаться под руку, геперь навряд ли подфартит».

Но ему повезло. Вскоре он перехватил соболиный след. Совсем свежий. Зверек прошел только что, казалось, он где-то близко.

За буреломом соболя поохотился. Тут он прыгнул в пухлый снег, взрыхлил его, повозился с кем-то, а подле корявой валежины позавтракал, оставив после себя помятые перышки, да несколько разбрызганных алых бусинок.

Кровь ударила охотнику в голову. Он схватил бусинку. Она смялась, слепила пальцы. «Вот недавно пировал,— выдохнул старик.— Теперь недалеко ушел. Даже не верится. Соболя ведь, а может и впрямь удастся...» Он настоженно вытянул шею. Закусил от волнения холодный ус.

След уже не был размашистым. Соболь двигался короткими прыжками. Он, видно, отяжелел от еды и, волоча лапки, оставлял узкие бороздки. «К гнезду подался,— мелькнула у охотника мысль.— Сытого-то ко сну манит, да и пора бы, день-то не за горами». Он заспешил. Но, берега силы, не взял напрямик к перевалу, как это сделал соболь, а полегоньку начал забирать все выше и выше, наискосок следу.

Льки приближались медленно. Строй их редел. Уже видны были наметы снега возле стволов. Но подъем становился круче. И хотя самодельные лыжи, подбитые камусом, не сдавали назад, хотя их не отягощал снег, уже подсушенный морозцем, все же старику было трудно. Он задыхался. И когда, наконец, горизонт вдруг открылся ему, он всем телом оперся на палку, обхватил ее обеими руками, и, чувствуя под коленками мелкую дрожь, все не мог отдышаться.

«А чему удивляться-то,— успокаивал себя старик,— поди восьмой десяток на исходе. А все-таки, ядрена вошь, соболя гоню! Скажи кому— не поверит. Да и смеяться будет, что это, мол, перед смертью деда заставляет охотиться, сидел бы на печи. Ишь, разве поймет такой в чем прелесть охоты? Нелегко, конечно, так зато отрадно! Вся тайга перед тобой... Ровно летишь над ней в поднебесье... А со зверем столкнешься— дух захватит и под ложечкой сладко-сладко засосет. А отчего? Не поймешь. Хорошо и все тут... Объясни попробуй... Да потому, поди, что весь наш народ из тайги-матушки вышел. Она его вскормила и вспоила. И вольно ему дышится в ней, все здесь мило для человека, будто в доме отцовском, где люлька твоя качалась, где первую трепку получил. В этом, ежели разобраться, и весь сказ!»

Снизу донесся беспокойный крик кедровки. Охотник распрямылся. У ног лежал глубокий распадок. Дно его прятали заиндевелые кудрявые верхушки хвойников, сквозь которые кое-где проглядывал извилистый и чистый, словно проселочная дорога, ключ. След вел к нему.

«Ох, дай-то, бог»,— промолвил старик, осторожно двинул лыжами и отпихнулся. Лыжи скользнули и понесли его. Заломило в ушах. Замельтешили кусты. Старик ойкнул, взмахнул руками, едва не упал, но, изловчившись, сунул палку промеж ног, пригнулся, притормозил и выехал на ключ, в полумрак.

Место было глухое. Ветви низко прижались к земле. Нечаянный звук брал за душу, тревожил. Старик шел по ключу, ровно гладил снег. Продолговатые ямочки следа дразнили, волновали. Соболь то по ключу бегал, то под бережок заглянул, то на колодине отметину поставил, то ни с того ни с сего запетлял и вдруг исчез в зарослях.

«Балуй, балуй,— разговаривал с ним старик,— да смотри в сопку не сгании, а то я уж туда не заберусь... Был бы помоложе— дело другое. А так ведь придется мне ни с чем на таборе появиться. Неловко пустым-то! Хоть бы косой на пути попался, тогда все бы добыча. Но, на ночь глядя, кто встретится? Обидно будет, столько искуралесил за день— и все напрасно. Может, это для меня последняя охота, так ты бы уж залег, чего тебе стоит...»

Мрак сгущался. Сопки все больше стискивали распадок. Внезапно, как из трубы, потянуло промозглым ветерком. Сразу похолодало. Где-то гулко свалился пласт снега. Протяжный вздох тайги пронесся над головой. Охотник ускорил шаг. Ключ вильнул вправо, уперся в лобастый мысок и, словно чего-то испугавшись, круто повернул. Вдогонку ему с небольшого обрыва наклонилась толстая раздвоенная пихта. С ее веток, вытянутых далеко в стороны, длинными космами свешивался мох. Красно-ватый комель окружала нежная поросль. След метнулся в нее и пропал.

«На пихте, поди»,— подумал охотник. Лицо его дрогнуло, напряглось. Глаза хищно прищурились. Он закусил губу и взял курки. Они слабо чокнули. Старик вздрогнул и застыл на месте. Он с минуту, не шевелясь, выжидал. Но все было спокойно. Ни одна ветка на пихте не колыхнулась. Тогда охотник начал, крадучись, приближаться к дереву. Задрал голову и, держа ружье на изготове, стал изучать разветвленную крону, смотрел, пока глаза не утомились. На пихте соболя не было. «Но тут же он, тут! Нутром чувствую,— уверял себя старик.— Только не спугнуть». Он раздвинул поросль, и его прошиб пот.

Возле комля в снегу была пробита лунка. По ней словно повели грязноватой кистью. Старик едва не закричал: «Ага, вот ты где!» И, ликуя, незаметно сбил шапочку на затылок.

Соболь набегал кругом много. Он, видимо, был в этой глуши хозяином. Здесь было его угодье. К море зверек возвращался несколько раз и вытоптал глубокую тропку. Охотник подозрительно покосился на нее. Она была проторена вдоль мыска, туда, где чернел перепутанными корнями выворот упавшей когда-то ели. Старик засомневался: «А не нырнул ли соболь под выворот, не пролез ли под лежавшим в снегу стволом, который обступил непролазный молодняк, и не скрылся ли в нем?» Но уверенность в себе, в своем опыте победила.

Если говорить по совести, в глубине души старик не охотился

надеялся на то, что у него хватит сил выследить зверька, который может пройти по тайге несколько десятков километров. А оказывается, вот она — нора. Как тут остаться спокойным! Как не поверить в благополучный исход, не загордиться: «Меня не проведешь», — довольно подумал старик. Он нагнулся к тропке. Снег по краям ее осыпался. Отпечатки лапок, коготков перепутались. Поволоки слились в одну сплошную полосу. Попробуй узнай, в какую сторону пробежал соболь последний раз. «Хитер, братец, — прошептал старик. — Пытаешься отвести меня от гнезда. Вздумаешь я валежину обходить, а ты выскочишь, и поминай как звали. Нет, не на таковского напал. Вижу выволоки-то большие к норе лежат... И нечего раздумывать, да гадать, да время терять. Вот обметом загрожу и все... Можно было бы выкурить тебя, да рискованно, вдруг задохнешься в земле-то. А как я до тебя тогда доберусь, собаки у меня нет? Да я уж лучше подожду, потерплю ночь-то, зато во всей красе возьму, первым сортом, так сказать, молодых мне удивить надо, а в наше время это не просто».

Рассуждая так, старик приставил централку к пихте, скинул рукавицы, освободил ноги от лыж, сбросил котомку и начал навешивать вокруг лунки по кустам мелкую селедочную дель, на которой кое-где были навязаны самодельные колокольчики. Работал он скоро, будто и не было позади долгой лыжни. Старик словно помолодел. Наверное, он был прав, говоря, что тайга вливает в него бодрость.

Вскоре обмет был поставлен. Старик усердно утоптал низ его, заботливо поправил колокольчики, отошел, чтобы оценить работу, да сразу же спохватился. Он зачерпнул пригоршней снег и давай натирать им шершавый ствол пихты, приговаривая: «Едва не забыл... Вся работа пошла бы насмарку. Вскопчил бы он, да к сучкам по стволу-то, а там перепрыгнул бы на другое дерево. А я вот не дам ему: ствол-то ледком возьмется, коготки соскользнут, он в обмете запутается».

Пальцы онемели. Старик подул на них, потер. Они не отходили. Тогда старик поспешно сунул их за полушубок под мышки. «Над распадком появились звезды. Морозно стало. Охотника переделернуло от озноба. Пальцы заныли. Старик поморщился, но вытащил руки из тепла, надел холодные рукавицы, схватил топорик и бросился рубить сухойстой для костра. И в самое время: уже за ключом березнячок слился с ольхами, уже сплошной стеной встали кедр. Темная пелена окутывала тайгу, лишь сверху на светлом небе различались одинокие маковки вершин. Уже в темноте охотник сложил костер, чиркнул спичкой, поднес ее к бересте. Та задымилась жирным дымом, свернулась, как живая, трубочкой, съежилась, взялась пупырышками, затрещала недовольно и внезапно изнутри ее пробилась огонь. Он лизнул сучья раз-другой, и они запылали. И сразу тайга подступила вплотную к старику, ветви, заискрившись зеленью хвои, потянулись к нему, зашептали что-то. Старик насторожился — ничего. Он раскрыл над огнем ладони. Пальцы отогрелись, но по спине мурашки поползли, и ноги замозжило. «Этого еще не хватало», — забеспокоился старик. Он поспешно наломал хвои, бросил ее у костра, положил на нее лыжи камусом сверху и сел, вытянув ноги к теплу.

Пламя съедало сучок за сучком. Иногда оно натыкалось на сосульки льда, притухло, и тогда лицо старика выглядело мертвенно-бледным, а сам он в согбенной позе походил на трухлявый пенек, который вот-вот завалится. Но, когда пламя находило сухой мох или смолу и ярко вспыхивало, то сухонькая фигура охотника с тонким носом горбинкой и острой бородачкой напоминала мумию, которой ничто не течет течением времени.

Старик встряхнулся, сбрасывая дремоту, поискал Большую Медведицу. Она маячила над головой. Ковш ее запрокинулся, ручка коснулась вершин. Охотник подумал: «Часов десять, не больше? Пора бы ему и честь знать... А зачем вылезать, в норе-то тепленько». Охотнику почему-то захотелось услышать молодые голоса ребят, их задорный смех, азартный спор о жизни, прильнуть ухом к приемнику, узнать, как и чем живет мир. Он покачал головой: «Вот тебе на! Раньше бывало месяцами один в тайге пропадал и хоть бы что, а нынче в одну ночь тошно стало...»

В распадок заглянул хособокий месяц. И засверкал иней на узорчатом кустарнике, заиграл мелкими алмазами снег, выползли на ключ причудливые тени. Кажется, кашляны — и спугнешь все.

Старик пошарил в котомке, достал котелок, набил его снегом, приспособил над костром. «Чаек на морозе — первое дело, — философствовал он, — огонь снаружи согревает, а кипятки — снутри... А Женька-то, наверное, со своей непутевой бригадой вернулся с охоты, наглотался пельменей, да и дрыхнет. Какое ему дело до меня... Оно и верно, пожалуй. В тайге сам на себя надейся, выручки не жди... Да, но... Это, смотря с какой стороны смотреть». В котелке забулькала вода. Туман пошел. Старик засуетился, бросил в воду щепотку чая. Подождал немножко, потом, не вытерпев, налил в кружку. Пил он неторопливо, смакуя каждый глоток. Выпил почти полкотелка, задремал.

Студено. Месяц вмерз в небо, не сдвинется. Тускло. Далек

звездочки озноб бьет. Вот одна светленькая не выдержала холода, пожелала согреться и бросилась вниз, вспыхнула ярко-ярко и, не долетев до земли, сгорела. Одинокое облачко прижалось к сопке: тоже нелегко ему в эту ночь. Да и все живое попряталось по берлогам, норкам, дуплам, лежкам... Спит тайга. Безмолвно.

А костер стелет дымок по ключу, трепещет живительным огнем. И жмет к нему старик, то одним боком повернется, то другим, в полушубок кутается, клонится, вот-вот упадет. Глаза сами собой закрываются. Но уронит старик голову на грудь и сразу дернется, заморгает бессмысленно: не поймет, что с ним, где он. Опомнится, вытаращит глаза на пихту. Но тихо там. Колокольчики молчат. Поправит старик полушубок, отхлебнет из кружки, пошевелит пальцами ног и опять дремлет. Долго тянется ночь. Нет ей конца. Муторно. Но вот разветрило. Пошевелилась тайга. Темнота начала меркнуть, отступать. Исчезли тени. Засветлело. Звезды незаметно угасли. Наступало утро. Старик очнулся. Простонал: «О... жив, видно». Он вспомнил о соболе и его словно подбросило, вскочил.

Обмет не был потревожен, и ни внутри его, ни снаружи не было свежих следов. «Не в норе же он до сих пор, — растерялся старик. — Выходит, обмишурился я!» Предчувствие непоправимой ошибки навалилось на него. Блуждающий взгляд задержался на вчерашней тропке. В свете наступающего дня выволоки снега на следях выглядели одинаковыми как с одной стороны, так и с другой. «Вот те раз! — сокрушался старик. — Куда я вчерашню зенки плыл! Ослеп от радости-то... Ну, что за наваждение! И чего стоило обойти елку-то? А, может, он под ней еще прячется!» И охотник поспешил к лыжам.

Боясь обнаружить след, уходящий дальше в тайгу, старик с усиленным продирался сквозь молодой ельник вдоль поваленного ствола. С елок на него срывался снег, сыпался за воротник, таял. Иголки хвои кололи лицо. Лыжи лезли под искверканные, изломанные сучья, предательски накрытые сугробами. Но охотник ничего не замечал. Он повторял, словно молитву: «Хоть бы он тут оказался, хоть бы тут!» И, будто отвечая его желанию, выходного следа не было. Под елочками только мыши расписались бисером.

Показалась вершина поваленной ели. Старик обогнул ее. И здесь, вроде, было чисто. У охотника отлегло от сердца. Он рассердился на себя: «Черт меня дернул спросонья-то нору оставить, он, поди, и ждал этого...» Две ели переплелись ветвями, образуя арку. Старик, нагнувшись, шагнул под нее и наткнулся на след. Тот цепочкой вытягивался из-под ствола и уходил в сопку. У старика обмякли ноги. Он упал на колени. Не доверяя глазам, трясущимися пальцами пощупал след. Он был твердым. «Ушел», — едва выговорил старик. Свинцовая тяжесть легла на плечи. И не было сил сбросить ее, подняться. «Эх, Аника-воин, — терзал он себя. — Вот и доказал... Но не для себя ведь старался, не для себя... Да молодежь поймет разве, все по-своему растолкует: деньги, мол, понадобились на старости лет. А на кой леший они мне! Ушел, а? Выходит, шобаш теперь моей охоте?»

Разгулялся по распадку ветер. Стонал на мыске кедров. Тягостно, надрывно скрипела пихта. Раскачивались укоризненно космы мха. Метелил сдуваемый с деревьев снег. Старик едва поднимался.

Возвращался к костру чуть живой, еле волочил палку. У обмета задержался, начал было снимать его, но дель зацепилась, не поддавалась, колокольчики похоронно прозякали, и он опустил руку, подумал отрешенно: «Зачем он мне теперь, лишний груз только».

Костер угасал. Пепельные головешки рассыпались прахом. Ветер подхватывал дым, рвал безжалостно, старался порой раздуть угольки, но они лишь слабо мерцали и тут же покрывались серой пленкой.

Внезапно к шуму тайги примешался какой-то новый звук. Он становился все громче и громче и вскоре можно было понять, что это хлопали лыжи. Старик удивленно вскинул голову. И глаза его повлажнели. По его лыжне широко, скользящим шагом спортсмена шел Евгений. Солдатская телогрейка на груди анука была распахнута. Русая прядь волос, выбившаяся из-под шапки, прилипла ко лбу. От парня валил пар. «Верно, всю ночь за мной бежал, — подумал старик. — А к чему?»

Евгений, молча, обошел ель, свернул обмет, сказал: — Я, дед, пойду дальше по следу. Соболя от нас не уйдет, наш будет. Теперь я его быстро загоню, вы его порядком намучили.

— Что ж, дело хозяйское, гони. — Старик прищурился на внука: не смеется ли? Но тот был серьезен, он спросил: — А вы сами доберетесь до зимовий?

— Я еще в провожатых не нуждаюсь! — огрызнулся охотник и повел плечами. Евгений согласно кивнул головой, поправил за спиной переломку и накатисто двинулся по следу.

Старик, провожая внука глазами, думал: «Ишь, наш будет, а что! Верно, — наш! Лицо его прояснилось».

Н. Л. Соколов. Любите и охраняйте птиц. Изд-во «Просвещение». М., 1968. Тираж 100.000 экз. 80 стр. Цена 13 коп.

Герои этой книги — представители «птичьего царства»: синица, снегирь, чиж, щегол, чечетка, зяблик, овсянка, зеленушка, коноплянка, клест, свиристель, скворец, жаворонок, воробей соловей, горихвостка, трясогузка, сорокопут-жулан, стриж, дрозд, ласточка, грач, ворона, сорока, голубь. Книга рассказывает о пользе птиц, учит любить и охранять их. Она ставит своей задачей помочь любознательному натуралисту научиться наблюдать за птицами. В книге сообщается, как ухаживать за пернатыми друзьями в неволе, как беречь их. Вольную помощь книга окажет юным любителям на занятиях в школьном живом уголке, при подготовке к традиционному Дню птиц.

А. Г. Банников, Ю. П. Язан. Печоро-Илычский заповедник. Изд-во «Знание». М., 1968. 47 стр. Тираж 48 000 экз. Цена 9 коп.

Постановлением СНК РСФСР в 1930 году в междуречье Печоры и Илыча был учрежден заповедник. Численность охотничье-промысловых зверей и птиц уже в первые годы его существования увеличилась не только на территории самого заповедника, но и в прилегающих угодьях. Поголовье лося, например, возросло более чем в 10, северного оленя — в 4, выдры — в 5, куницы и соболя — более чем в 15 раз.

Доктор биологических наук, профессор А. Г. Банников и кандидат биологических наук Ю. П. Язан подробно рассказывают о Печоро-Илычском заповеднике (положение, рельеф, климат, растительность, животный мир), описывают туристские маршруты, проложенные по его территории.

Труды Кавказского государственного заповедника. Выпуск X. Дикие копытные животные северо-западного Кавказа. Изд-во «Лесная промышленность». М., 1968. 303 стр. Тираж 800 экз. Цена 1 руб. 52 коп.

В X выпуске сборника собраны результаты многолетних исследований диких копытных животных на территории Кавказского заповедника и прилегающих к нему районов северо-западного Кавказа.

В статье С. Г. Кулагина приводится интересный материал о восстановлении зубра на северо-западном Кавказе. Кавказский зубр был полностью истреблен в 1925—1927 гг. С 1940 г. в заповедник завозятся зубробизоны и проводится работа по созданию новой экологической формы горного зубра. К 1965 г. стадо зубров увеличилось до 449 голов. Звери содержались в вольных условиях и расселились на площади около 50 тыс. га.

Экологию кавказского оленя посвящена работа В. Н. Александрова, обобщающая материалы двенадцатилетних наблюдений. Кавказский олень благородного оленя относится к числу наиболее распространенных животных. Автор приводит сведения о питании, размножении и движении численности оленя.

Статья В. А. Котова освещает вопрос экологии и хозяйственного значения кубанского тура (ареал, питание, размножение, смертность и т. д.).

Заключает сборник статья В. В. Дурова и В. Н. Александрова «Размеры и вес кабанов в Кавказском заповеднике».

Сборник содержит много иллюстраций, таблиц, приложения и библиографию.

Книга высылается наложенным платежом. Заказ принимается по адресу: г. Майкоп, ул. Советская, 177. Дирекция Кавказского государственного заповедника.

Часто приходится слышать о нарушении у собаки обмена веществ. Что это за болезнь и каковы ее признаки?

Неправильный обмен веществ — это общее название очень сложного заболевания, связанного с нарушенным усвоением какого-нибудь микроэлемента, минерального вещества, белка, углеводов. У собак оно выражается обычно в извращенном вкусе, затяжной линьке, кожной сыпи, общем зуде. А в связи с общим ослаблением организма на этой почве у собаки могут наблюдаться повышенная утомляемость или нервозность, плохой аппетит, снижение рабочих качеств.

Моя выжловка чешет лапой шею и грудь, причем выпадает много шерсти и появляются голые плешины, капельки крови, болячки. Настроение же и аппетит у собаки хорошие. Объясните, пожалуйста, что это за болезнь и как ее лечить.

И. МИФТАХОВ
г. Казань

Если у собаки вшей нет, то зуд происходит от нарушения обмена веществ. Давайте собаке дважды в день по столовой ложке хлористого кальция, а также мелко рубленную зелень листьев салата, крапивы, петрушки: они содержат вещества, способствующие росту шерсти.

Г. ЗОТОВА,
ветеринар

журналу отвечают

● Опубликованная в журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№ 2 за 1968 г.) статья научного сотрудника Лимнологического института В. Пастухова «Промысел нерпы на Байкале» основывается на материалах работ, проводившихся автором до 1966 г. в связи с чем некоторые критические замечания, касающиеся организации промысла, в настоящее время лишены оснований.

В последнее время в связи с повысившимся спросом на меховые изделия из байкальской нерпы, ее промыслу стало уделяться большое внимание, и недостатки, присущие ее промыслу раньше, в значительной степени ликвидированы.

С целью заготовки высококачественного мехового сырья и охраны запасов нерпы с 1967 г. промысел взрослой нерпы запрещен и производится отстрел только молодого перелинявшего зверя — «куматкана».

Улучшилось снабжение охотников промысловым вооружением и инвентарем.

Установлены более высокие заготовительные и оптовые цены на меховые шкуры и сало, что повысило заинтересованность охотников и промышленности в заготовках мехового сырья.

В связи с тем, что качество меха нерпы зависит в первую очередь от своевременности первичной обработки шкур, в 1968 г. стрижка сала проводилась непосредственно на месте промысла, сразу же после забоя зверя, а для быстрой вывозки шкур была организована передвижная приемная база (автомашина, обезжизняющая охотников).

Все эти меры позволили добиться в 1967 и 1968 гг. получения высококачественного мехового сырья, отвечающего условиям поставки шкур на экспорт. Вместе с тем необходимо сказать, что установленное Министерству рыбного хозяйства РСФСР задание на поставку меховых шкур байкальской нерпы не было выполнено как в 1967, так и в 1968 гг. Заданием предусматривалась поставка 2000 шкур, было же заготовлено 700 в 1967 г. и 760 в 1968 г. Объясняется это отчасти усложнением промысла из-за введения выборочного отстрела только молодого зверя, но в основном — чрезвычайно коротким периодом промысла вследствие раннего распаления льда на Байкале. По этой причине промысел продолжался только 10—12 дней.

Учитывая это, Министерство считает, что установленное по рекомендации Лимнологического института запрещение отстрела нерпы после распаления льда на плавающих льдинах серьезно сдерживает ведение промысла и выполнение заданий по добыче нерпы. Мнение В. Пастухова, считающего, что промысел нерпы на плавающих льдах дает большое количество подранков и, следовательно, приводит к бесцельной их гибели, неосновательно, так как оснащение охотников оружием с высокой точностью боя полностью гарантирует возможность избежать подранков.

В статье совершенно правильно указывается на необходимость пресечения браконьерского промысла нерпы, на что обращено внимание Главрыбвода и Бурятского рыбопромышленного треста.

Спорным является заключение автора о возможном лимите на отстрел нерпы. Имеются сведения, что в последние годы наблюдается появление в осенний период многочисленных стад нерпы в южной части Байкала, Чивыркуйском заливе и других районах, чего раньше не наблюдалось, имеются случаи попадания нерпы в рыболовные снасти. Все это служит признаком увеличения численности нерпы и недоиспользования ее запасов.

Е. ШАПКИН,
заместитель министра
рыбного хозяйства РСФСР

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО ГДР

И. МАКСИМОВ,
заместитель начальника Главного управления
по охране природы, заповедникам
и охотничьему хозяйству МСХ СССР

Летом прошлого года мы познакомились с расположенными в различных районах Германской Демократической Республики охотничьими хозяйствами, заповедниками и научно-исследовательскими учреждениями по охоте и охране природы. Протяженность нашего маршрута превысила 5 тыс. км автомобильной дороги.

Структура управления хозяйством и его научная база

Руководит охотой, заповедниками и охраной природы Государственный комитет лесного хозяйства Министерства сельского хозяйства республики. Штат его отдела охоты и охраны природы насчитывает 6 человек, в том числе одного специалиста по охране природы, одного — по охоте и научно-исследовательской работе в области охотоведения, финансиста, кинолога (одновременно заведующего материально-техническим снабжением) и секретаря. Охрана атмосферы возложена в ГДР на Госплан, вод — на Комитет водного хозяйства, рыбных запасов — на рыбное хозяйство.

Во всех пятнадцати областях республики при облисполкомах имеются состоящие из трех специалистов и секретаря группы по лесному хозяйству, охоте, заповедникам и охране природы. В районах (при райисполкомах) также имеется работник, ведающий, наряду с сельским хозяйством, вопросами лесного хозяйства, охоты, заповедников и охраны природы. При всех названных подразделениях созданы общественные советы с комиссиями: юридической, состязаний и конкурсов, финансовой, плановой, охотничьих мероприятий и кинологической.

Научно-исследовательскую работу в области охоты ведет Академия сельскохозяйственных наук, имеющая в г. Эберсвальде специальный институт, занимающийся всеми вопросами лесного и охотничьего хозяйства. Институт насчитывает 8 филиалов, в одном из которых функционирует небольшая (три научных сотрудника) лаборатория по разведению дичи. Все исследования институт проводит в пяти районах, охватывающих наиболее типичные ландшафтные зоны государства. В трех из них (с богатой и бедной растительностью, горные районы) основное направление исследований — олень, в двух других — лань. Одновременно на всех пяти исследовательских участках ведутся работы по косуле и кабану. Сейчас главная тема — разработка научно обоснованных биотехнических нормативов, снижающих наносимый дичью ущерб лесному и сельскому хозяйству.

В г. Потсдаме при Зоологическом институте небольшая группа ученых на добровольных началах занята проблемой водоплавающей дичи. Исследовательская работа по охране природы сосредоточена в особом институте в г. Галле, связанном с другими научно-исследовательскими учреждениями. В его пяти филиалах работают по три научных сотрудника и по 1—3 помощника-секретаря; специальная лаборатория (11 сотрудников) института работает по рекультивации почвы.

При институте открыта специальная школа (разовый поток — 25 человек), где обучаются работники государственного аппарата и внештатные инспектора охраны природы. В штате школы — директор (он же преподаватель) и 5 человек обслуживающего персонала; при необходимости на общественных началах привлекаются лекторы.

Сам научно-исследовательский институт в г. Галле имеет лишь трех ученых (одного — по лесу, двух — по экологии и охране природы), всего же с техническим персоналом насчитывает 17, а с филиалами — 79 штатных единиц. Главные его задачи — координирование работ по охране природы, проводимых на территории ГДР, ознакомление добровольных кадров с поли-

Открытая вышка.

Закрытая вышка.

жениями об охране природы, контроль за охраной заповедников и координация проводимой в них научно-исследовательской работы.

Тематический план работ институту утверждает Сельскохозяйственная академия. Институт издает журнал «Архив защиты природы и изучения ландшафтов» (3—4 номера в год, тираж 1 тыс. экз.); филиалы института издают ежегодно по 2—3 бюллетеня. С целью предотвратить ущерб природе в обязанности института и его филиалов вменена также консультация организаций, проектирующих строительство промышленных предприятий.

Для систематической подготовки и повышения квалификации штатных и нештатных работников охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства в районе г. Шляйца открыта специальная школа, в которой единовременно обучаются 27—30 человек. В течение 5—7 дней школа готовит инструкторов для проведения занятий в охотколлективах и обществах. За школой закреплено около 3 тыс. га угодий; в них установлены наиболее современные кормушки и осуществлен ряд других биотехнических работ. Таким образом, эти угодья служат как бы наглядным пособием для обучающихся.

Состояние и перспективы охотничьего хозяйства

Охотничьи угодья ГДР включают 9,8 млн. га, из них 2,95 млн. га лесов, 4,7 млн. га полей, 1,44 млн. га лугов и 0,21 млн. га внутренних водоемов. За исключением заповедников вся эта территория, в зависимости от местных условий, разбита на охотничьи участки от 3 до 6 тыс. га каждый. Они закреплены за обществами охотников, которые ведут здесь охоту и весь комплекс необходимых работ. На одного охотника полагается 250 га лесных или 300 га полевых угодий; эта норма и лимитирует численность в стране охотников.

От охоты государство ежегодно получает около 3,5—4,0 тыс. т мяса дичи для продажи населению.

В 1967 г. в охотничьих угодьях ГДР обитало: 12,0 тыс. оленей, 6,0 тыс. ланей, 240,0 тыс. косуль, 2,0 тыс. муфлонов, 40,0 тыс. кабанов, 450,0 тыс. зайцев-русаков, 150,0 тыс. фазанов, 180,0—200,0 тыс. куропаток. К 1975 г. поставки мяса намечено удвоить за счет увеличения численности зайца до 550 тыс., кабана — до 42 тыс., ланей — до 30 тыс. животных и выращивания в фазанариях 250—300 тыс. птиц вместо 112 тыс. фазанов, полученных в 1967 г. Водоплавающей дичи в ГДР около 250 тыс. птиц, к 1975 г. ее количество намечено довести до 400 тыс. шт.; в связи с этим ежегодный отстрел уток и других водоплавающих теперь не превышает 5% маточного поголовья и на каждом третьем водоеме охота на эту дичь запрещена.

В 1967 г. в ГДР было добыто 6,4 тыс. оленей (в т. ч. 2,8 тыс. самцов и 3,5 тыс. самок), 1,7 тыс. ланей (в т. ч. 0,9 тыс. самцов и 0,8 тыс. самок), 127,2 тыс. косуль (59 тыс. самцов и 68 тыс. самок), 229 муфлонов (105 самцов и 124 самки) и 37,8 тыс. кабанов. Охотниками отстреляно 159,0 тыс. зайцев, 11,8 тыс. диких кроликов, 29,5 тыс. диких уток, 3,2 тыс. гусей, 8,3 тыс. фазанов, 3,2 тыс. куропаток, 12,0 тыс. диких голубей и 15,4 тыс. прочей пернатой дичи. Из пушных зверей в 1967 г. добыто 84,1 тыс. лисиц, 1,5 тыс. барсука, 29,9 тыс. куниц, 18,9 тыс. хорей и 7,7 тыс. горностаев. Эти виды добываются главным образом как животные, вредные для сельского и лесного хозяйства.

Составлению планов развития охоты в Германской Демократической Республике предшествовали тщательная бонитировка угодий и определение оптимальных плотностей дичи для каждого охотничьего хозяйства; особое внимание уделялось при этом оленю и косуле как основным видам дичи.

Переносная вышка.

Вместо налитон в окружающих уголья проволоочных изгородях предусматриваются такие вот лестницы-переходы: один конец основания лестницы находится по эту сторону, а второй — по ту сторону изгороди.

В общих чертах охотугодья страны разбиты на три бонитета: хороший (он должен иметь на 100 га не более 4 оленей), средний (не больше 2,5 оленя) и плохой (не более 0,5 оленя). При этом по количеству поедаемых кормов 1 олень приравнен к 3 косулям.

Ведение охотничьего хозяйства

В соответствии с законом об охоте, принятым 25 ноября 1953 г., и изданными в его развитие Министерством сельского хозяйства (согласованными с МВД ГДР) в апреле 1962 г. положениями об охоте и охотничьем хозяйстве страны все охотничьи звери и птицы составляют собственность народа и право использования их запасов принадлежит государству. Из отстрелянной дичи государству сдается 80% мяса оленя и косули, 70% кабана и зайца, 60% пернатой дичи. Туши копытных сдают целиком, лишь головы и внутренности остаются охотнику.

Сроки охоты устанавливает Министерство сельского хозяйства по согласованию с Министерством внутренних дел. На кабана охота разрешена в течение всего года, но по традиции ни один охотник не стреляет самку с молодым.

Охота, как правило, может вестись только коллективно — лицами, имеющими специальные разрешения или охотничьи билеты. Круг лиц, имеющих право на охоту, определяют высшие охотничьи инстанции по согласованию с Министерством внутренних дел; последнее устанавливает и правила охоты.

Охотничий билет (с фотокарточкой) выдается сроком на год и действителен с 1 апреля по 31 марта следующего года. Вступающие в общество (лица не моложе 18 лет) обязаны сдать экзамен по всем вопросам охотничьего хозяйства, иметь положительную характеристику с места работы и справку от врача о состоянии здоровья. Кроме того, они сдают экзамен по стрельбе на стенде и, уже будучи членами общества, на охоте целый год стажируются без ружья. Продлевая билет, охотника подвергают дополнительному экзамену после того, как он пройдет специальные небольшие курсы. За сдачу охотминимума вступающий платит 5 марок экзаменационного сбора.

В ГДР довольно широко распространена охота с ловчими птицами. Лица, желающие стать соколятниками, сдают специальный экзамен. Отлов ловчих птиц для охоты с ними разрешают охотуправление района и соответствующая областная охотничья организация.

Вступительный взнос зависит от получаемой заработной платы: при заработке от 175 до 1000 марок в месяц он составляет 35 марок, при большей зарплате — 55 марок; пенсионеры платят в год 10 марок. Кроме того, каждый член общества платит ежегодный государственный страховой сбор в сумме 5,7 марки.

В законе указано, что если во время охоты зверь тяжело ранен, то охотник обязан его отыскать. Убитое животное принадлежит тому охотничьему хозяйству, где оно ранено впервые.

Охотничьи общества

За исключением государственных охотничьих хозяйств (их тринадцать с площадью 51 тыс. га) охота в стране повсеместно проводится только охотничьими обществами.

Охотники ГДР, а их около 35 тысяч, объединены в первичные коллективы, входящие в 1000 юридически самостоятельных районных обществ. Областных обществ охотников и единого выборного союза этих организаций в ГДР нет: его функции выполняют названные выше общественные советы при Министерстве сельского хозяйства, обл- и райисполкомах. В районах же общества имеют выборный орган в составе председателя и его заместителя, начальника охоты и финансиста.

Для практического ведения охотничьего хозяйства в каждый охотничий участок (хозяйство) назначается общественный руководитель охоты и постоянный его заместитель. Кандидатуры их утверждает охотуправление области по представлению управлений охотничьего хозяйства районов, органов лесного хозяйства и районных управлений народной милиции.

Руководитель охоты или постоянный его заместитель отвечает за учеты и поддержание установленной плотности дичи в хозяйстве, разработку планов его ведения в соответствии с указаниями Госкомитета лесного хозяйства, за выполнение планов отстрела дичи и сдачи ее государству. Они ведают также выдачей членам общества охотничьего оружия и припасов, перед началом охоты проводят инструктаж ее участников и лично руководят загонными охотами.

Общества отвечают за выполнение плана отстрела и поставки мяса государству; за эффективность мер, снижающих ущерб, причиняемый охотничьими животными сельскому и лесному хозяйству (в т. ч. путем заготовки необходимых им кормов); за борьбу с вредными хищниками; они обязаны на каждые 500 га угодий иметь охотничью собаку для розыска подранков и истребления вредных норников.

Объем и виды биотехнических работ зависят от характера угодий и их кормовой ценности. Эти мероприятия разработаны по каждому хозяйству и ежегодно обуславливаются специальным договором между обществом охотников и лесхозом (договор заключается после того, как в апреле будет утвержден план отстрела дичи, основанный на ее повсеместном мартовском учете). В зависимости от конкретных условий договор предусматривает бесплатную выдачу лесхозом обществу охотников материалов — жердей, досок, гвоздей, кровельного и другого материала на строительство предохранительных изгородей, наблюдательных и охотничьих вышек, кормушек, солонцов и других объектов, а также сена и прочих кормов для дичи. Лесхоз отводит обществу посевные площади под ремизы и подкормочные поля, выделяет саженцы и другой посадочный материал. При отсутствии этих материалов лесхоз оплачивает обществу их стоимость.

Общество, со своей стороны, обязуется договором выполнить установленный хозяйству план отстрела дичи, оплатить лесхозу стоимость полученных патронов, вести учет отстрелянных животных по полу и возрасту, сдавать все мясо государству, построить силами охотников определенное количество кормушек, наблюдательных вышек, засидок на деревьях, живоловушек и т. п., заложить ремизы и кормовые поля, построить столько-то километров оград, проложить (сняв верхний слой дерна) почти метровый ширины охотничьи тропы.

Совместно с основным землепользователем общество обеспечивает оперативную охрану посевов от потрав животными. При ущербе, составившем свыше 10% посевов, общество и лесхоз возмещают стоимость потрав; меньший ущерб не возмещается. Размер ущерба определяет специальная комиссия из представителя общества, лесхоза, местных властей и хозяйства, которому причинен ущерб. Если общество недовыполнило план на 5% и более и не даст убедительных обоснований недовыполнению, оно платит штраф в размере заготовительной стоимости недоанной продукции (мяса, шкур), исходя из среднего веса зверей и птиц. При невыполнении плана закладки ремиз, подкормочных площадок и строительства указанных в договоре сооружений общество платит штраф в сумме стоимости ущерба, причиненного лесному и сельскому хозяйству в итоге невыполнения этих работ.

В дополнение к договору заключается соглашение об отлове обществом животных живьем (для научных целей и экспорта). В нем оговаривается цена, пол и возраст подлежащих отлову животных. За отлов взрослого самца косули лесхоз платит обществу 120, за самку — 100 и за молодяка — 80, за отлов зайца — 20 марок.

Членские взносы охотников распределяются следующим образом: 53% их остается в распоряжении районного общества, 20% перечисляются в районный отдел охоты, 17% — в областной отдел и 10% — в общегосударственный отдел охоты на финансирование различных охотхозяйственных мероприятий и, в частности, на компенсацию ущерба, причиняемого дичью сельскому хозяйству.

самодельное фоторужье

Г. АРТЮХОВ

Для каждого вида охоты требуется соответствующее оружие. Для фотоохоты нужно фоторужье. Где его достать? Можно купить готовое в фотомагазине, можно сделать самому. Купить готовое, конечно, быстрее и проще, но единственное имеющееся в продаже фоторужье фабричного производства «Фотоснайпер» далеко не всех удовлетворяет — конструкция его устарела, а цена очень высока. Очевидно, пока промышленность не выпустит новых фоторужей с мгновенной наводкой на фокус, многих охотников будут интересовать «самodelки».

Сделать хорошее фоторужье своими силами или с помощью какого-нибудь мастера сравнительно нетрудно. Осложнения может вызвать только столкновение противоречивых требований: с одной стороны, фоторужье должен быть точным прибором для быстрой съемки подвижных объектов, с другой — просто по конструкции и технике изготовления.

К сожалению, строители самоделок зачастую стремятся только к простоте и легкости изготовления фоторужья, совершенно забывая о его назначении. В результате появляются крайне примитивные изделия, неудобные, плохо работающие и не похожие на ружья. Между тем существуют рациональные конструкции, успешно действующие и в то же время доступные для кустарного изготовления. В качестве одного из таких примеров мы даем описание устройства фоторужья «БА»^{*}.

Особенностью этой конструкции является система отдельного крепления фотокамеры к ложе, благодаря чему на фоторужье можно ставить различные объективы и телеобъективы с любым наводочным устройством, а также использовать разнообразие телепроставки. Многие фотолюбители уже имеют различные телеобъективы и для них использование имеющейся оптики в фоторужье представляет большой практический интерес. В данной конструкции этот вопрос полностью разрешен.

Фоторужье «БА» (рис. 1) состоит из следующих частей: ложа 1, держатель фотокамеры 2, фотокамера типа «Зенит» 3, спусковой механизм 4, наводочное устройство 5 и составной телеобъектив 6.

Основная оптика фоторужья — составной телеобъектив со специальным устройством для мгновенной наводки на фокус.

СОСТАВНОЙ ТЕЛЕОБЪЕКТИВ

Составной телеобъектив, или телеобъектив с переменным увеличением, составляется из двух частей: «позитивного» компонента с положительным показателем и «негативного» с отрицательным показателем, разделенных значительным воздушным промежутком. В качестве позитивного компонента служит обычный объектив, в качестве не-

гативного — отрицательные линзы. Фокусное расстояние составного телеобъектива зависит от фокусных расстояний его компонентов и величины промежутка между ними. Изменение величины промежутка изменяет фокусное расстояние телеобъектива. Благодаря этому для наводки на фокус можно передвигать не весь телеобъектив, а только один из его компонентов, причем достаточно передвижения на несколько миллиметров. Эта особенность составного телеобъектива — большое преимущество для устройства мгновенной наводки на фокус.

УСТРОЙСТВО МГНОВЕННОЙ НАВОДКИ

Наводочное устройство (рис. 2) состоит из главной рабочей части — направляющего стержня 3, который имеет продольное движение в двух втулках 4. На стержне крепится подвижная часть телескопического тубуса 2 с позитивным компонентом. Негативный компонент помещается в неподвижной части тубуса 1. Оба компонента установлены так, чтобы их главные оптические плоскости были строго перпендикулярны к оси направляющего стержня — этим достигается их соосность при передвижениях позитивного компонента. Трубки телескопического тубуса играют второстепенную роль светонепроницаемого соединения компонентов. Их можно делать упрощенным способом из легких и дешевых материалов (жест, картон, фанера и т. п.).

Действие механизма чрезвычайно просто: рычажок 6, нажимая головку кулачка 7, посаженного на стержень 3, двигает стержень вперед, перемещая позитивный компонент, а спиральная пружина 8 при ослаблении нажима возвращает его в исходное положение.

Наводочный рычажок имеет два плеча — большое, на которое нажимает рука, и малое, толкающее кулачок направляющего стержня, что вместе с параболической кривизной малого плеча обеспечивает плавность, быстроту и точность передвижения позитивного компонента при незначительном усилии руки (рис. 3).

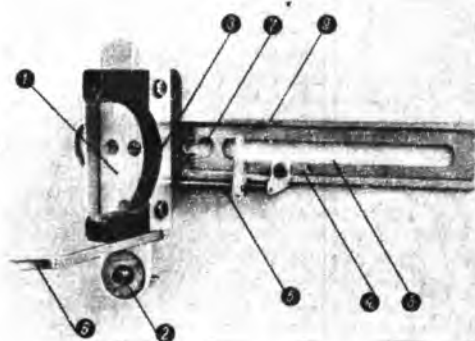
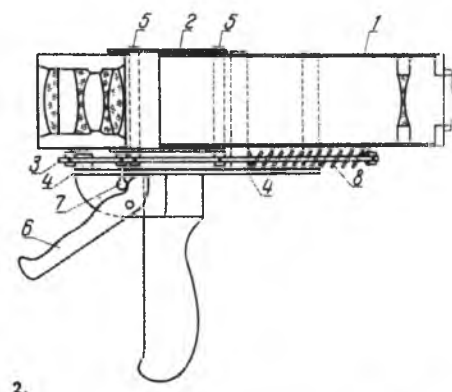
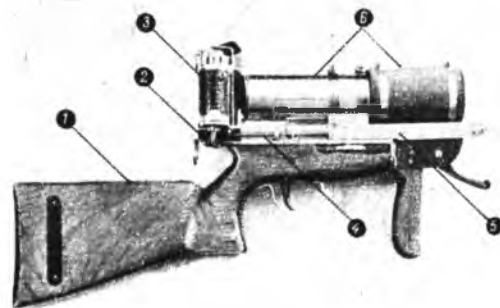
ФОТОКАМЕРА

Для фоторужья нужна малоформатная зеркальная камера с пентапризмой типа «Зенит». Удобнее других камера «Зенит-3М», а еще удобнее обещает быть «Зенит-7», которая недавно поступила в продажу.

ДЕРЖАТЕЛЬ КАМЕРЫ И ЛОЖА

Держатель (рис. 4) является центральным звеном, соединяющим все части фоторужья. Он состоит из площадки 1 со штативным винтом 2, вылообразной стойки 3 и соединительной планки 4, на которой крепится спусковой механизм 5. Размеры площадки и форма проема стойки определяются габаритами используемой фотокамеры.

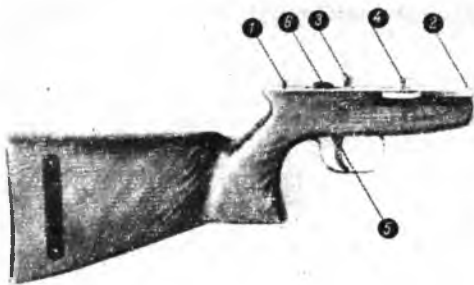
Иначе обстоит дело с расчетом длины соединительной планки, которая

служит исходной величиной для определения размеров других частей фоторужья. Соединительная планка держателя связывает в одно целое фотокамеру, наводочное устройство телеобъектива и ложу фоторужья (рис. 5). Она надевается на винт с широкой головкой через фигурный прорез, конец ее задвигается под скобу 2 и запирается защелкой 3. Соединение производится быстро (одним движением) и в то же время прочно и надежно (рис. 6).

Из рис. 4 и 5 видно, что часть ложи фоторужья, соответствующая цевью дробового ружья, должна иметь раз-

* Конструкция разработана А. Я и Г. Я. Артюховыми.

5.

6.

7 а.

7 б.

меры, точно соответствующие длине соединительной планки держателя. В свою очередь, соединительная планка должна иметь достаточную длину, чтобы на фоторужье можно было ставить сменные объективы, в частности наиболее популярный у нас телеобъектив «ТАИР-3» (4,5/300 мм) — один и с телеприставками.

Форма ложи, длина приклада, погибшей ложи, как и в обычном ружье, определяются телосложением охотника и его манерой прикладки. Следует только учесть, что фотограф должен приставлять глаз к окуляру камеры

вплотную, для чего ему приходится сильно поворачивать голову влево. Отсюда вытекает необходимость увеличить боковой (правый) отвод приклада, а самый приклад сделать укороченным.

Подгонке ложи следует уделить самое серьезное внимание — прикладистость фоторужья играет не меньшую роль, чем прикладистость дробового ружья. Надо добиться такой пригонки ложи, чтобы при быстрой вскидке к плечу окуляр приходился прямо против глаза, позволяя сразу наводить на фокус без дополнительных поправок положения фоторужья.

РАСЧЕТ СОСТАВНОГО ТЕЛЕОБЪЕКТИВА

Позитивным компонентом телеобъектива служит обычный объектив астигмат с фокусным расстоянием 135—210 мм, а негативным — отрицательная линза минус 10—15 диоптрий. Каким образом их подобрать, чтобы составить телеобъектив определенного фокусного расстояния?

Обратимся к формуле, указанной в руководствах и справочниках по фотографии: $F = f_1 \cdot p$;

$$F = \frac{f_1 \cdot f_2}{f_1 + f_2 - \Delta}; p = 1 - \frac{a}{f_2};$$

где: F — фокусное расстояние составного телеобъектива;

f_1 — фокусное расстояние позитивного компонента (объектива);

f_2 — фокусное расстояние негативного компонента (линзы);

Δ — величина промежутка между компонентами;

p — кратность увеличения F относительно f_1 ;

a — рабочий отрезок телеобъектива (расстояние от главной плоскости отрицательной линзы до фокальной плоскости).

Число диоптрий D переводится в фокусное расстояние и обратно по формуле: $f = \frac{1000}{D}$ и $D = \frac{1000}{f}$

Числовые обозначения подставляются в формулы со своими знаками.

Величина Δ должна быть меньше величины f_1 . При Δ равном f_1 система работать не может. Величина a должна быть больше 45,2 мм — стандартного расстояния от наружного среза объективного кольца до плоскости пленки в фотокамерах «Зенит».

СПУСКОВОЙ МЕХАНИЗМ

Передача движения от спускового крючка к спусковой кнопке фотокамеры производится через систему рычажков (рис. 4). Для камеры «Зенит-С» Г-образная тяга 6 оканчивается штифтом, направляемым в отверстие спусковой кнопки. В камерах «Кристалл», «Зенит-3» и «Зенит-3М» при заводе затвора спусковая кнопка вращается. Для этих камер на конец штифта необходимо надеть свободно вращающийся шарик, чтобы не тормозить вращение спусковой кнопки (можно воспользоваться маленькой бусинкой и т. п.).

Система рычажков действует очень мягко, требуя малого усилия на спусковой крючок (400—500 г), благодаря чему можно уверенно снимать медлен-

Снимок вороны на дереве: а) снимок «штатным» объективом «Зенита» «Гелиос-44» (2/58 мм); б) той же точки снимок фоторужьем «БА», «ТАИР-3» с телеприставкой Волкова «п»-1,7, превращенный в составной телеобъектив (7,6/510 мм).

ными скоростями затвора даже при сверхдлиннофокусной оптике.

Отдельное крепление фотокамеры к ложе позволяет ставить на фоторужье какие угодно сменные объективы. На рис. 7а показано фоторужье с телеобъективом «ТАИР-3» (4,5/300 мм) с червячной наводкой на фокус, а на рис. 7б — то же фоторужье со старым объективом Фохтлендера «Портрет-Эйрископ» с кремальерной наводкой. На этой же ложе успешно использовались объективы «Телемар-22» (5,6/200 мм), «Гелиар» Фохтлендера (4,5/180 мм) и «Юпитер-11» (4/135 мм), последний был

превращен телеприставкой Ленинградской мастерской в составной телеобъектив 10/337 мм.

Таким же образом можно использовать и любые другие объективы и телеобъективы с различными телеприставками. В частности, отличные результаты дает установка «ТАИР-3» с телеприставками $p = 2-2,5$, превращающими его в сверхдлиннофокусный составной телеобъектив с $F = 600-750$ мм (увеличение в 12-15 раз!), причем установка телеприставки производится легко и быстро за одну-две минуты.

МАТЕРИАЛЫ

Для изготовления фоторужья не требуется дефицитных материалов. В фоторужье, изображенном на снимках, площадка и вилообразная стойка держателя сделаны из десятимиллиметровой пластмассы, но ее вполне можно заменить прочным деревом. Металлические части изготовлены из дюралевых полос и угольников. Для соединения тубуса составного телеобъектива с фотокамерой использовано кольцо со стандартной резьбой из набора удлинительных колец для макросъемки. Кольцо закреплено в трубке тубуса на клею БФ-2.

Ложка сделана из пятисантиметровой сосновой доски. Однако сосна легко колется по слою и если слои придутся поперек шейки ложки, то при неосторожном обращении возможен ее излом. Лучше взять более вязкое дерево — березу, клен и т. д., но дорогой и тяжелый орех для ложки фоторужья, конечно, не нужен.

ТРАНСПОРТИРОВКА ФОТОРУЖЬЯ

При транспортировке фоторужье легко и быстро разбирается, причем может быть два варианта: полная разборка на части (ложка, держатель, фотокамера, телеобъектив с наводочным устройством) и полуразборка на две части (ложка и держатель с закрепленной в нем камерой вместе с телеобъективом).

Кроме транспортировки, существенное значение имеет вопрос удобного ношения фоторужья на охоте, готового к действию. Опыт показал, что рациональнее всего заменить обычные ружейные антабки одним кольцом, прикрепленным к держателю камеры. В кольцо продевают узкий мягкий ремень (лучше текстильный), который перекидывают через левое плечо, и фоторужье свободно висит на правом боку. В таком положении оно оставляет руки охотника свободными, не стесняет движений, не мешает ходьбе, а главное — в любой момент его можно быстро вскинуть к плечу.

В заключение следует подчеркнуть, что особенно важно добиться правильной установки обоих компонентов составного телеобъектива, то есть строгой перпендикулярности их оптических плоскостей к оси направляющего стержня. Если резкость изображения недостаточна равномерно по полю кадра, то прежде всего надо проверить точность установки компонентов, а уже затем искать другие причины.

Рассчитывая составной телеобъектив, не следует увлекаться величиной фокусного расстояния, так как при этом будет снижена светосила.

АВСТРАЛИЯ. По сообщению газеты «Дейли мирор», на консервные фабрики Австралии еженедельно поступает более 10 тыс. туш кенгуру, перерабатываемых на консервы для собак, кошек и звероферм.

АНТАРКТИДА. Английская антарктическая экспедиция обнаружила в тканях всех добытых пингвинов, поморников, бакланов, рыбы и беспозвоночных хлороорганические ядохимикаты (гексахлоран, ДДТ, гептахлор, дильдрин и др.), хотя некоторые из обследованных животных абсолютно оседлы.

ДАНИЯ. Численность тетеревов сокращается здесь параллельно уничтожению зарослей верещатников. Сейчас эти птицы живут лишь на 40 тыс. га верещатников, а еще в 1940 г. занимали территорию в 150 тыс. га. За это же время весенняя численность тетеревов упала в стране с 2400 до 1100 и ежегодный отстрел их не превышает теперь сотни этих птиц.

НИДЕРЛАНДЫ. В конце прошлого года в Амстердаме состоялся международный конгресс председателей всех европейских клубов охотничьих спаниелей, судей и экспертов-спаниелистов. Конгресс уточнил отдельные положения стандартов этих собак и правил их испытаний. После закрытия конгресса там же состоялась организованная Голландским спаниель-клубом 3-я Европейская выставка спаниелей.

США. С 1948 г. здесь ведутся опыты дичеразведения в полосах отчуждения промышленных предприятий, газовых и электрических сетей. Сейчас такие работы развернуты в нескольких штатах. Совместное ведение хозяйства промышленниками и Департаментом дичи оказалось выгодно обоим партнерам. В среднем за семь лет затраты на опытных участках составили от 3,75 до 15 долларов на 1 га в год, тогда как при использовании гербицидов для борьбы с зарастанием полос отчуждения эти ежегодные расходы подскочили бы до 35 долларов на каждый гектар.

США. Медики-экологи провели интересный эксперимент. Мышей и собак погружали с головой в растворы солей, близкие по составу кровяной плазме этих млекопитающих. Жидкость была насыщена кислородом под давлением в 8 атмосфер и имела температуру 20°. Захлебнувшиеся животные вначале испытывали сильное беспокойство. Однако этот период длился недолго, и звери начинали «дышать» водой. Чтобы уменьшить затраты энергии животных на прогон жидкости через легкие, процесс дыхания им облегчали механическим вентилированием. Опытом установлено, что собаки поглощали из жидкости столько же кислорода, сколько и при нормальном воздушном дыхании. Однако количество удаляемого из организма углекислого газа оказалось недостаточным, чтобы предотвратить повышение артериального давления. Ученые считают, что хорошее состояние собак после опыта говорит о возможности подобного же дыхания и у человека.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ. В Богемии, в 42 километрах южнее Праги, стоит в лесу воздвигнутый в XIII столетии замок Конопичште. В 1887 г. его за 3,5 миллиона гульденов приобрел Франц Фердинанд — тот самый, который был убит в Сараеве. А это убийство, как известно, послужило толчком к началу первой мировой войны...

В замке собрана богатейшая коллекция — около 300 тысяч разнообразных охотничьих трофеев, свезенных со всего света: рога, головы и целые чучела самых различных животных, с которыми встречались охотники разных стран в разное время. В нескольких залах замка размещена одна из крупнейших в Европе коллекций оружия XVI—XVIII столетий. К числу достопримечательностей замка относится и уникальное собрание, насчитывающее 1153 статуи святого Георгия — охотника, победоносно поражающего копьём драконов.

Миновали века пышных охотничьих выездов владельцев замка. В годы второй мировой войны замок захватили эсэсовцы. В конце войны над ним нависала угроза разграбления и уничтожения. Спасли замок и его сокровища мужественные чехословацкие патриоты.

На земных меридианах

На земных меридианах

ПОВЫШЕНИЕ ЦЕН — НЕОТЛОЖНОЕ ДЕЛО

Многие областные и районные общества охотников и рыболовов Российской Федерации в целях выполнения и перевыполнения плана пушных заготовок организуют конкурсы среди охотников на лучшего добытчика пушнины.

В поселке Вешкайма, Ульяновской области, живет охотник-любитель Вячеслав Викторович Бурлаков. Это молодой энтузиаст охотничьего дела. Он создал в Вешкайме и районе гнезда высокопородных лаек, завезя их с северного Урала и главным образом из Москвы. За сезон 1967/68 г. со своими лайками Белкой и Эльбой В. В. Бурлаков добыл и сдал государству 305 белчиных шкур, 4 — куньих, 37 — красной лисицы и много другой пушнины. В общем за сезон осенне-зимней охоты он добыл пушнины на 555 руб. 30 коп., заняв первое место по области и во много раз превысив взятое обязательство.

За успешную сдачу пушнины заготовителю райпотребсоюза премировала его орденом на мотоцикл с коляской.

Основная работа Бурлакова — техник-механик по рентгеновским установкам Вешкаймской больницы.

Центральные области РСФСР, такие как Московская, Ярославская, Владимирская, Ивановская, Калининская и ряд других, достаточно богаты пушным зверьем (белкой, куницей, хорьком, норкой). В этих областях

пушнину добывают главным образом охотники-любители в свободное от работы время. Однако такой охотник почти никогда не покрывает понесенных им затрат добытой пушниной.

Охотник Москвы или другого города живет от ближайшего вокзала в 8—10 и более километрах. Он вынужден тратить на проезд с собакой по городу и железной дороге (в условиях Московской области — за пределы зеленой зоны, где охота запрещена) в среднем 3 руб. за один выезд плюс патроны по цене 15 коп. за штуку. При самом минимальном расходе 10 патронов за охоту — еще 1 руб. 50 коп. Всего 4 руб. 50 коп. — 5 рублей в день, не считая амортизации оружия, одежды и обуви, а также содержания собаки. И чтобы оправдать этот расход, он должен добыть не менее 10—12 белок, а добывает обычно 5—6, что при средней стоимости 50 коп. за шкуру составит 3 руб. за день охоты.

Шкурка белки становится полностью выходной примерно к 10 ноября и охота на белку, главным образом, проходит уже по снегу, что значительно снижает добычу. Следовательно, городской охотник-любитель отстает от охоты в солидном накладе, что является сдерживающим фактором в добыче пушнины. С этим нельзя не считаться, и поэтому вопрос о повышении цен на пушнину в центральных областях — неотложное дело.

П. БЕЛЯЕВ,
охотник
г. Москва.

САМОЕ КОРОТКОЕ ЛЕТО

В прошлом году на Васюгане было самое короткое лето.

Во всяком случае, такого не помнит даже стовосемнадцатилетняя Ульяна Кучугова.

Последний снег у нас выпал во второй половине июня, а первый — первого сентября. Конечно, снег не лежал сугробами и не трещали морозы, но он шел несколько часов крупными хлопьями. Поэтому ягод и гри-

бов было так мало, что голодные медведи вели себя агрессивно. Они близко подходили к селениям и нападали на скот, пасшийся в близлежащей тайге или на Васюганских пелесах. А однажды медведь, преследуя выслеженную лошадь, забежал в село Тимельгу. И только собравшиеся со всего села лайки заставили зверя уйти.

С. ХОХЛАЧЕВА

с. Новый Васюган,
Тюменская область

ЗИМА —
НА ВСЕ РУКИ
МАСТЕР

А. ЧИРКОВ

Вологодская областная универсальная научная библиотека

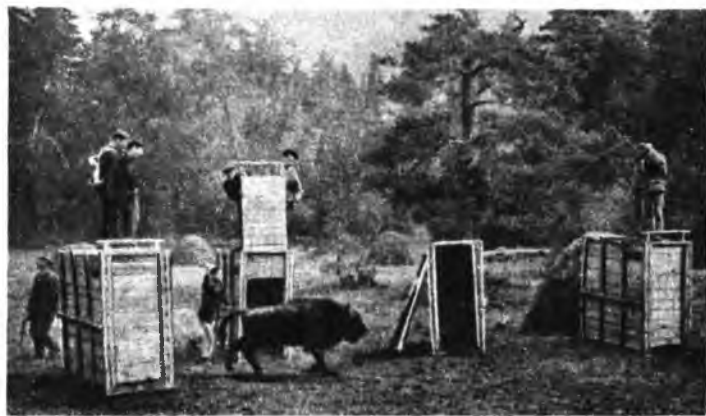

Фото Ю. ИГНАТЕНКО

ЗУБРЫ В АРХЫЗЕ

Тебердинский государственный заповедник получил первую партию молодых зубров из зубропитомника Окского госзаповедника. Они выпущены в Кизгичском ущелье Архызского отдела Тебердинского заповедника (на снимке — момент выпуска).

Я. ЗБЗЕЕВ

Карачаево-Черкесская
автономная область.

БРАКОНЬЕРСТВО
В ТУНДРЕ

Резко сокращается на Чукотке численность дичи.

Еще задолго до открытия весеннего охотничьего сезона в тундре стоит нанонада — идет массовое истребление гусей. Браконьерам все безразлично — лишь бы побольше настрелять. Вместо положенных для отстрела на охотника пятнадцати гусей убивают по сто и более.

Доставив свои трофеи в населенный пункт, некоторые браконьеры распродают добытых гусей, а зачастую выбрасывают, так как гуси начинают портиться. Совершая свои грязные дела, браконьеры уверены, что им сойдет все безнаказанно. Обычно свой разбой они ведут за сто и более километров от населенных пунктов, куда ни инспекции по охране, ни мили-

ции не попасть, так как у них нет вездеходного транспорта.

Нарушаются также сроки и правила охоты геологическими партиями. Совершенно нет никакой необходимости выдавать геологам нарезное оружие. Я проработал в геологических партиях тринадцать лет. Оружие, выдаваемое нам, ни разу не применялось по назначению. Необходимо в ближайший срок изъять у геологических экспедиций винтовки, карабины и малокалиберные винтовки. Случаи браконьерства в полевых партиях резко сократятся.

Необходима также проверка охотничьих билетов в то время, когда партия уже находится в районе своих работ. Оружие должно изыматься у лиц, не имеющих охотничьих и членских билетов.

М. ИВАНОВ

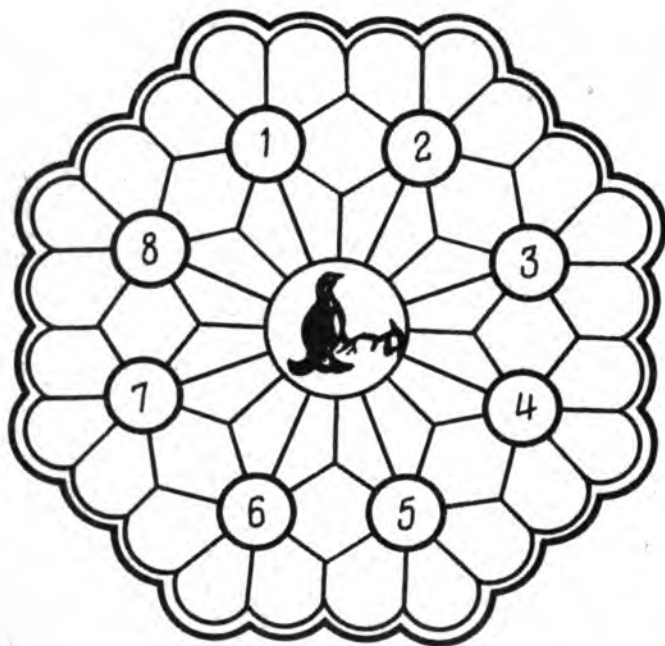
г. Анадырь.

Логическая задача

Охотники Иванов, Петров и Сидоров добыли три утки: крякву, чернетку и чирка, затратив при этом шесть патронов. Спрашивается: сколько патронов и на какой именно трофей израсходовал каждый из них, если известно лишь, что Иванов убил не крякву, Петров — не чернетку и израсходовал не два, а тот, кто убил крякву, — не три патрона, убивший же чернетку обошелся одним выстрелом.

Ив. ГЛАДКИЙ
пос. Диканька,
Полтавская область

Кроссворд

В латки этой фигуры заполните буквами так, чтобы вокруг названных кружков (читая по ходу часовой стрелки и принимая за начальную клетку те, что помечены черточкой) получились слова следующего значения: 1. Подъем воды, тающий опасность для зверей и молодых птичьих выводков. 2. Нераспавшаяся семейная группа птиц или млекопитающих. 3. Составная часть дробового снаряда. 4. Охотничья избушка промысловиков. 5. Охотничье-промысловая птица. 6. Человек, на которого в первую очередь рассчитан наш журнал. 7. Выложенная приманка для зверя. 8. Промысловый зверек.

Н. РЫЖКОВ
пос. Южноуральск

Конец охотоненавистника

Парижский суд приговорил к 18 месяцам лишения свободы страстного противника охоты — 46-летнего вегетарианца Жана Мюруара. Избрав несколько необычный способ «борьбы» за свои идеи, охотоненавистник подходил в ресторанах к столикам, вырывал из-под носа перепуганных посетителей тарелки с дичными блюдами, швырял их на пол, топтал ногами и при этом проводил среди дичеедов соответствующую «разъяснительную работу»...

Судья на суде сказал:
— Вот до чего может дойти человек, если он питается, подобно кролику, одними овощами!

ОТВЕТЫ НА ЗАДАЧИ, помещенные в № 1 журнала

РОЗЕТКА

1. Песец. 2. Ланка. 3. Анонс. 4. Ковер. 5. Крыса. 6. Самка. 7. Рогач. 8. Охота. 9. Выдра. 10. Скоба. 11. Камас. 12. Нодья. 13. Скопа. 14. Марал. 15. Дробь. 16. Вигль. 17. Грива. 18. Олень. 19. Течка. 20. Озимь. 21. Петля. 22. Диана. 23. Котик. 24. Егерь. 25. Отлет. 26. Поиск.

По кругу: «С Новым годом, дорогие читатели!»

КРОССВОРД

По вертикали: 1. Архар. 2. Малик. 4. Ласка. 5. Косач. 8. Колонок. 9. Варклай. 12. Горал. 13. «Велка» 16. Манок. 17. Номер. По горизонтали: 3. Приклад. 6. Фазан. 7. Силок. 10. Норка. 11. Марал. 4. Порох. 15. Векас. 18. Кабан. 19. Лодка. 20. Пойнтер.

Н. КРУТОРОГОВ. Науку — на службу охотничьему хозяйству	1
П. ВОЛКОВ. Запросы дальневосточных охотников	2
Не раздувать вражду	4
О. ЗЕЙНАЛОВ. Егерь с острова Глиняный	6
Е. КЛОЦ. Михаил Иванович Домбай	7
А. КАЛЕЦКИЙ. Угодья богатые	8
У нас в гостях журнал «Кролиководство и звероводство»	10
О. ГУСЕВ. Заповедники и туризм	12
Б. ПОДКОВЫРКИН. Череп зверя — ценный трофей	16
Г. МОНАХОВ. Бобр Восточной Сибири	18
Н. ВОРОНОВ. Бобры Владимирщины	19
В. РАЗМАХНИН. Рога сайгак и тибетская медицина	20
П. ОБУХОВ. Снежные бараны на Колыме	20
Б. ЗЛОБИН. Кабан в Прибалхашье	22
Рефераты охотоведческих работ	23
П. БЕЛЯЕВ. С лайкой по норному зверю	24
А. МАЗОВЕР. Кормление щенка	26
Словарь охотника-собаковода	27
Н. ЖАВОРОНКОВ. Сутяжники поддержки не встретят	28
Л. ИОНОВ, Л. КОЗЛОВ. Палатка с пневматическим каркасом	29
А. СТОЯНОВ, Т. ОРЕХОВА. Новая технология покрытия деталей ружей	30
Ф. КРУТЫПОРОХ. На кабаньих тропах	32
Ю. ЛИВЕРОВСКИЙ. Путь отважного	34
Василий БОЧАРНИКОВ. В заснеженном лесу	36
Андрей ЯК. Соболятник	38
Библиотека охотника	41
И. МАКСИМОВ. Охотничье хозяйство ГДР	42
Г. АРТЮХОВ. Самоделное фоторужье	44
На земных меридианах	

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

О. К. Гусев (главный редактор),
А. Г. Банников, В. Ф. Гаврин, В. Г. Гептнер, Д. Н. Данилов, В. В. Дежкин, Г. П. Деметев, Н. В. Елисеев, А. М. Колосов, А. И. Корольков, А. П. Мазовер, И. А. Максимов, А. В. Малиновский, С. П. Наумов, Е. Н. Пермитин, В. Е. Попов, С. М. Успенский, К. А. Ястребов (зам. гл. редактора).

Оформление Л. А. Гребцовой.

Художественный редактор А. А. Шварц.

Корректор В. А. Ефимова.

Издательство «Колос».

Адрес редакции: Москва, К-6, ул. Горького, 32.
Тел. 250-44-11; 226-50-95.
Рукописи и фото не возвращаются.

Т 17877. Сдано в набор 26/XI—1988 г. Подписано в печать 3/I—1989 г. Формат бумаги 60×90/16. Вумажин. л. 3. Печати. л. 6 Уч.-издат. л. 10.01. Тираж 680.000 экз. Зак. 05855. Цена 30 коп.

Издательство и комбинат печати «Радияська Україна», Киев, Брест-Литовский проспект, 94.

Цена 30 коп.
Индекс 70673